ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

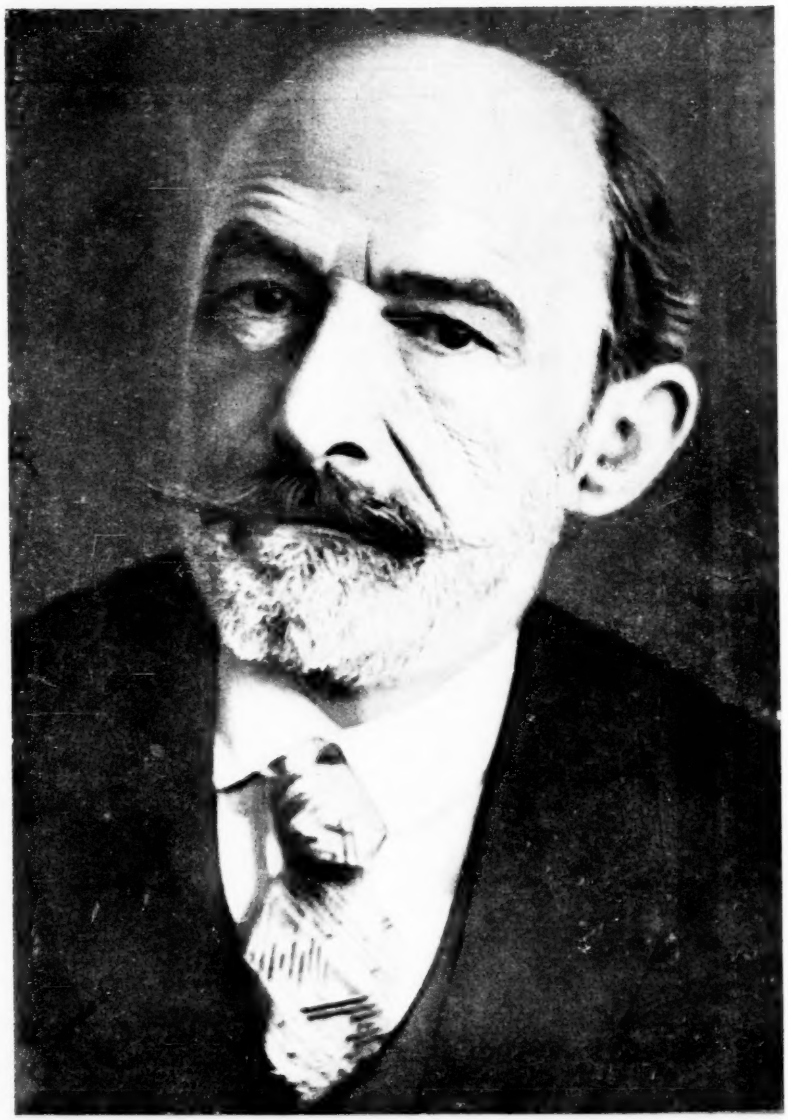
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ (ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ)

1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Валовая улица, 28.
Главлит А-50265. П. 12. Гиз 35260.
Заказ № 2459. Тираж 1 800 экз. 14¾ л.



В. М. ФРИЧЕ
1870 — 1929

В. М. Фриче.

4 сентября с. г. умер Владимир Максимович Фриче. В лице его Центрархив РСФСР понес тяжелую утрату. Владимир Максимович был бессменным членом редакционной коллегии «Красного архива» с самого основания журнала и принимал ближайшее участие в редактировании историко-литературных изданий Центрархива. В первые годы архивной реформы Владимир Максимович активно участвовал и в организационной работе Центрархива.

В лице В. М. Фриче советская наука и общественность потеряли выдающегося ученого-коммуниста, мастерски владевшего марксистским методом. Революционно-марксистское мировоззрение, которым были проникнуты лекции В. М. по истории западной литературы, и блестящий лекторский талант сразу снискали ему популярность, когда он начал свой первый курс (в 1904 г.) в Московском университете.

Перу В. М. принадлежит ряд выдающихся работ, обеспечивших ему почетное место в ряду основоположников марксистского литературоведения и искусствоведения. Таковы его: «Очерки по истории западно-европейской литературы», «Итальянская литература XIX в.», «Западно-европейская литература XIX в. в ее главнейших проявлениях», «Поэзия кошмаров и ужасов», «Социология искусства», «Современные заметки» и др. В этих работах В. М. дал марксистский анализ мировой литературы и искусства. Вся более чем тридцатилетняя научная, литературная и общественно-педагогическая работа В. М. была проникнута борьбой против идеализма в литературе и искусствоведении за революционный марксизм. С первых шагов своей научно-литературной деятельности он неутомимо разоблачал реакционные течения в литературоведческой науке. Точно так же реакционные и упадочнические тенденции, когда они возникали в современной советской литературе и искусстве, находили в нем беспощадного противника.

В. М. был не кабинетным ученым, но ученым-революционером, крепко связанным с широкими массами. Он показал на своем примере, что наука должна прежде всего служить революции. Редкая эрудиция, блестящий литературный и лекторский талант, огромный темперамент полемиста, в сочетании с марксистским методом, которым В. М. владел чрезвычайно искусно, — вот черты, которые всегда делали В. М. Фриче опасным противником академического мракобесия, идеализма и всяческого оппортунизма.

В. М. Фриче зорко следил за успехами пролетарской культуры. Ряд современных талантливых пролетарских писателей впервые был выдвинут именно В. М. Фриче.

Вместе с тем В. М. Фриче был организатором науки о литературе. Он был создателем и бессменным руководителем Секции литературы и искусства Коммунистической академии СССР, Институтов языка и литературы, Археологии и искусствознания РАНИОН, Литературного отделения Института красной профессуры, Литературного отделения I МГУ. Он принимал активное участие в организации и редакционной работе журналов «Красный архив», «Литература и марксизм», а также «Литературной энциклопедии» и др.

И везде — в научно-исследовательской работе, в руководстве молодыми марксистскими литературоведами и искусствоведами, в редакционной работе и т. д. — В. М. проявил огромную эрудицию, острый ум, необыкновенную чуткость, товарищеский такт и выдающуюся работоспособность.

В лице В. М. Фриче советская наука и общественность потеряли одного из лучших своих представителей. Пролетарская смена, подготовке которой В. М. отдал свои силы, должна продолжать свою работу в том направлении, по которому, руководясь методом революционного марксизма, вел ее В. М. Фриче.

Балтийский флот накануне Октября.

(Из дневника И. И. Ренгартена [1]).)

Август и сентябрь — два месяца, в течение которых Балтийский флот, а вслед за ним и Центральный Комитет Балтийского флота (Центробалт, Ц. К. Б. Ф.) вновь заняли непримиримую позицию по отношению к Временному Правительству. Матросская масса значительно быстрее сбросила с себя оковы, которые на нее наложило после июльской демонстрации правительство Керенского; она сделала это быстрее, чем ее центральный орган — Центробалт.

Первые признаки освобождения команд от впечатления, оставленного июльским разгромом и реакцией, мы видим еще в конце июля. Начало же перелома в Центробалте так называемого третьего созыва, сменившем Комитет, распущенный правительством, мы наблюдаем в первых числах августа. Однако Центробалту нового состава понадобилось еще несколько недель, чтобы окончательно сойти с соглашательского пути, отталкивавшего от него матросские массы.

Исходным моментом в этом повороте Центробалта следует считать заседание 7 августа, когда большинством 18 против 16, при 2 воздержавшихся, было постановлено, что Центробалт как учреждение должен иметь свою политическую платформу». Это было открытое выступление против речи, которой командующий флотом контр-адмирал Развозов, в качестве представителя правительства, открыл первое заседание Центробалта 3-го созыва. Свое по существу контрреволюционное выступление Развозов закончил откровенным призывом «оказать хорошую помощь флоту, меньше вдаваться в политическую сторону дела, поддерживать центральные органы в Петрограде и не тормозить их работы отдельными выступлениями» (подчеркнуто мною. — *А. Д.*).

На следующий день, 8 августа, Н. Ховрин (большевик) на заседании Центробалта прямо ставит вопрос: «Центральный Комитет из матросов должен поддерживать взгляды матросов, а не командующего Балтийским флотом, который с ЦК не идет».

Выступивший перед этим представитель команды одного из наиболее революционно настроенных кораблей флота, линкора «Петропавловск», Блохин говорит, что «Ц. К. Б. Ф. в данный момент тянется в хвосте».

---

[1]) «См. Красный архив», тт. XXV, XXXII.

Наконец, 18 августа 12 членов Центробалта подали в президиум Центробалта заявление, что ввиду «непродуктивности» работ Ц. К. Б. Ф. и падения в матросских массах его авторитета «с каждым днем» так продолжать работу далее невозможно, — «выход из настоящего положения, — читаем далее в заявлении, — мы усматриваем в одном из двух: принятие старого устава Ц. К. Б. Ф. утвержденного съездом, или немедленный созыв съезда Балтийского флота».

Это заявление и требования находились в полной связи с тем брожением, которое, начиная с первых чисел августа, мы наблюдаем в действующем флоте. И недаром Ренгартен, как и многие другие, просчитавшись с «твердой властью», после июльских дней, при виде растущего с каждым днем революционного настроения среди матросов, впадает в явно упадочническое настроение. Так, разделив офицеров флота на 4 категории, из которых первой у него являются «упавшие духом», Ренгартен пишет: «Я думаю, что больше всего первых».

Разочаровавшись в возможности разрешить вопрос о войне и власти через правительство Керенского, офицеры, естественно, тяготели к старому, и вряд ли прав автор дневника, когда пишет, что вторых, т. е. «непримиримых — чающих, что революция сгинет и вернется доброе старое время», — меньшинство.

Симпатии значительной части офицерства были на стороне Корнилова. Это видно из печатаемого ниже дневника. Характерным является отношение Ренгартена и его политических друзей к распоряжению о посылке в Петроград миноносцев. В дневнике читаем: «Корпус Корнилова все продолжает двигаться к Петрограду „в боевом порядке“ и, может быть, уже утром где-нибудь в районе Царского Села произойдет столкновение. По-нашему, посылка миноносцев бессмысленна» (разрядка моя. — *А. Д.*).

У Ренгартена, как и у большинства офицеров, нет желания итти против Корнилова. Особенно это заметно до момента разложения корниловских частей. В этот период открыто против Корнилова, как пишет сам Ренгартен, был только один Довконт. Последовавшая затем ликвидация попытки Корнилова производит коренной перелом в настроении офицеров. Если до этого штабные офицеры — Черкасский, Ренгартен и др. — категорически возражали против так называемых расписок, то теперь тот же Ренгартен сам выдвигает этот вопрос и добивается проведения его в жизнь. В итоге расписка, требуемая Революционным Комитетом и Центробалтом, подписывается штабными офицерами во главе с самим командующим.

Кроме поражения Корнилова здесь сыграли роль и события, имевшие место в действующем флоте. «Кречет» в эти дни находился в Ревеле, где штабу, и Ренгартену в том числе, пришлось лично наблюдать моменты возможного самосуда над князем Долгоруковым. Не менее сильное впечатление должен был оставить расстрел 4 офицеров «Петропавловска». Как и в дни Февральской революции, члены «некоторых кругов» учли обстановку и настроения команд и отступили. Не столь дальновидными были офицеры «Петропавловска», которые игнорировали действительные настроения матросов, готовых в эти дни уничтожить все, что имело отношение к корниловской контореволюции. О том, что на «Петропавловске» состоялось не простое убийство, как это рассматривается Рен-

гартеном, мы можем убедиться из вынесенной командой корабля резолюции и характера выбора (по жребию) конвоя. Последний таким образом был уполномочен произвести казнь офицеров-корниловцев. В резолюции, принятой командой «Петропавловска», читаем: «Таким контрреволюционерам нет места в свободной стране, а поэтому настаиваем, чтобы их не было в живых. Председатель Дючков».

После ликвидации Корнилова политические события во флоте пошли еще более быстрым темпом. 19 сентября, в связи с конфликтом между Центрофлотом и правительством, которое постановило распустить Центрофлот, Центробалт принял постановление, в сущности порывавшее всякие сношения флота с правительством. «Считать роспуск нашей выборной организации — Центрофлота — незаконным и недопустимым, — читаем в резолюции Центробалта, — так как Временное Правительство не имеет права распускать высшие организации, — права, которое принадлежит только выборщикам и съездам».

«Ввиду того, что Временное Правительство не считается с этим, — читаем далее, — пленарное заседание заявляет, что больше распоряжения Временного Правительства не исполняет и власти его не признает [разрядка моя. — *А. Д.*] и призывает Центрофлот занять свое законное место как высшей морской организации».

Между тем соглашательский Центрофлот предпочел за лучшее пойти на компромисс с правительством. Этим Центрофлот потерял весь тот авторитет, который ему удалось создать себе в корниловские дни, когда он действительно проявил массу инициативы и энергии.

Последующие события показали, что Центрофлот идет не с революционно настроенными матросами, а поддерживает Временное Правительство и соглашательский ЦИК. Однако и линия Центробалта не всегда была достаточно выдержанной и стойкой. Это привело к тому, что базы флота выдвинули требование немедленного созыва съезда, который и открылся 25 сентября как 2-й съезд представителей Балтийского флота. Этот съезд подвел итоги и совершенно четко поставил вопрос о переходе всей власти к Советам. «В случае отказа, — гласит резолюция, — съезд предлагает Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов взять на себя инициативу созыва Всероссийского Съезда Советов, который должен взять власть в свои руки; безответственному же министерству и выделенному из искусно подтасованного Демократического совещания Предпарламенту, отвергшему защиту интересов обездоленных классов, доверия и поддержки от революционного Балтийского флота не будет ни на иоту...»

Ряд других постановлений, принятых съездом (о создании института комиссаров, выборности офицеров, принятие устава и т. д.), решили участие Балтийского флота в Октябрьской революции.

А. Дрезен.

1917 ГОД.

6/VIII. Воскресенье. 11 ч. 30 м.

С 10 ч. происходит совещание всех Исполнительных Комитетов — докладывает генерал-губернатор Стахович, комфлот Развозов и генерал, командующий войсками, подчиненными комфлоту [1]).

Органам демократии сообщают о намерения сейма самочинно собраться (м. б.. 7 или 8/VIII), об отношении к этому делу Врем. Правительства, о необходимости препятствовать распадению государства; что в случае упорства сейма надлежит хотя бы силою оружия поддержать решение Временного Правительства.

Ожидалась и сегодня забастовка, но трамваи с утра ходят. Не знаю, что будет дальше. Нордман [2]) говорит, что в Финляндии все готово: 20 000 человек спортсменов в кратчайший срок могут сплотиться в организованную, дисциплинированную массу...

Вчера у меня был Н. Зубов [3]), горячо говорил о необходимости образования офицерского союза, не занимающегося политикой, но признающего и основанного на принципе народовластия. Союз со средствами, собранными путем %%-ных отчислений и имеющий целью защиту профессиональных интересов и оказание моральной и материальной поддержки во всех случаях.

Черкасский находит, что с е й ч а с любой союз, как бы ни были высоки или целесообразны его намерения, как серьезный фактор, получит лишь, что к нему «демократия» немедленно приделает ярлык «контрреволюционности».

На офицерство давят и сверху и снизу, и вот образовалось четыре большие группы офицеров:

1. Упавшие духом.
2. Непримиримые — чающие, что революция сгинет и вернется доброе старое время.
3. Идейные работники.
4. Негодяи, кадящие толпе, ловящие рыбу в мутной воде, преданные личным интересам.

Я думаю, что больше всего первых, много третьих, а вторые и четвертые в меньшинстве.

Характерную фразу слышал я сегодня от одного офицера: «Раньше знал, что воюешь за царя, за Русь святую, что если откажешься воевать: повесят!.. Теперь — за... большевиков; тогда и воевать не стоит...».

Вчерашняя резолюция соединенного совещания всех комитетов предлагает массам не вмешиваться в финские дела и вообще носит характер поддержки и подчинения Временному Правительству.

А сегодня на «Севастополе» их делегаты извинились за подписание такой резолюции, говоря, что в действительности о подчинении и доверии не может быть и речи, что временно надлежит ни во что не вмешиваться и ждать....

10/VIII.

Утром, на «Громящем», из Петрограда вернулся комфлот.

Был там у Керенского, доложил об ультимативной резолюции гельсингфорских комитетов [4]). Конечно — ответа никакого, да и немудрено, ибо тут же была депутация от Хивы или Бухары, которые тоже отделяются по примеру всех прочих...

Планы и намерения в связи с предстоящим Московским совещанием или держатся в секрете или отсутствуют.

Управляющий морским министерством Лебедев вышиблен; кажется, управляющим мор. мин. будет тот же Савинков.

Надо, чтобы те, кто не участвует активно в политической жизни, честно выполнили, по крайнему разумению, то дело, у которого стоят (в армии и флоте особенно); если бы это все делали, было бы гораздо лучше всем, и не было бы такой вопиющей разрухи. Ужасно, что много офицеров только и делают, что бранят социалистов и «товарищей», вместо того, чтобы найти в себе простое сознание долга и не опускать руки под тем предлогом, что все равно — «это ни к чему»...

15/VIII. Вторник. 1 ч. 30 м.

Закрылось Московское совещание.

Вернулся князь; говорит, что, в общем, оно дало некоторый плюс: если нынешнее правительство сумеет, то оно сможет...

Сумеет ли?

Вот что — главное.

В Петрограде, с легкой руки Л. Муравьева, выставлена моя кандидатура на пост флаг-капитана походного штаба министра-председателя.

Мои намерения: если обязанности по этой должности не касаются общей политики, если там можно принести пользу для флота и предотвращать вред для флота, я соглашусь.

Так написал Житкову [5]) и на его телефонный запрос ответил, что согласен приехать для переговоров, но не связал себя обещанием.

В общем, смотрю на это вероятное назначение, как на крест, но готов его возложить, ибо знаю, что на этом месте можно много сделать, а это теперь важно.

Левушка Сахаров страшно отговаривает, главным образом по причине моего слабого здоровья; уверяет, что я не выдержу и двух недель...

19/VIII. 20 ч. «К р е ч е т».

Маленькое совещание: Черкасский, Довконт, я. Они находят, что я должен итти на заклание.

Мы говорили впервые после 28/II 1917. И снова обстоятельства стали трудны, снова приходится искать выхода и спасения.

Князю в конце июня предлагали должность начальника морского генерального штаба — он тогда отказался; теперь он не отказывается.

В Московском совещании говорили, что если не будет найдено спасательное средство, то Россия доживет только до ноября... Надо напрячь все силы для спасения, не прибегая к реставрации. Мы трое безусловно против реставрации и готовы приложить свои усилия, чтобы помочь Временному Правительству.

План:

Я соглашаюсь быть флаг-капитаном у Керенского, там осматриваюсь и являюсь живой связью его с флотом, стараюсь проводить все меры, которые могли бы пойти во спасение, — предотвращал бы катастрофы и несправедливости.

Когда я подумаю обо всем этом, на душу ложится тяжкая забота и великое сомнение.

Минует или не минует меня сия чаша?!

Резолюции! Кажется, сегодня на «Республике» разрешились: «Долой контрреволюционеров — Чхеидзе, Церетелли, Дана, Либера — и др.».

Дальше итти некуда.

Или вот: на суда бригады дредноутов прибыла делегация 2-й бригады крейсеров призывать дредноуты к поддержке их требований — немедленно восстановить в правах начальника бригады Модеста Иванова, вышибленного в резерв в связи с историей посещения бригады Лебедевым.

Левушка Сахаров уверяет меня, что там, вокруг Керенского, я был бы окружен сетью интриг; я отвечаю, что буду им препятствовать. Он не верит этой возможности, говорит, что — обойдут!..

19/VIII. 23 ч.

Петроградский Совет Р. и С. Д. выносит большевистские резолюции.

Федя говорит, что не миновать нам большевистского министерства.

Центр. Комитет Флота потребовал отсюда в Петроград весь президиум Гельсингфорского Исполн. Комитета, тов. Шишко и ряд делегатов других организаций в связи с их резолюциями по поводу истории с финляндским сеймом.

Центрофлот жалуется, что в Петрограде они не находят опоры, они просят поддержки на местах...

20/VIII. 9 ч.

В начале ночи получено сообщение из XII армии: немцы переправились через Двину выше Риги и, было, продвинулись несколько на север, отрезая весь Рижский залив. Контр-атакой нашей они несколько задержаны, но, при существующем настроении, трудно надеяться на удержание Риги.

Не далее как вчера мы получили извещение Старка, что командарм XII заявил, что за судьбу Риги бояться не надо!.. А вчера же вечером сама Рига уже начала обстреливаться артиллерией.

Центр. исполнит. бюро союза минных офицеров:

Кимбар [6])	старш. лейт.	Киткин [8])	контр-адмирал.
Руднев [7])	кап. 1 ранга.	Граф [9])	кап. 2 ранга.
Ренгартен	кап. 1 ранга.	Фролов [10])	старш. лейт.
Мирбах	кап. 2 ранга.		

В союзе 71 минных офицеров, в выборах бюро приняло участие 55 человек.

21/VIII.

11 ч. 15 м. — Получено донесение, что радиостанциям пост в Усть-Двинске прекратили действие.

В ночь на сегодня высшим нашим командованием приказано было очистить Ригу.

Сегодня в 17 ч. — Рига и Усть-Двинск взяты немцами.

26/VIII. Суббота. 17 ч.

Получено срочное приказание — отправить в Царское село здешний баталион смерти...

?!.

Много говорят о 27—28/VIII: полугодие после переворота.

22 ч. 10 м.— Вчера в Гельсингфорсе был на Сенатской площади митинг; лозунги: долой Временное Правительство, Советы, Керенского, буржуазию — все долой!

27/VIII. Воскресенье. 15 ч.

Сейчас наш комиссар Онипко по телефону убеждал председателя Исполнительного Комитета в Гельсингфорсе «не мешать Временному Правительству бороться с контр-революцией»!

Дело в том, что за границу, под конвоем, везли ген. Гурко, Вырубову и других лиц, подвергнутых после раскрытия quasi-заговора против революции остракизму.

И вот на ст. Рихимяки товарищи арестовали этих лиц, привезли в Гельсингфорс и посадили на «Полярную Звезду»; потом там собрались все комитеты, и большинством 250 чел. против 2 (кажется) решили оставить этих господ под арестом и за границу не выпускать [11]).

Это прямое неповиновение правительству может легко стать поводом очередного кризиса власти...

Сегодня вечером Врем. Правительство что-то такое обещает предпринять.

Преобладает мнение, что Врем. Правительство не может одолеть трудностей момента и свалится очень скоро.

Утверждаюсь в мнении, что отход от Риги сделан не хуже всякого другого во все времена; что наши солдаты, вопреки злорадному выражению крайних пессимистов, не «драли со всех ног»; что неизбежный беспорядок был только частичный, в массе же части сражались и, в общем, отошли по приказанию свыше и заняли довольно благополучно назначенные им позиции.

Конечно, — неизвестно, что будет дальше, но очень противно, что политические страсти разгораются на такой почве, как спор: «драли» или «не драли».

И так говорят о своих же, о русских людях...

Патриотизм, питаемый злобным недоверием к массам.

23 ч. 50 м. — Врем. Правительство ничего не предпримет по поводу арестованных на «Полярной Звезде»: ему не до этого!..

Врем. Правительство срочно отменило посылку в Царское Село здешнего полка смерти; сделано общее распоряжение: никаких воинских частей в Петроград не пропускать.

Развозов очень удручен этой историей с арестованными, ибо видит в этом деле вопиющее нарушение повиновения, которое проходит пока безнаказанно; его тянет вмешаться, восстановить право... Мы удерживаем: надо отбросить политику для войны и все силы отдать только войне.

28/VIII. Понедельник. 4 ч. 20 м.

Из агентской телеграммы узнали мы, что Керенский обратился с декларацией, объявляющей Корнилова смещенным... Верховным главнокомандующим назначен генерал Клембовский, к Петрограду идут войска, как будто, преданные Корнилову. Им приказано остановиться... Петроград объявлен на военном положении. Савинков назначен военным губернатором столицы... Флот и армия призываются к спокойствию...

Что будет сегодня: неужели гражданская война?!

5 ч. — Пришел князь и сказал мне, что Корнилов открыто против Керенского разослал по всей России воззвания...

Перед каждым теперь вопрос: за кого?!.

Итак — снова потрясения...

5 ч. 45 м. — Я прочел воззвание Корнилова, и мне оно не понравилось: впечатление передергивания.

Он открыто обвиняет во лжи Керенского, отрицает, что В. Львов ездил от него к правительству с заявлением, что Корнилов берет власть в свои руки, утверждает, что, наоборот, Львов ездил от правительства к нему...

Декларация Керенского кажется правдивее.

Я решил выступить за верность Врем. Правительству и пошел с этим мнением к комфлоту.

Но оказалось, что он сам думает то же, как князь и Новопашенный.

В результате, всюду срочно передается приказ комфлота, повторяющий прокламацию Керенского, призывающий к повиновению правительству и напряжению всех сил для войны.

Все наши аппараты юза, телефоны — работают полным ходом. Многие на ногах.

Только что прибыл комендант крепости.

Федя Довконт определенно против Корнилова.

Перечитываю воззвание Корнилова.

Кто же прав?!

У нас теперь директория, диктатор-узурпатор и два верховных главнокомандующих.

9 ч. — По приказанию Корнилова разослано всюду требование, чтобы на все телеграфные станции были назначены дежурные офицеры, которые должны цензуровать все телеграммы и не допускать в действ. армию все, что идет против верх. главнокомандующего.

Развозов в 8 ч. собрал всех командиров стоящих здесь судов, рассказал им обо всем и поручил удержать команды в спокойствии, памятуя о враге.

9 ч. 30 м. — Комиссар сзывает местные комитеты; у нас на «Кречете» собрание команды; я занимаюсь в каюте и слышу нервный голос оратора.

11 ч. 40 м. — Судя по телеграмме Центрофлота Ц. К. Б. Ф. — в Петрограде больше нет правительства.

Министры-социалисты сейчас на решительном заседании с членами президиума Исполн. Комитета. Петроградский гарнизон на стороне Советов.

Оказывается, Львов, в качестве посланного от Корнилова, явился к Керенскому еще 26-го; а мы узнали об этом, как и о последующем, лишь после полуночи 28-го.

Положение сейчас чрезвычайно острое и совершенно неясное...

17 ч. 15 м. — Никак не связаться с Петроградом; отрывки только: в городе спокойно, во Врем. Правительстве перемен не произошло.

По сообщению Л. Муравьева, из Гельсингфорса на «Разящем» вышли сюда два члена Ц. К. Б. Ф. для установления контроля в нашем штабе над всем, не исключая оперативной части. Это исходит от Центрофлота.

Говорят, что главнокомандующие фронтов настаивают на недопустимости смены верх. главнокомандующего в такой момент войны...

19 ч. — Имеем телеграммы Клембовского и других генералов главнокомандующих фронтами — все поддерживают Корнилова...

Корнилов обратился к народу с новым воззванием, в котором заявляет, что скорее умрет, чем сдаст командование; он зовет Врем. Правительство для переговоров в ставку, гарантируя им свободу и безопасность своим честным словом...

А здесь воззваниями Центр. Советов [sic!] Корнилов и Лукомский объявлены изменниками и предателями; на собраниях у нас кричат: «Смерть Корнилову!».

Кажется, с обеих сторон — полная непримиримость и решимость вести борьбу, ни перед чем не останавливаясь [12]).

21 ч. — На море очень свежо, днем были сильные шквалы с дождем. Ветер воет и стонет в снастях, дождь стучит по палубе, и еще тоскливее, безотраднее на душе...

Говорят, что корпус войск, преданных Корнилову, продолжает движение к Петрограду.

22 ч. 20 м. — За вечерним чаем было людно и шумно. В связи с недостатком харча, все являются с своим сахаром: 2—3 кусочка в коробочке; булок, масла нет — еще хорошо, что черный хлеб есть.

Пастухов всех угостил колбасой — она теперь такая редкость, что все ели, шумно восхваляя.

Мелькнула мысль: в эти страшные часы все-таки идет повседневная жизнь со всеми ее мелочами — мы болтали, шумели, смеялись, Карпов смешил, бренчал на гитаре, напевая частушки минной дивизии.

29/VIII. 5 ч. 30 м.

Разбужен князем для совета.

Врем. Правительство просит комфлота выслать в Неву 4 миноносца и к Петрограду войска!

Сейчас у аппарата — комфлот, Онипко, оба флаг-капитана, князь. Правительство уверяет, что кавказский, юго-западный, часть западного фронта, V и XII армии за правительство.

Корпус Корнилова все продолжает двигаться к Петрограду «в боевом порядке» и, может быть, уже утром где-нибудь в районе Царского Села произойдет столкновение...

По-нашему, посылка миноносцев бессмысленна.

Договорились однако дать два миноносца сторожевой дивизии.

О войсках Онипко ответил, что надо предварительно утром собрать комитеты и решить, кого можно послать!

В Гельсингфорсе образовался из представителей войск и рабочих организаций «Революционный комитет». — Не знаю, что он будет делать, но он присвоил себе «неограниченные полномочия».

Здесь при комфлоте два представителя Ц. К. Б. Ф.; Керенский прислал приветствие Б. Ф. и приказал не вмешиваться в оперативные распоряжения комфлота, которому он вполне доверяет.

9 ч. 45 м. — Больно слушать разговоры о том, которая из двух сторон организованнее, дисциплинированнее, которая имеет больше шансов истребить другую.

Ибо гражданская война беспощаднее войны внешней.

Революционный комитет в Гельсингфорсе объявил Корнилова, его единомышленников и все подчинившиеся ему части в н е з а к о н а.

1793 год...

Нет слов, чтобы выразить горе... Пытаюсь заставить себя заняться делом, своим, сторониться всякой политики, касаться только войны, настоящей — внешней.

12 ч. 00 м. — Сообщение с Петроградом прервано, тем не менее артиллерийский полк отсюда выслан.

Из миноносцев вышел «Разящий» (ст. лейт. Гернет); позже Ц. К. Б. Ф. по радио приказал итти туда «Боевому».

13 ч. 20 м. — Только что прислано сообщение из Петрограда, что к Керенскому явились из отряда Корнилова делегации казаки [sic!] и заявили, что они против него не пойдут; движение отряда приостановилось.

Из Гельсингфорса прибыл помощник комиссара Франкфурт. Он находит, что там нет твердого настроения. Однако Революционный комитет и другие организации делают все возможное, чтобы воззваниями разжечь это настроение.

Но толпа притихла.

Вероятно, теперь, когда узнают, что движение корпуса на Петроград приостановлено, революция вновь почувствует почву под ногами.

Начинают говорить о «власти Советам».

А фронт? Что на фронте?

23 ч. 00 м. — В течение дня выяснилось, что из корниловского корпуса от казаков к Керенскому явилась делегация, узнала, что обманута, вознегодовала и получила от Керенского приказание арестовать свой же командный состав...

Корпус остановился, в нем — раскол...

Кажется, все фронты, кроме западного, признали Врем. Правительство; часть главнокомандующих арестована...

В Петрограде в «Астории» был грандиозный обыск, много арестов среди офицеров [13])...

На заводе Беккера, здесь, рабочие не позволили эвакуировать завод и арестовали присланного для эвакуации отст. адмирала Крафта. Туда ездил Онипко.

Мы решили проветриться. Вечером — Разводов, Черкасский, Сахаров, Довконт, я — прошлись по Екатеринеталю, побывали в управлении службы связи, у Новопашенного, узнали очередные новости, зашли выпить кофе в «Ампир», поболтали, пошутили, посмеялись и вернулись домой...

Узнали, что получено странное сообщение о действиях Корнилова в его освещении; он вновь зовет правительство в ставку для переговоров, разъясняя недоразумения, указывая, что действовал, как было сговорено с Керенским же?!

Ничего не понимаю.

Только творится что-то чудовищное.

Сейчас узнал, что только что получена какая-то «паническая телеграмма», которую представитель Ц. К. Б. Ф. у юза офицерам не показывает...

30/VIII. 3 ч. 30 м.

Только что лег.

Пришла от соединенного собрания гельсингфорских комитетов телеграмма: они требуют, чтобы местные комитеты спросили у офицеров, за кого они — за центральные органы революционной демократии или... за Корнилова, согласны ли выступить за поддержку завоеваний революции! И чтобы свое мнение офицеры скрепили распиской.

Акт недоверия и насилия.

Поговорив, мы: Черкасский, Щастный, я, порешили обратиться к Керенскому и Ц. К. Б. Ф.; первое [sic!] написал Черкасский, второе — Щастный.

Потом прибыл Онипко — заседали с комфлотом, утвердили эти телеграммы и снабдили их припиской Онипко о согласии.

Онипке удалось вызволить Крафта; он привез его к нам; его выпустили, легко признав недоразумение.

Настроение весьма упало. Атмосфера еще крайне напряженная, и мы ждем всего самого худшего.

Между прочим, случилась ужасная гадость: во время обеда кто-то забрался в каюту Черкасского и похитил револьвер, часы и деньги.

По приказанию судового комитета и с согласия командующего, был произведен — конечно, безрезультатный — обыск по всему кораблю.

При обыске комитет нашел у команды 75 револьверов и 2 автоматических ружья (ручные пулеметы) с вооруженными лентами.

17 ч. — Тяжело. Атмосфера крайне сгущена, каждый мелкий вопрос раздувается и нервирует всех.

Было сейчас общее собрание команды по поводу расписок. Судовой комитет убедил подождать ответа из Ц. К. Б. Ф., считать ли нас здесь — на передовой линии. (Для таких частей постановлено требовать расписки по возвращении в свои базы.)

Прибыл на «Кречет» генерал кн. Долгоруков, которого приказано арестовать и доставить в Петроград [14]).

Здесь нет разменных денег; нужно, кажется, 3 миллиона, чтобы рассчитываться с рабочими. Сообщение с Петроградом прервано, можно доставить только на миноносце. Дудоров [15]), сообщает, что сию минуту это неисполнимо...

В Рижском заливе Комитет не поладил с Бахиревым по вопросу о контроле: комитеты хотят контролировать все. Развозов разъяснил по юзу, что был приказ Керенского не касаться оперативной части.

18 ч. 40 м. — Из ставки сюда прибыл на автомобиле генер.-лейт. кн. Долгоруков; проехал 900 верст, направляясь в Гельсингфорс к своей части (кавалерия). Мы получили приказ Врем. Правительства арестовать его и доставить в Петроград. Это исполнено: он послан на миноносце «Метком».

Когда его сажали, команда набралась у трапа, висела на поручнях, отпускала разные словечки, а увидев на нем саблю, стала кричать: «Отобрать оружие».

Он остановился, отстегнул свое золотое оружие и бросил за борт.

Сейчас вызвали комфлота на «Меткий»: толпа там желает учинить над генералом самосуд!..

Последние новости: верх. главнокомандующим назначен Керенский, начальником штаба генерал Алексеев... Вошли в связь со ставкой. Корнилов признал свое дело проигранным... Идут переговоры о создании нового правительства.

19 ч. 20 м. — Просто сил нет ждать и терпеть.

От «Меткого» доносятся какие-то крики... Атмосфера накалена.

22 ч. 50 м. — Комфлот и Черкасский с Онищко и представителями Ц. К. Б. Ф. испытали ряд весьма тяжелых минут; с трудом удалось уговорить толпу, которая, наконец, согласилась поговорить со своими судовыми комитетами.

Сейчас собрались (у нас на «Кречете») представители этих комитетов, которые решат, пустить «Меткого» с генералом в Петроград или нет. В последнем случае представитель Ц. К. Б. Ф. обратится в Петроград.

Тем временем здесь стало так тягостно, что я, после разговоров с Довконтом, уговорил князя поговорить с комфлотом предпринять самим шаги для попытки устранить вероятные трения. Решено было, что комфлот предложит всем офицерам дать требуемые расписки; мне было поручено переговорить с судовым комитетом, а все офицеры собрались у комфлота.

Я пришел в судовой комитет, рассказал им, что дело не в словах и расписках, но в поступках, что мы д е л о м доказали свою позицию, чему доказательством является приказ комфлота, непосредственно последовавший по получении приказа Керенского о Корнилове, и раньше, чем мы узнали о других частях армии и флота, а также посылкой двух миноносцев в Петроград.

С другой стороны, враг у ворот; положение на театре войны угрожающее; мы не имеем права расстраивать командование; необходимо единение. Я заявил, что комфлот и все офицеры штаба единомышленны. Если признается желательным давать расписки, мы не видим основа-

ний от этого отказаться, хотя и остаемся при убеждении в их ненужности.

Далее они показали резолюцию, которая будет завтра предложена общему собранию; я сказал, что подписи под резолюцией уместны только, если ее подписывают все, т. е. и офицеры и матросы, что в данном случае излишне и громоздко, и предложил, что мы выработаем сами форму, подпишемся и дадим комитету, который, базируясь на нашем заявлении, сможет предложить собранию резолюцию от лица всех — и офицеров и команд.

Были большие дебаты среди нас, офицеров, о форме... Не все ли равно: цель — защита родины, она невозможна без единения, и для этого мы должны итти на все.

Наконец, написали.

«Мы подчиняемся Врем. Правительству, защищающему, в согласии с центральными демократическими органами, завоевания революции, и не на стороне Корнилова». Подписались, начиная с комфлота, все офицеры штаба и «Кречета».

Итак, кажется, снова я начинаю соприкасаться с общественными деятелями; надо сказать, что на душе так гадко, так тревожно...

Из Петрограда сообщают, что морским министром назначен адмирал Вердеревский...

Хочу сейчас лечь спать. Удастся ли проспать ночь?!

[31/VIII].

13 ч. 25 м. — Удалось проспать ночь.

В 8 ч. «Меткий» — с генералом Долгоруковым ушел в Петроград.

Меня вызвали на общее собрание команды.

Там происходило чтение телеграммы, радио, разговоров по юзу и пр.

Когда было сообщено о назначении морским министром Вердеревского, собрание аплодировало.

Затем председатель предложил собранию принять резолюцию. Смысл в двух словах, что мы всецело подчиняемся Революционному Комитету в Гельсингфорсе, и всякие «гидры» не могут подойти к захвату власти и крушению революции иначе, чем через наши трупы.

В заголовке стояло: офицеры штаба комфлота, посыльного судна «Кречет» и команда.

Я выступил, заявив, что л и ч н о всецело присоединяюсь к вышесказанной резолюции, но что сегодня обстановка изменилась — «гидра» уже подавлена, и правильнее было бы просто это констатировать.

Попутно председатель прочел текст нашего (офицеров) заявления с подписями и предложил собранию, ввиду наличия уже с нашей стороны выраженной своей позиции, вычеркнуть из заголовка упоминание офицеров. Это было принято без прений, и резолюция принята единогласно.

Потом долго и забавно дебатировали вопрос о сахаре! О размерах пайка. Были попытки несправедливых выпадов против офицеров, подавленные ответами и заявлениями председателя.

Янкович [16]) выступил в защиту офицеров, но, в общем, спор был вялый; приподнятого настроения не образовалось.

Сейчас впечатление такое: все карты спутаны, и в точности неизвестно, куда мы идем.

Вчера не обошлось без крови: в Або убит лейтенант Макаревич [17]), начальник авиостанции, когда он прилетел из Дегерэ. Обстоятельства убийства неизвестны.

Вчера около 3 час. дня в Выборге были убиты три офицера, когда их арестованных вели в заключение; им, кажется, было вменено в вину какое-то промедление в исполнении приказания Врем. Правительства о присылке войск в Петроград.

21 ч. 00 м. — Поступают из разных мест сведения об арестах офицеров: часть строителей тыловых позиций (постройки остановились) и там же кап. 2 ранга Фитингоф, несколько офицеров в Або-Аландской позиции: здесь кап. 1 ранга М. П. Давыдов. Южный район требует возвращения сюда начальником кап. 1 ранга Ковальского.

Макаревич убит двумя выстрелами из винтовки за то, что сказал: «Плевать мне на ваши комитеты». Команда заявила, что считает расстрел правильным и берет на себя всю ответственность...

Военным министром назначен полк. Верховский, тот самый, что был в Москве.

Сообщают, что Корнилов согласился предстать перед военно-революционным судом.

С Дона идут плохие вести: генерал Каледин мобилизует войска, хочет взять Москву; он в Царицыне; против него собирают войска и действуют комитеты.

Эта попытка может стать весьма серьезной угрозой правительству.

Таким образом, вновь призрак весьма реальной гражданской войны.

У нас обострен вопрос о контроле. Случай: тральщики нашли мины на XII фарв., туда шла «Волга», была дана радио с предупреждением;

вахтенный телеграфист не хотел принять без подписи комиссара, а комиссара как раз не было. Правда — убедили послать, но ведь так нельзя жить!?

1/IX. 0 ч. 30 м.

Вчера в Гельсингфорсе на «Петропавловске» 4 офицера отказались дать «подписку» — их арестовали и отправили под конвоем на берег. По дороге конвойные убили их — 1 лейтенант и 3 мичмана... [18]).

Неужели, в довершение всего полоса террора?..

И еще этот безумец Каледин!

8 ч. 50 м.— Керенский обратился ко всем с требованием прекратить самосуды и самочинные аресты... Эти слова, конечно, не покоятся на силе авторитета... Адмирал Вердеревский обещает, что никакая контрреволюция не будет допущена, призывает не распыляться в отдельных эксцессах.

Все еще нет состава правительства, и власть дробится: Гельсингфорский Революционный Комитет предложил всем вообще комитетам выделить особые «Революционные Комитеты», наделив их неограниченною властью.

10 ч. 15 м. — Вследствие событий в Гельсингфорсе, принято решение комфлотом перейти с «Кречетом» туда.

Уход назначен на 14 час.

Вчера Россия объявлена Республикой.

Случилось это так. Кризис власти привел в тупик, из коего нельзя было вернуться к прежней неопределенности; Врем. Правительство выделило из себя Директорию из пяти лиц (Совет Пяти), которым вручена вся власть впредь до созыва Общего Российского Совещания представителей демократии и самоуправления, каковое Совещание должно образовать такую власть, которая была бы способна вести Россию до Учредительного Собрания.

Это собрание созывается на 12/IX.

Таким образом, жизнь Директории, повидимому, — 9 дней.

Совет Пяти:

А. Ф. Керенский — с.-р.
Терещенко — (вне парт.)
Никитин — с.-д.
Адм. Вердеревский — вне партий.
Ген. Верховский — вне партий.

Об этом событии нам было сообщено Центрофлотом в такой форме:
«В России объявлена Демократическая Республика».
(Масленное масло, народоправ. народовластие и т. п.)

У нас в штабе было мало офицеров: комфлот с нач. штаба уехали в Котку, на тыловую позицию; за старшего был А. Щастный, который и организовал торжество провозглашения нового государства: начиная с «Кречета» все суда подняли стеньговые и революционные флаги, была сыграна марсельеза, кричали «ура».

Сегодня второй день республики ознаменовался повышением курса рубля: вчера он стоял — 90 марок за 100 р., сегодня 101 марка за 100 р.

Корниловское восстание ликвидировано. Приступлено к следствию. Все говорят о двуличной роли действующих лиц в лагере победителей. Около Врем. Правительства, действительно, происходило что-то странное: какое-то представление живых картин с перестановкой лицедеев, появлениями, провалами и пр. в течение нескольких дней.

Какая-то неразбериха недоброкачественного характера.

А Каледин на Дону продолжает собираться с силами; приказ правительства об его арестовании не мог быть приведен в исполнение.

5/IX. 18 ч.

Пишут, что все, что говорят о Каледине — неправда: Войсковой Круг на Дону разбирается во всем этом деле...

В Петрограде колебания, ждут Демократического совещания и живут в состоянии совершенной неизвестности.

Сейчас временное затишье перед новой бурей.

7/IX. 9 ч.

К 8 ч. «Кречет» готов к походу в Ганге.

Пока задержались, ибо комфлот вызван к юзу из Петрограда к 9 ч. 30 м.

Вчера Черкасский рассказал мне следующее:

I/IX комиссар Онипко предупредил его, что, по полученным им сведениям, в Б. Ф. образовался «Совет тринадцати»[19]), мрачная мафия, наметившая себе ряд жертв, среди коих, между прочими, — кн. Черкасский и А. Щастный. Черкасский принял это с комическим расшаркиванием, но Онипко, действительно, в панике. Говорит, что двое из «13-ти» на «Кречете».

Сегодня узнал тоже не банальную вещь. Вчера собрание делегатов судовых комитетов (собранных здесь больших кораблей) вынесло резолюцию, что оно не удовлетворено провозглашением «Демократической Республики», что это лишь на бумаге, что одновременно не созданы соответствующие органы управления, и т. п.... И вот, в виде протеста, 8/IX с утра все эти суда поднимут красные боевые флаги, которые будут

висеть до тех пор, пока не будет учреждена «истинно демократическая республика» [20]).

11 — 00 ч. — «Кречет».

Снялись со швартовов.

15 ч. — В море.

Когда мы выходили из Гельсингфорса, ко мне в каюту пришел Черкасский, сел в кресло и стал смеяться с таким видом, что я решил: «Ну, сейчас скажет что-нибудь отвратительное...»

И он сказал мне, что флота больше не существует...

Командиров больших судов больше нет — их нервы окончательно истрепались, заменить их некем. Командования флотом тоже нет, ибо нет власти, нет гарантий, нет ничего! Есть только ужас и пустота.

Я сказал ему на это: надо немедленно же подумать и что-то решить, ибо оставаться пассивным зрителем сил нет!

Но за этим он и пришел; он находит, что зимою необходимо набрать новых людей, настоящих специалистов, желающих, только по вольному найму, по условию, гарантированному контракту и т. п., и таким образом создать хотя бы часть флота, а от остального отказаться.

Я прибавил к этому, что сейчас флот (т. е. главные силы) дела своего не делает, бесполезен, но является источником заразы для всей страны; что делать что-то с ним надо, — но нельзя ждать зимы, надо сейчас...

Может быть, пойти на какое-то соглашение с центральными органами революционной демократии.

Черкасский находит, что сейчас вся наша деятельность здесь пропадет зря; что у нас осталось — постепенно разваливающаяся материальная часть, ряд инструкций, планов, периодическое издание расписаний, сводок, оперативных предложений и т. п., все это без претворения в жизнь.

А рядом с этим большевики выставляют определенные требования. Вчера у комфлота они прямо ответили: мы хотим:

1) Немедленное перемирие.

2) Немедленное опубликование тайных договоров и отказ от них.

3) Призыв к демократиям мира заключить мир.

Они называют это гарантией истинно демократической республики!

Я сказал князю, что нахожу необходимым, чтобы он срочно ехал в Петроград, там начал бы подготовку мер спасения флота и позвал бы меня ему помогать.

16 ч. 45 м. — Подходим к Лавику. Только что с вахты доложили комфлоту, что на стеньгах стоящих там судов подняты красные флаги...

17 ч. 15 м. — Прошли мимо всех кораблей: «Рюрик», «Богатырь», «Диана», «Адм. Макаров» и стали на якорь в глубине бухты Лапвик.

На стеньгах судов красные флаги; команды глазеют на нас, собравшись кучками на юте кораблей.

Ясный, осенний день, с моря — зыбь.

При входе на рейд мы тоже подняли (на форстеньге) красный флаг. А почему, пока неизвестно.

Флаги подняты с 4-го на три дня в ознаменование полугодия отречения Михаила.

8/IX. 0 ч. 40 м.

Вечером разговор с Черкасским.

Решено составить от имени комфлота род апелляции к народу по поводу положения офицеров; крик отчаяния. Решено навалиться на комфлота с предложением реформировать власть: ввиду надвигающегося нового, другого этапа революции, уступить свое место новому человеку, дабы было доверие и возможность признать новый этап.

Участь комфлота должен разделить начальник штаба и некоторые его чины.

После разговора с комфлотом, в котором должен принять участие Онипко, предполагается, что я получу окончательные указания и завтра же уеду в Петроград говорить с Вердеревским и др.; послезавтра туда же собирается комфлот; тогда все это должно решиться окончательно.

Все это должно сделаться до 12-го.

Перешли к предварительным поступкам.

Я составил «апелляцию», князь — план действий, предположения о замене лиц и т. п. Затем был разговор: комфлот, Онипко, Черкасский и я об апелляции. Ее прочли, одобрили. Онипко находит ее крайне необходимой и берется помочь решить, как целесообразнее ее провести.

На-днях в Ц. К. Б. Ф. комфлот сказал, что положение офицеров невыносимо, что нервы их измочалены, что Ц. К. Б. Ф. должен найти способ воздействовать на команды. Сегодня сюда, в Лапвик приехал один матрос и перетолковал слова комфлота так, что на митинге говорили: «Что-то там Развозов жалуется, что у офицеров — нервы! В санаторию надо! Мы им устроим санаторию!»

Предположения: комфлот — Пилкин [21]).

Начальник штаба — Лодыженский [22]).

Убрать Бахирева.

11—00 ч.— Вчера Ц. К. Б. Ф. вынес любопытную резолюцию:

«... Объявлена Российская Республика, а не Демократическая... в знак протеста в 8 ч. утра 8/IX на всех судах Балтийского флота поднять красные флаги, которые должны висеть, пока не объявят Демократическую Федеративную Республику...» Пишут также, что в состоявшемся провозглашении республики есть недоговоренность и колебания: не устроены немедленно же республиканские учреждения...

Пилкин, кажется, в третий раз отказался самым категорическим образом от поста помощника министра. Он также категорически откажется от поста комфлота.

9/IX. 1 ч. 00 м. В вагоне.

Около 19 ч. пришли в Гельсингфорс.

Почти на всех судах подняты на стеньгах красные флаги и, сверх того, вместо кормовых — контр-адмиральские вверх ногами. Потому что красная полоса.

До 21 ч. мы совещались с комфлотом. Мой проект: «Соображения состояния флота к 8/IX 1917» целиком принят. Я плохо стучу на машине, почему князь под мою диктовку напечатал этот меморандум, а также записку с мыслями комфлота.

И вот я еду с этим в Петроград...

В последний момент мне сказали, что, если не Пилкин, то, может быть, — Зарубаев.

23—00 ч. Петроград.

Я свою миссию исполнил: около полудня был у морского министра Вердеревского, передал ему записки и на словах доложил о безвыходности нашего положения, необходимости смены комфлота и пр.

В общем, Вердеревский отнесся к делу весьма внимательно, оставил у себя записку и просил завтра быть с комфлотом у него.

Он считает, что помимо демократии и без ее поддержки ничего сделать нельзя.

Утром на Финляндском вокзале меня встретил В. Романов [23]) с автомобилем. Я рассказал ему о положении вещей и о своей миссии. Он указал (для Черкасского) как на временную должность — место помощника начальника морск. генер. штаба. Затем виделся с Житковым и с ним, а также с Рощаковским [24]), мы ходили харчить к Соловь-

еву. Рощаковский доказывал, что необходимо объявление Федеративной Республики и мир — теперь же, о чем он говорил и Терещенке.

С 15 до 17 ч. была беседа в кабинете начальника главного морского штаба: Егорьев [25]) — Житков — я.

Я рассказал им все; потом перешли к лицам: как использовать с максимальной пользой тех, кого очередной политический режим отводит от дела.

Егорьев также вполне разделяет мысли князя и мои о необходимости приступить к работе по воссозданию части флота нынешней же зимой.

11/IX. 2 ч. 00 м. В вагоне.

Утром 10/IX я встретил на вокзале комфлота, с ним был Онипко и Демчинский, первый проехал к министру, где говорил с ним только 20 мин., ибо в 11 ч. уже у него должны были собраться другие члены Совета Пяти.

Разговор начался вначале в духе записки, представленной мной накануне, но еще подробнее.

В 14 ч. мы пришли снова и говорили до 16 ч.

Министр констатировал, что Врем. Правительство нам, флоту, ничем помочь не может, но что помощь можно иметь из Ц. И. К., к которому он и обратится.

Намечено, что завтра комфлот даст министру юзограмму с мотивированным ходатайством о смене, одновременно направив копию в Ц. К. Б. Ф. Черкасского же теперь же командировать по делам службы к главнокомандующему северным фронтом и в Петроград и т. п.

У Вердеревского составилась совершенно ясная картина нашего развала. Онипко прочел свое обращение к Керенскому с воплем о безвыходном положении офицеров...

Зря! Что такое Керенский?! Кто его еще признает у нас?!

Получено от английской агентуры «Х», что немцы наметили в Балтике операцию в составе сил 3-й и 4-й эскадры, назначенную в начале наступающей недели, будто 3-я эскадра уже вышла в море...

Развозов говорит, что это известие спутает все наши карты. Что касается меня, я сказал Егорьеву, что положение политическое и военное у нас стоит столь остро, что сейчас я не вправе покидать штаб, а если переживу это, то в принципе решил принять его приглашение.

Вердеревский был в Ц. К., говорил, был хорошо понят. Ц. К. вынес постановление, не только осуждающее самосуды, но и требующее их судебного расследования; командировано 5 депутатов, двое едут с этим поездом. Мы с комфлотом говорили с ними только час. Они едут на

более или менее длительный срок, везут с собой постановление Ц. К. и полны решимости действовать со всей энергией.

Итак возвращаюсь в наше пекло...

Перевернутые контр-адмиральские флаги, наглый Модест Иванов [26]), требующий у комфлота производства в адмиралы, совет «13-ти», считающий, что вырезать штаб флота абсолютно необходимо!.. Это говорил один фанатик комиссару Онипко, так что это — не фантазия.

12/IX. 14 ч. Гельсингфорс.

11-го утром прибыли сюда.

Обстановка, по существу, без перемен, внешне же несколько спокойнее. Контр-адмиральские флаги заменены (по настоянию Ц.К.Б.Ф.) андреевскими; вынесены разные успокаивающие резолюции. Революционный Комитет Финляндии издал «Приказ № 1», объявляющий контрреволюционным действием всякий самосуд и требующий восстановления права...

Военная обстановка весьма тревожна; сведения агентуры «Х» подтверждают факт движения каких-то сил в Балтику; у них в районе от Киля до Либавы небывалое оживление.

В ночь на сегодня цепелины бросали (зря) бомбы у Цереля, а утром у Люзерорта видны дымы...

3-я и 4-я эскадра: это же самые лучшие дредноуты.

Мы недоумеваем: что они затеяли, зачем? Куда хотят нанести удар? Или только пугают?

Тем более, что на сухом пути немцы — хозяева.

Под слабым толчком, мы отдали им только-что большой Якобштадтский плацдарм с 50 пушками и 4 000 пленных... сами отошли за Двину.

Вчера много часов длилось совещание у комфлота — (Черкасский, Щастный, я); комфлот составил юзограмму со своим и Черкасского отречением. Но она еще не послана из-за тревожного момента в военном отношении.

В разговоре по юзу вчера вечером комфлот сказал Вердеревскому, что подтверждает свое решение уйти, но ждет, чтобы выяснить военное положение, и не уйдет, пока будет вероятие операции.

Все идет по старому: вчера здесь арестован самочинно, вопреки всем постановлениям, лейт. Жданов (начальник дивизиона сторожевых катеров) [27]), сегодня командир «Грозящего» (из Рижского залива) доносит, что над ним установлен контроль: секретные пакеты подают вскрытыми, делегация от 2-й бригады крейсеров «требует» производства

кап. 1 ранга М. Иванова в контр-адмиралы, хотя он чуть не месяц тому назад приказом Керенского зачислен в резерв...

Наконец, сегодня пришел помощник генер.-губернатора и сообщил, что тальман распущенного Временным Правительством Финляндского сейма созывает на 15-е число этот самый сейм.

Кажется, Демократическое совещание состоится тоже 15-го.

Неудивительно поэтому всеобщее нервное ожидание, много толков, пересудов, страхов, полная неопределенность — на что, на кого опереться.

18 ч. 00 м. — Сегодня комфлот пригласил к себе президиум Ц. К. Б. Ф. и сообщил им:

1) юзограмму нового главнокомандующего сев. фронтом (генер. Черемисова) о положении на море;

2) решение Областного Комитета Финляндии поддержать самочинно собравшийся сейм;

3) решение правительства не допускать сейма.

И заявил, что если, в результате, Финляндия отделится и врагу будет дана возможность угрожать Петрограду непосредственно, то отвечать за это будет и Ц. К. Б. Ф. и он, комфлот.

Ц. К. Б .Ф. обещал сделать все, что в его силах, для спасения положения.

13/IX. 10 ч.

Сегодня сюда ожидают нового генер.-губернатора Некрасова [28]) — едет человек прямо на скандал. Пока тихо, но если почитать здешние газеты, то видишь, что скоро будет очень шумно.

Резолюции в комитетах проходят чисто большевистские; наказ делегату на Демократическое совещание тоже большевистский: тут и объявление тайных договоров Николая Кровавого, и мир без аннексий на основе самоопределения народов, и беспощадная налоговая система и т. п., т. е. вполне теоретически правильные, но практически или неосуществимые или ведущие к противоположным результатам.

На море — попрежнему тревожно, но неопределенно. Несомненно, что значительные морские силы пожаловали к Балтике, неясны лишь пока их намерения. Развозов поэтому колеблется со своим отречением.

14 ч. 00 м. — Некрасов прибыл, посетил комфлота.

Открытие Демократического совещания назначено на завтра 14-е.

Ц. К. Б. Ф. вынес постановление касательно красных флагов, что, сделав смотр революционным силам и в подъеме красного флага усматривая свидетельство единодушия в революционных чувствах, Ц. К. Б. Ф. находит себя удовлетворенным и предлагает в 8 ч. вечера дня созыва Демократического совещания спустить эти флаги.

Здешний Исполнительный Комитет вынес резолюцию совершенно большевистскую. Постановлено не только не мешать Финляндскому сейму собираться, но и считать контрреволюционной всякую попытку помешать ему.

Некрасов находит единственным выходом — считать, что это не будет сейм, а лишь собрание его части, партийное собрание.

14/IX.

21 ч. —Революционный Комитет выяснил отношение комфлота к предстоящему собранию сейма. Демчинский объяснил, что комфлот, узнав, что демократические организации решительно высказались против вмешательства в это дело, находит применение вооруженной силы против собрания сейма недопустимым, что если Врем. Правительство будет на этом настаивать, то комфлот ответит, что подобное требование неисполнимо, хотя бы ему грозил со стороны правительства арест. На это Революционный Комитет ответил, что правительство на такой шаг ни за что не решится, ибо этого не допустят центральные органы демократии, считающие, что Развозов «на месте».

Весь день очень свежо. Если стихнет, завтра утром уйдем.

Революционный Комитет решил, что, в случае каких-нибудь волнений, когда понадобится посылка патрулей, наряды караулов и пр., он будет обращаться к комфлоту, чтобы не делать этого помимо него, как бывало раньше.

Разумно, что и говорить!

Таким образом, Финляндия предоставлена самой себе; в здешнем обществе относятся к самочинной попытке сейма собраться весьма добродушно и говорят, что этот «сейм» попадет в смешное положение.

Пусть!

15/IX.

В ночь генерал-губернатор, предупрежденный Развозовым и сговорившись с Врем. Правительством, распорядился наложить на двери сейма печать и объявление с призывом к лойяльности.

Около сейма на Сенатской площади собралась толпа, ожидавшая, что будет...

Но ничего особенного не случилось: пришло 80 депутатов (из 200). Тальман собственноручно сорвал печать. Чиновник генерал-губернатора составил по этому поводу протокол, который был препровожден генерал-губернатором к прокурору сената Свинхвуду с предложением привлечь к законной ответственности тальмана за уголовное преступление: взлом печати...

Заседание продолжалось лишь ½ часа и было весьма бледно: прослушали три законопроекта: о 8-часовом рабочем дне, правах на выборы русских и коммерческое устройство.

Затем один оратор уверял, что, хотя их меньше половины, но в законе нет указаний на кворум, что выборы в новый сейм произойдут, и, возможно, будет таким образом два сейма, что они посмотрят, как им быть тогда — распускаться или нет.

Следующее заседание сейма не назначено.

Около полудня комфлот со мною и Демчинским [29]) пошел к Ц. К. Б. Ф. на «Полярную Звезду»; собрания происходят в столовой.

Я вспомнил, что завтракал здесь пять лет тому назад в Копенгагене, у бывш. императрицы Марии Федоровны; на этих столах были серебряные тарелки и блюда с устрицами...

Собрание было созвано экстренно для сообщения о случае на Цереле. Комфлот рассказал, что было, и просил, в случае неверных слухов, опровергать их. По предложению председателя память погибших почтена вставанием.

17/IX.

Разобрана интереснейшая германская радио, посланная начальником морских сил в западную часть Балтики: «В связи с революционным движением в командах в пользу скорейшего заключения мира, предписывается в (отряде) октябре особая бдительность».

Дана особым, редким шифром.

Если только верно разобрано, то это значит, что высшее германское начальство обеспокоено брожением в своих командах, которым война надоела...

19/IX. 9 ч. 00 м.

Ночью сообщено из Петрограда: Центрофлот предъявил Врем. Правительству ультимативное требование: отчислить от должностей кап. 1 ранга Егорьева, кап. 2 ранга Романова, назначить помощником морского министра кап. 1 ранга Вейнера [30]) (из Кронштадта) и очистить для Центрофлота квартиру кап. 1 р. Егорьева... Если не будет исполнено, он разойдется и обратится за поддержкой на места, против насилий, чинимых Центрофлоту правительством...

Ответ правительства: распустить Центрофлот, назначить новые выборы, объявить, что, в случае волнений во флоте, Центрофлот будет отвечать как за подстрекательство...

---

23 ч. 00 м. — Комфлот говорил по юзу с Вердеревским, который подробно ответил на все; тем временем Ц. К. Б. Ф. вынес резолюцию: настаивать на немедленной отмене приказа Врем. Правительства.

На это Вердеревский ответил,что он бессилен что-либо сделать, ибо таково решение всего Врем. Правительства. Тогда здешние комитеты, собравшись под председательством Дыбенко (сидевшего в тюрьме после 3/5 VII), вынес замечательную резолюцию: объявляем, что правительство не имеет права распускать демократическую организацию и что отныне это правительство больше не должно признаваться; Центрофлот призывается пренебречь решением правительства — собраться вновь.

На заседании был Черкасский; Дыбенко от имени собрания просил князя передать комфлоту, что оно гарантирует спокойствие на судах и беспрекословное исполнение всех его оперативных приказаний.

На это князь ответил, что без такого условия выполнение флотом его оперативных задач невозможно.

После обеда Развозов пригласил к себе князя, Демчинского и меня. Он имел намерение созвать Ц. К. Б. Ф. и заявить, что хотя он и удовлетворен заявлением о повиновении, но, будучи назначен правительством, не может не признавать его; почему не покидает немедленно своего поста лишь потому, что сейчас военное положение угрожающее.

После всестороннего совещания мы признали этот шаг рискованным: может случиться, что Комитет ответит: «... И не надо правительства; мы вас выберем — будете наш!» или наоборот: «А! агент правительства. Значит против нас!...» и т. д. со всеми последствиями.

Решено поэтому так: не реагировать, но послать Вердеревскому юзограмму о факте заявленной гарантии спокойствия на судах и выполнения боевых приказаний и о том, что он, комфлот, считает это заявление важным и находит, что при таких условиях флот сможет продолжать выполнение оперативных задач.

Содержание этой юзограммы сообщено в Ц. К. Б. Ф.

Вердеревский должен понять эту несложную эзоповщину: пусть расхлебают эту кашу у себя в Петрограде.

20/IX. 23 ч. 00 м.

Утром узнал, что вчера в Петрограде представители Центр. Исп. Комитета прилагали все усилия, чтобы уладить дело Центрофлота; Вердеревский согласился ликвидировать это дело при условии, что Центрофлот в письменной форме заявит об отказе от своих ультимативных требований...

Здесь, на 1-й бригаде линейных кораблей, реагировали на всю эту историю довольно неожиданно: самый мирный корабль «Полтава»

всецело присоединился к резолюции о непризнании правительства, а самый буйный «Петропавловск» на митинге говорил, что правительство, кажется, забрало силу, не пора ли кой-кому удрать за границу...

Действительно: это лучшее, что они могли бы сделать.

В Петрограде на Демократическом совещании сплошной скандал, полный разброд и отчаяние. В результате потоков слов и прений, слов старых, избитых, истеричных, приняты одна за другою две резолюции, одна другой противоречащая (дело шло о коалиционном правительстве). Характерная деталь: Чернов, лидер, вождь, в числе «воздержавшихся» при голосовании!

Срам!

Таким образом собрание пришло в состояние прострации, и покорно, единогласно приняло предложение председателя: не расходиться, пока не создадут такой государственной власти, которая будет приемлема для демократии.

Мне кажется, что ужасающий развал в рядах демократии приводит к неизбежности нового государственного переворота; весь вопрос, кто его сделает: справа или слева.

21/IX. 13 ч. 30 м.

Областной Комитет присвоил себе ныне неограниченные права в Финляндии и выпустил воззвание с призывом не исполнять никаких распоряжений Врем. Правительства и арестовать всех его агентов по гражданскому управлению в крае...

А из Петрограда идут сообщения, что Центрофлот согласился дать письменное удостоверение, что отказывается от своего ультиматума, что даже левое крыло Центр. Исполн. Комитета и Демокр. совещания отнеслось с осуждением к этому ультиматуму...

Тем временем Бахирев из Рижского залива сообщает: в Рогокюль входил «Победитель» большим ходом, раскачал «Либаву» с пришвартованным к ней «Новиком». Так как не раз уже напоминалось о необходимости уменьшать, входя в гавань, ход, то Бахирев, естественно, поднял сигнал с изъявлением «Победителю» неудовольствия.

Тогда по постановлению команды «Победителя» на нем был поднят сигнал: «Начальник минной дивизии страдает от качки»...

И, в результате, принимая также во внимание общее положение командования в Рижском заливе, адм. Старк [31]) подал рапорт, прося отчислить его от командования; Бахирев же просит уволить и его от командования морскими силами Рижского залива, ибо, хотя нервов у него вполне хватает, но он опасается, что в трудную минуту не будет уверенности, что приказания его будут исполняться.

Развозов говорил об этом со мною и А. М. Щастным [32]) (который сегодня прибыл из Петербурга, чтобы сдать должность) и решил передать Бахиреву, чтобы кто-нибудь из них — он или Старк, прибыл сюда.

Из Петрограда генер.-губернатору сообщили, что Демократическое совещание большинством всех против большевиков, которые только шумели, решило создать Предпарламент, выделив его из среды Совещания и, если в правительстве будут цензовые элементы, дополнить и Предпарламент представителями этих элементов, но — чтобы обязательно демократия была в большинстве...

Комфлот встретил генерал-губернатора, который сегодня посетил «Кречет», словами: «Как? Вы еще не арестованы?!» и показал ему резолюцию Областного Комитета.

Генерал-губернатор рассказал, что восстание в Ташкенте подавлено, что удалось потому, что крайние элементы, захватившие в крае власть, были объявлены правительством контр-революционерами...

22 ч. 00 м. — В сегодняшнем номере здешних «Известий» передовая статья — злостнейший выпад против правительства Керенского.

22/IX. «К р е ч е т».

9 ч. 40 м. — Получено из Петрограда официальное сообщение политического кабинета морского министра: Центрофлот через посредство Ц. И. К. заявил в письменной форме об отказе от своего ультимативного требования (удалить Егорьева и Романова, назначить Вейнера и очистить квартиру), почему Ц. И. К. просил Врем. Правительство, во имя сохранения спокойствия, отменить свой указ о роспуске.

Врем. Правительство приняло это заявление и, во имя восстановления согласия, отменило указ о роспуске.

Таким образом конфликт улажен.

24/IX. «К р е ч е т».

13 ч. 15 м. — Выходим из Гельсингфорса.

Вчера из газет узнал, что Центрофлот, находя, что причины конфликта его с Врем. Правительством более глубоки, чем это кажется, постановил подтвердить свои требования! Правда, он не предъявил их теперь ультимативно, но, с другой стороны, вообще не желает иметь никакого дела с нынешней «Директорией»...

Насколько я знаю, морское министерство отнеслось к этому новому заявлению повествовательно [sic!].

Впрочем, нынче в Петрограде все внимание сосредоточено на более важном — кризисе власти.

26/IX. 14 ч.

Утром сегодня прибыл генерал Черемисов, главнокомандующий северным фронтом; при нем комиссар Врем. Правительства и небольшая штабная свита, в том числе Альтфатер.

Я не принимал участия в бывшем у комфлота совещании, поэтому не осведомлен.

За завтраком разглядывал Черемисова: совсем молодой человек, сухой, на вид умница, а вообще особенного впечатления не производит.

Из Гельсингфорса на миноносце прибыла делегация комитетов; с 13 ч. она в каюте комфлота принимается Черемисовым.

22 ч. 40 м. — Из Гельсингфорса сообщают, что Балтийский съезд собрался и, по предложению председателя — Дыбенко, постановил считать Врем. Правительство, Демократический совет и всех, кто в них, — контрреволюционерами, социалистами по виду только! И, конечно, не признавать их власти, потребовать немедленного созыва Съезда Советов...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Хендриксон, Николай Владимирович, генерал-майор.

[2]) Нордман, нач. контрразведки.

[3]) Зубов, Николай Николаевич, капитан 2 ранга, командир эскадренн. миноносца «Орфей».

[4]) Речь идет о постановлении гельсингфорских организаций относительно роспуска правительством финляндского сейма. Гельсингф. организации, в том числе и Центробалт, резко высказались против решения Временного Правительства.

[5]) Житков, Константин Георгиевич, ст. лейтенант, офицер морского генерального штаба.

[6]) Кимбар, Юлий Юлиевич, ст. лейтенант.

[7]) Руднев, Владимир Иванович, кап. 1 ранга, командир крейсера «Рюрик».

[8]) Киткин, Петр Павлович, контр-адмирал (произведен 28 июля 1917 г.), нач. дивизии траления.

[9]) Граф I, Гаральд Карлович, ст. офицер «Новика», член совета Промора, монархист.

[10]) Фролов, Роман Николаевич, ст. лейтенант.

[11]) На заседании Центробалта 26 августа был рассмотрен протест линейных кораблей «Петропавловска», «Севастополя», «Полтавы», «Республики» и крейсера «Громобой» о высылке за границу Вырубовой и др. Большинством 38 против 2 Центробалт присоединился к протесту и решил арестовать высылаемых. Все арестованные были помещены затем на «Полярной Звезде», местонахождении Центробалта.

[12]) Революционный комитет был создан 28 августа на объединенном заседании Гельсингфорского совета, Центробалта, судовых и полковых комитетов. Комитет немедленно разослал по всем частям своих комиссаров, установил контроль и связь с частями. По распоряжению Ревкомитета, полковые и судовые комитеты должны были отобрать от офицеров расписки об их отношении к Временному Правительству и ген. Корнилову.

[1]) 28 августа, в 4 часа ночи, 250 матросов Гвардейского экипажа и около 600 матросов 2-го Балтийского флотского экипажа во главе с членом Центрофлота Е. И. Вишневским и Лопатиным, в присутствии членов ЦИК, окружили гостиницу «Астория», где, по имевшимся сведениям, должны были находиться члены Военной лиги.

[14]) Долгоруков, Александр Николаевич, князь, ген.-лейтенант, командир 1-го кавкорпуса. Долгоруков в конце августа был вызван из Финляндии, где был расположен его корпус, в ставку верх. главноком. в Могилев, откуда он затем и выехал совместно с полк. Лебедевым на автомобиле через Псков (Лебедев остался в Пскове и был арестован как участник корниловского мятежа) на Ревель с тем, чтобы уже морем следовать в Гельсингфорс. Долгоруков был заключен в Петропавловскую крепость и освобожден 12 сентября.

[15]) Дудоров, Борис Петрович, кап. 1 ранга, 1-й помощник морского министра, председатель Союза морских офицеров в Ревеле (СМОР). Автор телеграммы 3 июля о потоплении судов, идущих в Кронштадт. Произведен в контр-адмиралы и послан военным агентом в Японию.

[16]) Янкович, Владимир Николаевич, ст. лейтенант.

[17]) Макаревич, Александр Ипполитович, лейтенант, исп. должность нач. 6-го воздушного дивизиона 2-й воздушной бригады и нач. авиостанции в Або.

[18]) Офицеры «Петропавловска», мало считаясь с действительным настроением матросов, своими откровенными ответами до крайности обострили положение. Лейтенант Д. Тизенко и мичман К. Михайлов на вопрос: «согласны ли они исполнять приказания командующего флотом, если он будет стоять на стороне Корнилова», ответили: «Да, что только касается оперативной части, не вмешиваясь в политику». На второй вопрос: «А если демократические органы в лице ВЦИК Советов прикажут итти на Петроград, занятый и корниловскими приверженцами, будете ли вы стрелять по Петрограду», ответили: «по Петрограду стрелять не будут, так как опять-таки в политику не вмешиваются». После первой резолюции, согласно которой четыре арестованных офицера должны были быть отправлены в Революционный комитет, команда вынесла новое постановление, что «таким контрреволюционерам нет места в свободной стране, а потому настаивают, чтобы их не было в живых». Расстреляны: Д. Тизенко, мичманы К. Михайлов, М. Кондратьев и Д. Кандыба.

[19]) Никаких документов, подтверждающих действительное существование такого совета, не обнаружено. Без сомнения, это один из тех многочисленных слухов, которые с провокационными целями распространялись во флоте; как на пример можно указать на слухи о «Варфоломеевской ночи» в Кронштадте.

[20]) Центробалт протестовал против «недоговоренности и откладывания» введения республиканских учреждений, постановил поднять 8 сентября на стеньгах всех судов и в береговых частях Балтфлота красные флаги и «не спускать таковые до окончательного утверждения федеративно-демократической республики». 12 сентября, постановлением Центробалта, флаги были спущены «перед лицом съезда демократических организаций».

[21]) Пилкин, Владимир Константинович, контр-адмирал (произведен 18 июля 1917 г.), нач. 1-й бригады крейсеров.

[22]) Лодыженский, Илья Ильич, кап. 1 ранга, выборный командир линейного корабля «Андрей Первозванный», зав. политическим кабинетом морского министра Вердеревского.

[23]) Романов, Владимир Вадимович, кап. 2 ранга.

[24]) Рощаковский, Михаил Сергеевич, кап. 1 ранга.

[25]) Егорьев, Всеволод Евгеньевич, кап. 1 ранга, исп. д. нач. главного морского штаба.

[26]) Иванов, Модест Васильевич, кап. 1 ранга, выборный начальник 2-й бригады крейсеров. 2 августа 1917 г., распоряжением правительства, зачислен в резерв, но вскоре вновь был возвращен на бригаду. После Октябрьской революции — управляющий морским министерством на правах члена коллегии.

[27]) Жданов, Вадим Константинович, ст. лейтенант, нач. дивизиона сторожевых судов.

[28]) Некрасов, Николай Виссарионович, член. III и IV Госуд. Думы, министр путей сообщения Врем. Правительства.

[29]) Демчинский, Владимир Николаевич, ст. лейтенант, исп. д. флаг-офицера штаба нач. отряда заградителей, командир эск. миноносца «Искусный». И. д. (с 5 ноября 1917 г.) флаг-капитана по военно-политической части. Председатель совета Республиканского союза офицеров, врачей, чиновников армии и флота Свеаборгского района.

[30]) Вейнер, Петр Аркадиевич, кап. 1 ранга, нач. штаба команд. всеми морскими частями Кронштадта.

[31]) Старк, Георгий Карлович, контр-адмирал (произведен 28 июля 1917 г.), флагман.

[32]) Щастный, Алексей Михайлович, кап. 1 ранга, офицер для поручений при командующем Балтфлотом. Командовал в начале 1918 г. флотом; расстрелян по постановлению Верховной коллегии за контрреволюционную деятельность во флоте.

Временное Правительство Автономной Сибири.

Настоящая публикация является прямым продолжением начатой нами в XXIX т. «Красного архива» публикации документов, относящихся к «Временному Правительству Автономной Сибири».

Из общей массы документов, отражающих деятельность этого недолговечного, но сыгравшего довольно значительную роль в истории сибирской контрреволюции и интервенции «правительства», нами публикуются преимущественно документы, рисующие его внешние сношения. Это — наиболее ценная часть архива Дерберовского правительства.

Пребывание этого правительства на Дальнем Востоке значительно облегчало ему сношения с иностранцами. Само Дерберовское правительство считало себя вправе самостоятельно вести международные сношения и разрешать вопросы дипломатического порядка даже тогда, когда в Сибири после чехо-словацкого выступления образовалось более устойчивое «Сибирское правительство» во главе с Вологодским.

«Возможность непосредственных и сравнительно быстрых сношений с иностранными государствами с Дальнего Востока вызывает необходимость оставления общей международной политики, впредь до возвращения в Западную Сибирь всего состава совета министров, в наших руках; до этого момента, во избежание несогласованных действий, необходимо, чтобы ваши сношения с державами проходили пока через нас», — так писал председатель совета министров Временного Правительства Автономной Сибири Лавров в августе 1918 г. в Омск — Вологодскому.

Фактически Сибирское правительство, находившееся в Омске, мало или почти не считалось с владивостокским правительством и разрешало вопросы не только внутренней, но и внешней политики самостоятельно. Это однако не обесценивает документов «министерства иностранных дел» Дерберовского правительства, поскольку в них отражено отношение иностранных государств в 1918 г. к происходившим в Сибири событиям и «политика» всевозможных претендентов на «всероссийскую» власть: белоэсеровской компании Дербера, «диктатора» Хорвата, атамана Семенова, адмирала Колчака и др.

Все публикуемые нами документы можно разделить на три группы: 1) письма и телеграммы из Японии, Китая и САСШ членам Дерберовского правительства об отношении иностранцев к происходящим в Сибири событиям и политическим группировкам в Сибири; 2) документы, характеризующие действия иностранцев на русской терри-

тории сразу же после занятия Владивостока чехо-словаками и легализации Временного Правительства Автономной Сибири: разоружение части судов Сибирской флотилии, захват всей власти во Владивостоке чехо-словаками и т. д.; 3) документы, рисующие внешнюю политику Дерберовского правительства, поскольку это нашло свое отражение в «Журналах заседаний совета министерства иностранных дел Временного Правительства», приложениях к ним и докладах чинов министерства управляющему министерством иностранных дел.

Эта группа документов дает освещение таким событиям, как выступление Хорвата в качестве «диктатора» и отношение к этому выступлению иностранцев, столкновение Дерберовского правительства с консульским корпусом по вопросу о назначении главнокомандующим Краковецкого и министром путей сообщения Моравского, снабжение продовольствием иностранных войск, приезд во Владивосток ген. Нокса и т. п.

Среди публикуемых документов обращает на себя внимание документ, рисующий «условия, на каких возможно признать действия союзных держав на территории Сибири соответствующими международному положению».

В этом документе особенно характерны два пункта: «6. Действия союзников по фактическому осуществлению ими своих стратегических задач на территории Сибири должны быть предприняты не иначе, как путем образования общего союзнического штаба, и при непременном участии уполномоченного на то Сибирского правительства, с правом последнего, если представится необходимым, персонально заменять своих уполномоченных. 7. Не препятствовать [? — *В. М.*] формированию и вооружению Сибирского правительства российской армии на территории Сибири» (разрядка наша. — *В. М.*). Проект этих условий был принят советом министерства иностранных дел.

Этот документ рисует физиономию Дерберовского правительства чрезвычайно ярко. Не имея никакой опоры среди населения, не обладая ни денежными ресурсами, ни военной силой, Дерберовское правительство все свои планы строит на выполнении союзниками «своих стратегических задач на территории Сибири», наивно полагая, что «союзники», загипнотизированные пышной вывеской владивостокского «Временного Правительства Автономной Сибири», не обратят внимания на то, что в действительности скрывается за этой пышной вывеской. Мы знаем, что «союзники» к этому времени уже прекрасно поняли, что Дерберовское правительство — пустое место, и предпочитали ориентироваться на кого угодно — на Хорвата, Семенова, Колчака, — только не на это «правительство».

Целиком полагаясь на «союзников», Дерберовское правительство домогается, и то довольно робко, только создания «общего стратегического штаба» «при непременном участии уполномоченного на то Сибирского правительства» и разрешения «союзниками» Сибирскому правительству формирования «русской армии». Документ, по существу, оформляет передачу всей власти в Сибири — «союзникам»...

Упомянутые выше доклады чинов министерства иностранных дел о посещениях ими представителей иностранных государств дают любопытные иллюстрации напряженной борьбы среди представителей иностранных государств, занятых проведением

в жизнь различных планов интервенции. Весьма интересно в этом отношении сообщение Геймана, Л. Ю. от 9 сентября 1918 г. о заявлении, сделанном ему американским консулом по поводу компетенции и полномочий так называемого совещания дипломатических представителей во Владивостоке: «Американский консул заявил, — пишет Гейман, — что совещание дипломатических представителей не уполномочено говорить от имени союзников, ибо в нем нет представителя Америки, а может выражать лишь мнения и издавать решения, касающиеся держав, от которых на совещании присутствуют представители, причем добавил, что лишь английским правительством даны своему представителю сэру Ч. Эллиот широкие полномочия, другие же представители широких полномочий от своих правительств не имеют».

Обращают на себя внимание чрезвычайно интересные сведения о взаимоотношениях как Дербероского «правительства» в целом, так и отдельных его членов с атаманом Семеновым. Аркадий Петров в своем отчете Дербер у о пребывании в Японии пишет: «Японцы были весьма удивлены, что атаман Семенов встречает поддержку в Сибирском правительстве и, являясь демократом по убеждению и многочисленным своим декларациям к населению, конечно, также не может не поддержи зать Сибирского правительства, с к о т о р ы м у н е г о н е т с у щ е с т в е н н ы х р а з н о г л а с и й» (разрядка наша. — *В. М.*).

Даже японцы удивлены!.. Но, может быть, эти строки — не больше, как наивная «дипломатия» дербероского «посланника» в Японии, не отражающая действительных отношений между Семеновым и Дербером? Но вот другая цитата из этого же отчета Аркадия Петрова: «Это сообщение, — пишет он, — передаст А. И. Линков (от атамана Семенова), находящийся здесь в Токио и п р и в е з ш и й м н е п р и в е т о т А. А. К р а к о в е ц к о г о. Линкову я устроил ряд интервью с журналистами, в котором он сделал интереснейшие сообщения о п о л н о м к о н т а к т е х р а б р о г о и ч е с т н о г о д е м о к р а т а а т а м а н а С е м е н о в а с С и б и р с к и м п р а в и т е л ь с т в о м, чем окончательно бил карты агентов бюрократии»... Дальше, кажется, итти некуда!..

Для полной ясности всей картины следует однако привести еще одну цитату, на этот раз из журнала заседаний «Временного Правительства Автономной Сибири». В журнале № 38 от 5/VIII 1918 г. запротоколировано следующее:

«С л у ш а л и: Об ассигновании пятидесяти тысяч рублей в возврат полученной заимообразно военным министром от атамана Семенова суммы.

П о с т а н о в и л и: Заем, произведенный военным министром А. А. Краковецким в июне месяце с. г. у атамана Семенова в размере пятидесяти тысяч рублей, утвердить. Ассигновать шестьдесят тысяч рублей военному министерству, предложив уничтожить долг атаману Семенову» [1]).

Публикуемые нами документы взяты из фонда «Временного Правительства Автономной Сибири» (ф. № 154, дд. №№ 1, 3, 4, 8, 9, 10, 12, 13, 15, 21, 30), находящегося в Центральном Архиве Октябрьской Революции. *В. Максаков.*

[1]) Опубликовано В. Д. Вегманом в примечаниях к книге В. Г. Болдырева «Директория. Колчак. Интервенция», стр. 522, прим. 73, Сибкрайиздат, 1925 г.

I.

Письмо А. В. Байкалова управляющему министерством иностранных дел Правительства Автономной Сибири А. Н. Петрову [1]).

Г. Кобе. 8 июля 1918 г.

Уважаемый Аркадий Николаевич.

Полагаю, что для вас, как министра иностранных дел, очень важно знать общественное мнение Японии и ее руководящих кругов относительно всего того, что происходит в Сибири, а поэтому решаюсь отнять несколько минут своей информацией. Моя информация основана, главным образом, на газетных сведениях, кое-что я почерпнул из бесед с русским вице-консулом в Кобе.

Японская пресса — я разумею газеты, печатающиеся по-японски, «делает хорошую мину при плохой игре». Переворот во Владивостоке [2]) и успехи Сибирского Правительства в Западной и Средней Сибири были для японцев совершенно неожиданны; они были уверены, что все антибольшевистские элементы настолько дезорганизованы и деморализованы, что совершенно не в состоянии оказать большевикам какое-либо сопротивление. На этом строилась идея о японском вмешательстве в дела Сибири. Так как действительность показала, что сибиряки на самом деле не так беспомощны, то те соображения, которые приводились раньше в пользу японского вмешательства, теперь потеряли в значительной степени свою силу. Задача японцев — доказать союзным державам, что Сибирское Правительство не имеет корней в населении, что оно — затея политических младенцев, что с ними, как с правительством, существующим законно, считаться нельзя.

Сейчас японские журналисты, чтобы обработать соответственным образом общественное мнение, собирают всякий материал, доказывающий справедливость их точки зрения. Их главные аргументы таковы: Сибирское Правительство состоит исключительно из социалистов, людей, зараженных бредовыми идеями, не имеющих никакой политической опытности и известности. Цензовые элементы отказались, мол, поэтому принять участие в правительстве, что для иностранцев является чрезвычайно серьезным аргументом против Сибирского Правительства. Наши цензовики, может быть, против своего желания, оказывают японцам незаменимую услугу. Там в газетах помещено интервью с адмиралом Колчаком, только что приехавшим в Японию. Колчак в этом интервью отзывается о Сибирском Правительстве в самых рез-

[1]) На подлиннике имеется помета карандашом: «15/VII—18 г.»; А. В. Байкалов — с.-д. меньшевик, кооператор, в настоящее время эмигрант, сотрудник белогвардейской печати.

[2]) Имеется в виду занятие чехами Владивостока 29 июня 1918 г. и декларация Временного Правительства Автономной Сибири.

ких выражениях. Дербера он называет «жидом», членов кабинета — людьми совершенно неопытными в деле управления, программу правительства — утопической. Это интервью сейчас служит предлогом для целого ряда статей, доказывающих высказанное Колчаком положение.

Указывают, что в состав правительства вошли люди, которые еще недавно были известны своей наклонностью к большевизму. Это производит очень невыгодное впечатление.

Похороны красногвардейцев и речь Суханова[1]) раздуты до невероятных размеров. Газеты сообщают, что на похоронах было свыше 10 000 человек и что речь Суханова произвела такое глубокое впечатление, что теперь все во Владивостоке опасаются большевистского восстания.

В газетах приводятся сообщения, что большевики около Иркутска имеют свыше 40 000 вооруженных людей. Очень осторожно выражается сомнение в том, смогут ли чехо-словаки справиться с этой силой.

О мерах, принимаемых Сибирским Правительством, о том, как идет формировка армии, о демонстрациях в поддержку правительства, — обо всем этом в газетах нельзя найти ни одного слова.

Все, что говорит в пользу Сибирского Правительства, замалчивается; все, что говорит против правительства, раздувается. Газеты отводят целые столбцы интервью с Колчаком или речи Суханова, комментируют их, как важнейшие политические события, между тем ни слова о программе Сибирского Правительства [2]), об его первых шагах, о речах и выступлениях Дербера и других.

Тенденция совершенно очевидна.

В японских газетах даже не поименованы члены кабинета министров. Только было упомянуто о самом факте образования правительства и о назначении Дербера председателем совета министров и вас управляющим министерством иностранных дел.

Слухи о том, что Дербер еврей и что бело-зеленый флаг [3]) это национальный флаг евреев, усиленно раздуваются.

Ландезен (вице-консул в Кобе) говорил мне, что иностранцы этому верят и разубедить их довольно трудно. По словам Ландезена,

---

[1]) Суханов К. — большевик, председатель Владивостокского Совета, арестованный 29 июня чехо-словаками и 18 ноября расстрелянный ими при выводе из тюрьмы.

[2]) Программа Временного Правительства Автономной Сибири была опубликована в № 3 «Вестника Временного Правительства Автономной Сибири» от 11 июля 1918 г.

[3]) Бело-зеленый флаг — флаг сибиряков-областников; сочетание белого и зеленого цвета должно символизировать снега и зеленые леса Сибири.

хорошо знакомого с настроениями и мнениями иностранцев, последние относятся к Сибирскому Правительству весьма скептически и считают его чем-то вроде того капрала, который, по пословице, успел взять в свои руки палку в момент всеобщего замешательства.

Харбинские кадеты, судя по газетам, в большом замешательстве. Хорват [1]) немедленно по получении известий о владивостокских событиях собрал совещание; на этом совещании обсуждался вопрос о том, чтобы объявить себя (Дальневосточный Комитет) правительством Сибири. Можно думать, что Колчак приехал в Японию, чтобы в этом направлении нащупать почву.

Я очень извиняюсь, что беру на себя смелость советовать вам, но мне казалось бы, что правительству надлежит предпринять некоторые шаги, дабы парализовать действие распускаемых слухов.

Мне думается, что было бы необходимо вам, как министру ин. дел, обратиться с официальной нотой к союзным державам, через их посольства в Токио, с изложением программы правительства. Ваше обращение к консулам не играет такой значительной роли в глазах публики, как непосредственное обращение к правительствам. Мне думается, что вручение ноты нужно было бы обставить возможно более торжественно и послать для этого особую делегацию.

Затем необходимо официально опубликовать биографии всех членов кабинета министров. Действительно, большинство членов правительства за границей совершенно неизвестны, и естественно, что публика к незнакомым людям относится подозрительно.

Нужно как-нибудь наладить отношения с цензовиками и добиться, чтобы они дали своих людей в состав правительства. Я читал в «Голосе Приморья» их требования. Большинство из них представляются приемлемыми. Нужно указать цензовикам, что их упрямство и отказ войти в правительство — огромный козырь в руках японцев. Этим японская пресса аргументирует необходимость японского вмешательства.

Необходимо также информировать возможно более подробно иностранные общественные мнения о том, что делается в Сибири, и обо всех шагах Сибирского Правительства. Не жалейте времени для интервью и денег на печатную информацию, нужно образовать немедленно же официальное сибирское телеграфное агентство и рассылать повсюду телеграммы.

Ландезен и Федоров (консула в Кобе и Цуруге) расположены к Сибирскому Правительству благожелательно. Как относится посольство в Токио, об этом я извещу вас через несколько дней после того, как побываю в Токио.

---

[1]) Ген.-лейт. Хорват Д. Л., с 1903 г. был управляющим Китайско-Восточной железной дорогой.

Вообще, Аркадий Николаевич, вы можете мною всецело располагать. Все, что я смогу сделать, я готов сделать, и те слова, которые я сказал вам накануне своего отъезда, остаются в силе. Я считаю себя в полном распоряжении Сибирского Правительства.

Привет и наилучшие пожелания.

А. Байкалов.

Письмо А. Н. Русанова кн. Н. А. Кудашеву [1]).

Пекин. 18 июля 1918 г.

Милостивый государь Николай Александрович.

По прибытии в Пекин я имел с вами, благодаря вашему любезному разрешению, продолжительную беседу по поводу событий, происходящих в данное время в Сибири и на Дальнем Востоке в связи с ниспровержением Советской власти и тех осложнений, которые возникли на Дальнем Востоке в результате появления двух правительств, претендующих на большевистское наследство.

Я имел честь уже вам доложить, что я персонально стою в стороне от всякой борьбы партий и лично совершенно не заинтересован в разрешении спорных вопросов о власти в том или ином направлении, ибо ни при каких обстоятельствах в данное время не предполагаю возвращаться к какой бы то ни было административной деятельности. Но в качестве комиссара Временного Правительства и Временного Комитета Государственной Думы, создавшего Временное Правительство по делам русского Дальнего Востока, а также члена Государственной Думы, представлявшего там почти весь Приамурский край (Приморскую, Сахалинскую и Камчатскую области), и лица, в течение очень и очень многих лет находившегося в центре общественно-политической жизни нашей далекой окраины, я не мог и не считаю себя вправе оставаться молчаливым зрителем событий, развертывающихся на территории Дальнего Востока и могущих при известных обстоятельствах иметь роковые последствия для Дальнего Востока, всей Сибири и через них для всей России. Я почитал своей обязанностью довести мое мнение до вашего сведения, как представителя Российского Временного Правительства в Пекине, который благодаря сложившейся конъюнктуре играл в последнее время большую роль в событиях нашего Дальнего Востока.

---

[1]) А. Н. Русанов — бывш. член Государственной Думы от Сибири, трудовик, комиссар Временного Правительства на Дальнем Востоке в 1917 г. — Н. А. Кудашев — б. российский посланник в Пекине. (См. «Красный архив, т. XXXII, стр. 99—101.) Публикуемое письмо напечатано впервые в «В. Сиб.» № 5.

Высказанные мною вам соображения я считаю не бесполезным резюмировать в письме на ваше имя.

Я всегда принадлежал и принадлежу к той группе русской демократии, которая последовательно и неуклонно со дня переворота 1917 г. стремилась к созданию в стране единства путем содружества всех классов и партий в государственно-созидательной работе, путем коалиции всех живых сил страны, которая, обеспечив национальный мир, привела бы страну к победе над внешним врагом и вывела бы ее из тяжелого положения.

Эта группа всегда упорно и последовательно боролась против демагогии большевиков и примыкавших к ним элементов, пытавшихся отвести нашу революцию в сторону чрезмерной и форсированной социализации всех сторон русской жизни и приступивших к осуществлению своих доктрин немедленно после захвата власти, что вместе взятое привело страну к краху.

Борьба с большевиками сделалась очередной и самой важной задачей момента для всех государственно-мыслящих граждан.

Ныне общие усилия почти увенчались успехом, немного еще напряжения, — и большевизм во всей Сибири, а затем и России падет под напором народных масс, в большевизме разочаровавшихся.

Нельзя отрицать того, что в организации сил для борьбы с Советами в Западной и Восточной Сибири наиболее деятельное участие принимали комитеты партии социалистов-революционеров, как партии, имеющей большой опыт и навык в создании конспиративных боевых дружин. Не подлежит сомнению, что антибольшевистское восстание в Западной и Восточной Сибири происходило по планам, выработанным по инициативе партии социалистов-революционеров, к числу коих, между прочим, я не принадлежал и не принадлежу.

Объективным доказательством правильности моего утверждения является факт возглавления Западно-Сибирского Правительства старыми работниками этой партии [1]).

Чехо-словаки явились лишь фактором, ускорившим процесс падения большевизма и содействовавшим более легкой победе, уравновесив до некоторой степени германских военнопленных, действующих на стороне большевиков. Закрепление плодов победы над большевиками оказалось возможным лишь благодаря существовавшим боевым организациям в недрах самого населения. Ошибочно думать, что эти организации состоят только из офицерства, несправедливо почитаемого за реакционную часть населения: в их состав входят

[1]) Имеется в виду Западно-Сибирский Комиссариат Временного Сиб. Правительства, в состав которого входили правые с.-р.: П. Я. Михайлов, М. Я. Линдберг и Б. Д. Марков.

также и студенты, интеллигенция и даже рабочие, враждебные большевизму.

Глубоко были правы те, кто борьбу с большевиками считал исключительно делом самих русских. На этой позиции всегда стояла русская демократия, что рельефно выразилось на общественно-демократическом совещании, имевшем место в Харбине 20 июня. С чувством глубокой признательности я обязан заявить, что вы также высказались в этом смысле. Еще несколько месяцев тому назад я имел удовольствие прочесть ваше мнение по этому вопросу в письме на имя одного русского деятеля, в котором вы изволили почти буквально написать следующее: «Мне, как русскому человеку, претит обращение к иностранцам за помощью, это дело самих русских, это дело русского патриотизма». Теперь, когда, казалось, после начавшегося падения большевизма уже занималась заря новой жизни и оживлялись надежды на лучшее будущее, Дальний Восток, Сибирь и за ними вся Россия вновь поставлены перед лицом печальной перспективы национальной розни, партийной вражды, групповой и классовой борьбы и самого худшего вида борьбы — борьбы за власть, что может привести к гражданской войне, которая в свою очередь повлечет за собой вмешательство иностранцев, но уже в наши внутренние дела.

Коалиция всех живых сил страны — вот единственный путь спасения в данное время, и если она не состоится, то неисчислимые беды вновь обрушатся на освобожденную Сибирь и задержат освобождение всей России от большевизма и германизма.

Мне доподлинно и документально известно, что Сибирское Правительство, бывшее в Харбине и уехавшее во Владивосток в половине мая, вынесло постановление о необходимости создания коалиционного правительства из социалистов и цензовых элементов, не исключая харбинской группы.

К сожалению, неосторожные общественные деятели, частью безответственные, частью персонально озлобленные, подвинули ген. Хорвата на ложный и опасный шаг объявления себя «временным правителем» не только всей Сибири, но и всей России.

Для меня несомненно, что власть эта не будет принята по следующим основаниям:

1) Диктатором себя никогда не объявляют, диктатор начинает действовать, опираясь на определенную реальную силу, которой нет ни у ген. Хорвата, ни у тех лиц, которые вошли в так называемый «Деловой Совет» и которые всю ответственность за свою авантюру переложили на ген. Хорвата.

2) Подобная комбинация, как поддерживаемая пока исключительно цензовыми элементами, случайно съехавшимися в Харбине,

субъективно раздраженными, жаждущими мести и реванша, утратившими вследствие сего чутье политической обстановки, не сможет опереться на поддержку общественного мнения, встретив оппозицию со стороны населения Сибири и Дальнего Востока, как власть, рассчитывающая расчистить себе путь, опираясь только на физическую силу.

3) Не имея реальной силы, не опираясь на поддержку в стране и идя дальше уже не как освободитель, а как завоеватель, правительство, вышедшее из Харбина и находящееся в Гродекове [1]), вынуждено будет опереться на силу иностранцев, что усилит еще больше враждебность населения к подобной власти, русской по названию, но по существу — чужой, базирующейся на иностранцах. Я глубоко убежден, что ген. Хорват и его Совет в Сибири и на Дальнем Востоке встретят к себе враждебное отношение, и все их предприятие закончится так же печально, как закончились события на Украине.

Я уверен, что не в интересах союзников запутывать положение России, ибо им так же, как и нам сейчас, необходимо приложить все усилия к созданию русского фронта против Германии.

Без населения же такой фронт немыслим, чужую и чуждую власть население не примет, хотя бы эта власть и задавалась самыми лучшими намерениями.

Неосторожное выступление ген. Хорвата и его «Делового Совета», фактически направляющего политику непримиряемости и вражды к демократии, чревато серьезными последствиями: начнется борьба против ген. Хорвата и его правительства. Новая борьба — и ужасная новая гражданская война. Настал момент, когда всем необходимо приложить усилия и использовать все средства для достижения коалиции демократии и цензовых элементов. Конкретно говоря, по отношению к данному случаю необходимо соглашение между Харбином и Владивостоком. Две силы должны пойти на взаимные уступки и во избежание гражданской войны и во имя восстановления национального мира.

Естественно, первым шагом к этому миру должен быть отказ ген. Хорвата от диктаторства, которое в настоящее время ни при каких обстоятельствах приемлемо не будет. Ген. Хорват и его Совет делают ту же ошибку, которую в свое время допускали крайние левые, отбрасывавшие из учета цензовую Россию, выбрасывая из учета русскую демократию.

---

[1]) Ген. Хорват, прибыв из Харбина со своей группой и небольшим вооруженным отрядом на ст. Гродеково, объявил себя «временным верховным российским правителем». В состав его «Делового Кабинета» входили: к.-д. Вострогин, Таскин, Курский, Окороков, Устругов (впоследствии колчаковский министр), Путилов, ген. Флуг и Глухарев.

Я уверен, что демократия примет брошенный вызов, но лучше, если чаша новых испытаний минует Россию.

Заканчивая мое письмо, в кратких чертах излагающее содержание моего личного вам сообщения, я позволю себе выразить уверенность, что вы, на долю которого выпадает сейчас тяжелая, но почетная миссия содействовать восстановлению порядка в России, приложите все усилия и сделаете все возможное для умиротворения страстей, употребив весь ваш авторитет в России и за границей для мирного разрешения конфликта, завязавшегося в Уссурийском крае и могущего своим тяжелым последствием захватить всю Сибирь и всю Россию.

А. Н. Русанов.

Письмо кн. Н. А. Кудашева А. Н. Русанову.

6(19) июля 1918 г. № 674. Пекин.

Милостивый государь
Александр Николаевич.

Позвольте мне поблагодарить вас за сегодняшнее любезное письмо, резюмирующее интересный разговор, которым вы меня почтили по приезде вашем в Пекин. Хотя я хорошо помню главные положения, высказанные вами, мне очень приятно сохранить письменный след высказанных вами ценных мнений.

Что касается вашего предложения, чтобы я поспособствовал разрешению конфликта, завязавшегося в Уссурийском крае, то я могу только сказать, что при всем сознании слабости моего голоса перед лицом деятелей, которые меня совсем не знают, я тем не менее напрягаю все свои усилия, чтобы вселить среди них убеждение гибельной опасности для нашей родины раздоров и в необходимости прекратить таковые, хотя бы на время, и всем соединиться для преодоления грозного внутреннего врага — большевистского засильника. В смысле призыва к единению я высказываюсь как перед организациями, возглавляемыми ген. Хорватом, так и перед образовавшимися в Западной Сибири организациями.

Вы вполне правы, считая, что борьба с большевиками есть исключительно русское дело, и я рад видеть, что на этот счет у вас было верное представление о моем отношении к «иностранному вмешательству». Это вмешательство, к сожалению, вследствие нашей разрухи ставшее неизбежным, — не должно иметь в виду наведение порядка в России, а должно быть принято как у нас, так и за границей, лишь как одно из законных средств, коими располагают союзники для нанесения с востока чувствительного удара Германии. Такую точку зрения я всегда

отстаиваю перед союзниками и хочу верить, что ни одна партия в России не призовет иностранные войска для поддержания своих партийных интересов перед таковыми же интересами ее соперников. Будем надеяться, что предстоящее присутствие на русской земле иностранных дружественных союзных войск даст случай нам, русским, опомниться, подтянуться и объединиться и тем встать на путь воссоздания России.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном почтении и таковой же преданности.

Кн. Н. Кудашев.

Письмо А. С. Потапова полк. А. А. Краковецкому [1]).

Секретно.

Гранд-Отель. Компания спальных вагонов.

Пекин. Китай. 23(10) июля.

Полковнику Краковецкому.

Пользуясь оказией поездки отсюда английского полковника Робертсона, спешу доложить местные впечатления. Я вместе с А. Н. Русановым прибыл сюда утром 15(2) июля 1918 г. Местная пресса, повидимому, не без участия нашей миссии, особенно Граве [2]), сильно поддерживала правительство ген. Хорвата. Пришлось принять экстренные меры к истинному освещению событий, и, как вероятно, вам писал А. Н. Русанов, пресса не только изменила тон, но почти перешла на сторону Сибирского Правительства. С первого же дня нашего [пребывания] все отправленные в Америку телеграммы изложены против Хорвата, некоторые очень резко. Удалось повлиять на главную газету «Пекинский и Тяньцзинский Таймс» и «Пекинский журнал». Все статьи со времени нашего приезда направлены против авантюры Хорвата. Миссия пыталась разбить кампанию, написала сотрудникам письма, помещала опровержения, но письма не действовали, заметки же являлись слабыми и притом в одной из вечерних, никем не читаемой газете. Члены миссии, с которыми я всегда был в дружеских отношениях по личному знакомству и по моим связям с мин. ин. дел в течение более 20 лет, проявили в отношении меня подобие эксцессов. Один даже, которого вы знаете, раздраженно сказал: «А все равно мы ску-

[1]) А. С. Потапов, ген.-майор, в первые дни Февральской революции был председателем военной комиссии Временного Комитета Государственной Думы. А. А. Краковецкий, полковник, б. с.-р., в 1917 г. при Временном Правительстве был командующим Иркутским военным округом, в 1918 г. военный министр Врем. Правительства Автон. Сибири.

[2]) В. В. Граве — первый секретарь российского посольства в Пекине.

шаем»... В течение двух дней мне посчастливилось иметь беседу с союзными миссиями (Англия, Америка, Франция, Япония, Бельгия, последняя, как пекинская, так и прибывшая из Петрограда) и везде отстоять принятую мною с А. Н. Русановым позицию. А. Н. имел беседу лишь с кн. Кудашевым и запечатлел ее в письме на его имя. Бегал я один и только познакомил А. Н. с двумя представителями печати.

Письмо А. Н. кн. Кудашеву [1]), конечно, я использовал для перевода в миссиях и распространения среди местного общества. В связи и в протест моих самостоятельных, независимых хождений по миссиям 20 июля вечером ко мне прибыл военный агент полковник Татаринов с рядом упреков и от своего и от имени посланника передал мне неудовольствие и предложение немедленно покинуть Пекин. Как бывший (14 лет тому назад) военный агент и в то же время начальник международных войск [2]), я, конечно, напомнил Татаринову и его положение и его права и со своей стороны предложил ему доложить посланнику, что я требую его письменного подтверждения выраженного им желания об оставлении мною Пекина. Я был уверен, что кн. Кудашев никогда бы не решился не только писать, но и говорить. Я его знаю с Америки (12 лет) и сохраняю и сейчас отличные отношения, сообщаю ему лично все свои впечатления по моим беседам в официальных иностранных кругах, и он имел неоднократный случай убедиться в моей искренности. Хотя я еще с тех пор князя не видел, но просимого мною письма не получил и убежден в провокации Татаринова. При беседе в иностранных миссиях возникают разные вопросы, и за отсутствием А. Н. (он уехал 18-го) мне приходится оставлять их открытыми, ибо он не оставил мне некоторых официальных данных справочного характера. Идея у нас одна, но иногда необходимы справки. Я получил 21-го от него письмо, что он скоро приедет, но до сих пор я не имею даже его телеграммы, которую он обещал послать заранее. Хорватовское правительство, повидимому, недовольно миссией, не остановившей моих влияний, командирует сюда разных лиц; первое — Мозер [3]) — приезжает 24-го. Но мне кажется, что здесь дело стоит уже прочно. Диктатура Хорвата подорвана, и даже поддерживающая его держава бьет отбой. Нацуоки с Востротиным [4]) и Флугом слишком поспешили.

Вероятно, А. Н. вам писал, что при высадке иностранных десантов было бы полезно:

---

[1]) См. выше, стр. 43.

[2]) В 1903 г. Потапов был военным агентом в Корее и начальником международного отряда.

[3]) Мозер — консул САСШ в Харбине.

[4]) С. В. Востротин — б. член Государственной Думы, член «Делового Кабинета» Хорвата.

1) приветствовать их и просить содействия, если бы таковое понадобилось, к скорейшему созыву Учредительного Собрания;

2) впредь до выработки новых уставов и положений для войск принять французские или японские уставы; приказы по сводным международным войскам должны быть общие;

3) при формированиях зачислять лишь офицеров, соответствующих этому званию по воспитанию, образованию... [1]) нельзя же всем харбинским офицерам дать одинаковые права;

4) провести вопрос о Хорватовском правительстве в самых корректных выражениях, не проявляя... [1]), конечно, кроме диктаторства, которое ни в коем случае неприемлемо. По мнению иностранцев, вы могли бы даже выразить готовность к его признанию, если бы это правительство доказало свои полномочия. Вы же являетесь выборными и не имеете права слагать полномочия перед самочинным правительством.

Все эти пункты, а их было больно много, переданы А. Н., я докладываю их из бесед. Союзники, повидимому, сочувствуют вашей коалиции.

Вас спросят, каким образом вы полагаете производить выборы, по мере ли движения и очищения края от большевизма, или когда восстановится порядок в Сибири и в России; что вы называете «порядком» и т. д.; вашу программу и намеченные вами технические приемы ее проведения.

А. Н. Русанов мне пишет: «ваше пребывание в Пекине чрезвычайно важно», а я думаю, что здесь все направлено, и сегодня визировал паспорт на Токио и на Владивосток. Несмотря на то, что японский министр Хаяши — мой приятель 14 лет, визу мне выдали о ч е н ь х о л о д н о.

Полк. Татаринов просится состоять при иностранных войсках. Я бы не содействовал его назначению, если бы был спрошен о мнении. Ярый монархист, абсолютист, озлобленный, жаждущий мести, ненавидящий народ. Сейчас у вас выбор есть. Он очень опасался, что я могу быть его соперником, но, узнав некоторые мои разговоры, успокоился. Я выразил согласие принять участие в комиссиях [sic!] для сношений с населением, которая бы приняла на себя одну из успешно проведенных военной комиссией Временного Комитета Государственной Думы во время переворота функций, а именно посредничество между правительством, международными войсками и населением, чем были бы избегнуты многие осложнения, жертвы и разорения. Думаю, что по имеющемуся у меня опыту, как председателя военной комиссии Временного Комитета Государственной Думы, я мог бы быть полезным в этой роли, но от председательствования уклонился.

---

[1]) Далее в подлиннике пропуск.

Как мы с А. Н. Русановым убедились, не только харбинские иностранные представители, но и пекинские миссии и общество совершенно неправильно оценивают обстановку. Сибирское Правительство им представлено более чем в невыгодном свете. Поражаются при возражениях, и необходимо время для нового освещения. Острят над бывшими здесь военными представителями. Повидимому, существовала против них агитация, может быть,—местных политических врагов по личным инициативам, а может быть,—по указаниям из Харбина. Даже официальные данные подорваны в значении. Миссия, повидимому, хотела развить [sic!] в прессе письмо Курского [1]) против г. Дербера, но я не мог подтвердить правильности изложения упреков Курского. Говорили, что есть какие-то омские газеты, где г. Дербер расписан, но газеты еще не получены. Амурское бюро при отъезде моем в Пекин просило сообщить вам о желательности оставления г. Дербером правительства. Правда, амурцы говорили частным образом, вне каких-либо постановлений или резолюций. Также выражали желание видеть в составе правительства г. Алексеевского [2]). Но повторяю, все это были частные разговоры. По указанию А. Н. Русанова, иностранцам я говорил, что г. Дербер лично не настаивает на председательствовании и на министерском посту. Почему-то все поднимали вопрос о г. Дербере. К сожалению, я мало посвящен в его деятельность и не мог развивать беседы.

Как только выясню вопрос о приезде А. Н., решу свой маршрут. Конечно, если я действительно могу быть полезен личными отношениями и связями с местными иностранцами для проведения определенных вопросов, я останусь, но думаю, что было бы полезно проехать в Токио, где также у меня есть приятели, и я мог бы, если бы понадобилось, быть независимым от нашего посольства. Очень сожалею, что А. Н. задерживается в Мукдене, в ожидании, как он пишет, семьи. Письмо Русанова кн. Кудашеву будет помещено в местной прессе в виде интервью с одним из сотрудников, у которого мы были с ним вместе.

Хорошо бы... [3]) привлечь в постоянные сотрудники. Он собирается во Владивосток. Туда же едет... [3]) корреспондент... [3]). Оба ждут телеграмм из Америки. К сожалению, оба говорят только по-английски. Сейчас мне передали, что кто-то в клубе говорил, что я почти большевик..., что я создал приказ № 1, что я выпустил из-под ареста Ленина. Очевидно, пришло письмо из Харбина, ибо там эти слухи были пущены Ванюковым, которого я выгнал из своей комнаты в присутствии Орлова,

[1]) Курский — член «Делового Кабинета» Хорвата.

[2]) Алексеевский А. Н., правый с.-р., член Учред. Собрания, впоследствии глава «Амурского Правительства».

[3]) В подлиннике пропущено слово.

Щелокова и др. Опозданием консулом Поповым в миссии очень довольны и настоящего консула Траутмильда, уехавшего из миссии 18-го, отправили в Шанхай. Здесь есть бельгийский посланник в Петрограде... [1]), видевший мою деятельность в Г[осударственной] Д[уме], и он собирается вместе со мной в Японию. Обращаю ваше внимание на полк. Блонского, обиженного назначением Татаринова. Его можно было бы привлечь к делу, но лучше, если бы, с вашего согласия, написал я. Он отлично владеет японским и китайским языками. Татаринов нет. Здесь, кроме Блонского и Татаринова, еще Мидревский, Быков, Кременецкий, Федоров, Титов ничего не делают, получают отличное содержание. Но Мидревский, в солидарность Татаринову, не ответил на мой визит. Как видите, все стоят за Хорвата и, как мне показалось, из бесед с ни , он тоже верит в Хорвата и несколько смущен, почему Хорват еще не в Никольске. Бельгийцы даже уверяют, что Хорват в Харбине. Я вам пишу за отсутствием А. Н. Русанова. Иначе писал бы он, но мои сообщения не для прессы, а для личной вашей ориентировки. Мне пришлось здесь по данным Трутнева [2]) характеризовать Вологодского, Крутовского, Маркова, Михайлова и т. д., и очень, очень жаль, что нет Русанова.

Если бы вы признали иметь со мной связь, я буду рад быть полезным. Пока я в Пекине, а если после беседы с А. Н. Русановым выеду в Японию, то телеграфируйте или пришлите на консульство в Кобе, где я буду наверное, ибо туда перевел свои денежные крохи.

Уважающий вас А. Потапов.

P. S. Извините за слог, форму, каллиграфию. Имел всего два часа и спешил использовать оказию. Потапов.

Отчет А. Н. Петрова о поездке в Японию [3]).

Конфиденциально.

Токио. 15 сентября 1918 года.

Председателю Сибирской Думы, мин. ин. дел Временного Правительства Автономной Сибири.

Причина командировки в Токио.

Ввиду крайне неопределенного отношения к идее автономии Сибири, Сибирской Областной Думе и избранному ею Временному Пра-

[1]) В подлиннике пропуск.

[2]) Трутнев А. А., правый с.-р., впоследствии привлеченный в состав Правительства Автономной Сибири.

[3]) Написано на бланке со штампом: «Arcady Petroff. Member of Siberian Duma».

вительству со стороны российских дипломатических представителей в Китае и Японии, а также полной неосведомленности японских и китайских политических кругов о положении дел в Сибири, — частное совещание членов Сибирской Думы и членов Всероссийского Учредительного Собрания от Сибири, состоявшееся во Владивостоке, постановило командировать меня в Японию в целях ознакомления как российских дипломатических представителей в Токио, так особенно японский политический мир с создавшимся положением вещей в Сибири.

Временное Правительство Автономной Сибири, узнав о моем отъезде, предложило мне взять на себя труд быть частным представителем его министерства иностранных дел, приняв на себя оплату расходов по этому представительству. На предложение Временного Правительства я изъявил свое согласие и 18 августа с. г. я выехал в Японию [1].

Приезд в Японию и первое впечатление.

20 августа я прибыл в японский порт Цуруга. Несмотря на полную, казалось, тайну, в которую облеклась моя командировка Временным Правительством, на пароходной пристани меня встретила группа журналистов, извещенная из Владивостока своими коллегами о моем выезде в Японию и целях поездки. Журналисты засыпали меня вопросами. Не успев еще ориентироваться в настроениях японского общества и не желая раньше времени осведомлять прессу о своей миссии, не зная, как меня встретит казавшийся нам издали враждебным Токио, я сообщил им только о том, что я, как японовед, интересуюсь частным образом о состоянии торговли и промышленности Японии в период войны в надежде — при соответствующих условиях — содействовать установлению непосредственных торговых сношений между Японией и сибирским рынком, причем в частности я интересуюсь вопросом о массовой закупке чая для нужд сибирского населения. Журналисты не замедлили передать об этом в токийские газеты, сопровождая свои сообщения комментариями, что я замаскировываю свои настоящие цели, особенно принимая во внимание мое предшествовавшее поло-

---

[1]) См. публикуемый ниже журнал № 5 заседания совета министерства иностранных дел Правительства Автономной Сибири от 27 июля 1918 г., п. 5.

В журнале заседания совета министерства ин. дел от 15 августа 1918 г. имеем следующую запись: «Произошел обмен мнений по вопросу о том, считать ли А. Н. Петрова дипломатическим представителем Временного Правительства Автономной Сибири, на что А. Н. Петров указал, что он будет выступать вначале как частное лицо; в случае же, если его пригласят для переговоров в государственные учреждения Японии, то он будет выступать как представитель министерства ин. дел». Совет министерства постановил «изложенные положения считать руководящими данными для работы А. Н. Петрова». (АОР, ф. 154, л. 21, журнал № 8).

жение в Сибирском Правительстве. Судя по отношению печати к моему приезду и специальным корреспондентам, присланным из японских центров в Цуругу, и сопровождения меня до Токио, а также некоторым весьма назойливым и подозрительным лицам различного общественного положения, наперерыв оказывавшим мне услуги дорогою до самого Токио, — можно было заключить, что никто решительно в Японии не верил в мою «частную миссию» по «закупке чая», а потому наш секрет был секретом Полишинеля. Тем не менее я был упорен и сам готов был уверовать в свою роль «чаеторговца», тем более что в качестве уполномоченного «Закупсбыта» я имел подобное поручение от правления.

Приезд в Токио и визит в российское посольство.

Вечером 20 августа я прибыл в Токио. Встретившим меня журналистам я заявил, что чувствую себя больным после морского пути, а потому, к сожалению, не могу поделиться с ними своими впечатлениями, что̀ между прочим соответствовало действительности. На другой день я позвонил в посольство с просьбою сообщить послу о моем желании его видеть сегодня же. Оказалось, что посол живет на даче и может меня принять только через четыре дня, когда ожидается его приезд. Тогда я выразил желание повидать лицо, его замещающее. Таковым оказался советник посольства г. Щекин, с которым я имел беседу в четыре часа того же дня.

Г. Щекин — бывший советник пекинского посольства, назначенный посланником в Тегеран (Персия), — не имел возможности пробраться в Персию вследствие захвата большевиками Кавказа и закрытия границ и возвратился кружным морским путем чрез Индию, Индийский океан в Токио, где он состоял последнее время также советником. Г. Щекин с искренним, повидимому, интересом выслушал меня о положении дел в Сибири и ориентировал в общих чертах в международной обстановке, каковой она представляется токийскому посольству. Нового от него я все же, к сожалению, ничего не узнал. Он просил меня сообщить о Сибири послу, который, как оказалось, будет в Токио на следующий день. Я воспользовался случаем, чтобы нанести визиты, путем оставления карточек, всем членам нашего посольства, каковое официально состоит из 8 лиц — чинов посольства (гг. Крупенский, Щекин, Абрикосов (1-й секретарь), барон Берг (2-й секретарь), барон Рейн, бар. Райпинг, Плетнер, торговый агент Миллер). При посольстве состоят полк. артилл. Подтягин и адмирал Дудоров в качестве военного и морского атташе. При последних имеются несколько военных чинов. С секретарем Абрикосовым, оказалось, я встречался в Лондоне во время моей научной командировки.

На следующий день я был у посла Крупенского. Прием был строго официальный, весьма холодный. Г. Крупенский заметно волновался, расспрашивая о причине моего приезда в Токио. Я ему ясно и определенно сообщил о желании моем, как члена Сибирской Думы, информировать его и членов посольства о положении дел в Сибири в связи с провозглашением власти Сибирского Правительства. С нескрываемой иронией он заявил, что он и члены посольства достаточно хорошо информированы вследствие «любезной» доставки Временным Правительством различных материалов о возникновении Думы и сибирском движении, а посему он считает информацию членов посольства с моей стороны совершенно излишней, предложив мне информировать только его, причем, если возможно, то в общих чертах, так как ему куда-то необходимо (кажется, на дачный поезд) спешить.

Сознавая всю важность момента, переживаемого родиной и Сибирью, и специальную поездку мою из Сибири в Токио, я решил игнорировать все личные мотивы и, спрятав самолюбие в карман, приступил к самой детальной информации его. Умышленно затронув в своем сообщении некоторые стороны, могущие заинтересовать его как сторонника известного политического течения, я приковал его внимание и заставил его выслушать меня до конца. Судя по его репликам, весьма недвусмысленным в отношении оценки Сибирского Правительства без различия его группировок, я убедился, что слухи об его «ориентировке в смысле возврата к старому до-революционному периоду» имеют под собой вполне основательную почву.

Затем я обратился к нему таким же официальным тоном, что я как член Сибирской Думы выражаю желание видеть японского министра иностранных дел бар. Гото и прошу переговорить с ним, когда я мог бы его посетить, чтобы сообщить ему о положении вещей в Сибири. Г. Крупенский в первый момент отказался наотрез говорить с Гото о моем визите. Я тогда заявил, что у меня имеется рекомендательное письмо к Гото от старшины владивостокского консульского корпуса, — японского генерального консула, но я настаиваю умышленно на том, чтобы именно он, российский посол, сообщил Гото о моем желании видеть его, чтобы этим путем демонстрировать пред Японией единство России и тем прекратить нелепые слухи, циркулирующие по Токио, что сибирская автономия означает отделение ее от России. Мое же официальное положение — члена Сибирской Думы, участвовавшего лично в избрании Сибирского Правительства, может способствовать при посещении Гото разъяснению этого неправильного понимания и совершенно не затрагивает его, г. Крупенского, высокое положение посла. Если же он мне в том откажет, то я все-таки у Гото буду, но принужден буду также телеграфировать в Сибирь, что посол отказал мне, россий-

скому гражданину и члену Сибирской Думы, несмотря на предъявленное мною удостоверение личности, в содействии.

Этот мотив, а главное, что я имею рекомендательное письмо от японского генерального консула к Гото, побудило, вероятно, г. Крупенского согласиться.

Ввиду же заявления г. Крупенского, что хотя он и не может признать Сибирского Правительства, но он считает своим долгом поддерживать интересы отдельных сибирских организаций — особенно экономических и «земских», то я счел необходимым вручить ему для ознакомления мое вверительное письмо как уполномоченного «Закупсбыта», предложив ему оказать мне содействие по ознакомлению с работами японской комиссии помощи Сибири, уведомив главу этой комиссии барона Мегата, члена высшей палаты, о моем посещении этой комиссии.

Так как я обратился к нему от имени крупной экономической организации, причем предварительно пришлось прочесть ему лекцию о кооперации и ознакомить его с «Закупсбытом», как положительным явлением и результатом завоеваний российской революции, — то, после некоторых оттягиваний, он согласился и с этим.

Тогда я решил, что тем же путем — настойчивости — необходимо добиться от него и собрания посольских служащих, чтобы ознакомить их с истинным положением в Сибири, так как именно они и являются орудием в руках врагов нового строя.

Корректно, но весьма настойчиво я заявил г. Крупенскому, что, приехав из Сибири в Токио для того, чтобы сообщить русским людям о том, что делается в Сибири, я уверен, что он, российский посол, узнавши сам от меня, — не захочет лишить меня и своих подчиненных побеседовать час—другой о российских и сибирских делах, иначе его впоследствии могут упрекнуть его же подчиненные, что он своевременно скрыл от них мое желание поставить их в известность. Это заявление мое, несомненно, было ему крайне неприятно, что он и не замедлил высказать, тем более что я еще пожелал ознакомить посольство в тот же день, так как полагал, что русские люди должны от меня услышать раньше, чем я о том же буду говорить японцам, ибо на следующий день я имел возможность говорить в кругу некоторых японских политических деятелей. В четыре часа было назначено совещание. Г. Крупенский пригласил на него однако только высших чинов посольства. Беседа носила оживленный характер, причем в ней принимал большое участие и сам посол, стараясь, где только возможно, вставить слово в защиту объявившего себя «диктатором всей России» ген. Хорвата и умалить заслуги армии и организаций Сибирского Правительства. Собрав свои силы и всю выдержку, я старался

поскольку это было возможно, оставаться объективным и не затрагивать самолюбие «инакомыслящих» членов посольства.

Некоторые после совещания, повидимому, искренно благодарили за сообщение.

Закончивши информацию посольства, потратив на это целый день и отпустив на «дачу» посла на заслуженный в течение этого дня отдых, я обещал ему притти на другой день, чтобы расспросить его о некоторых подробностях, связанных с положением нашего дипломатического представительства в Токио и других местах, на что он мне сказал, что очень бы просил меня отложить эту в общем неспешную беседу до следующей недели. Я — сторонник взаимных уступок — и потому выразил свое согласие, вследствие чего мы расстались в «самых лучших отношениях».

Чтобы закончить о российском посольстве, я принужден пренебречь некоторою хронологическою последовательностью и сообщить, что чрез неделю у меня была еще одна продолжительная беседа, из которой я узнал, что он — «российский» посол, а потому может «признать» только Российское правительство и только его приказания будет исполнять; до того же момента, пока в России «люди не столкуются между собою», он никакое местное правительство признавать не будет. Поэтому «Деловой Кабинет» ген. Хорвата как всероссийский и имеет больше, повидимому, шансов на признание союзниками. На мой вопрос, до каких же пор он будет дожидаться «всероссийского правительства» и намерен ли он оказать обещанное им содействие к объединению всей России и какие он к тому видит пути, кроме объединения «местных правительств», намеченного государственно-мыслящими русскими людьми, плана у него не оказалось. Однако из его слов я вывел заключение, что и Хорватовское правительство он признал бы только условно, и отставку — например, свою собственную — от Хорвата не принял бы, до таких пределов его лойяльность даже к Хорвату не простиралась. Впрочем, кроме г. Крупенского, остальные чины, особенно Щекин, к хорватовской затее относятся весьма скептически. Вообще посольство настроено, само того не замечая, определенно анархически. Отсутствие центральной власти совершенно не колеблет их личного благополучия. Так, например, содержание они все получают золотом в английских фунтах, по эквиваленту довоенного времени. Не говоря о высших чинах, даже торговый агент Миллер, кроме различных «наградных», ежемесячно на русские деньги получает до 6 тысяч рублей. В мой первый визит в посольстве повторяли харбинские сказки о враждебности омского правительства к владивостокскому и обратно и полном контакте между Петром Васильевичем Вологодским и ген. Хорватом, на что я отвечал незнанием, но во второй визит

мне уже говорили, что П. В. Вологодский, как социалист, — конечно, ничего общего не может иметь с русским генералом Хорватом. При всем желании избегать разговоров о лицах — посольство и подпевающие ему русские бюрократы и б. придворные только этим и занимаются, стараясь внушить японцам и японской печати самые нелестные о сибиряках мысли. Большое внимание уделяют П. Я. Дерберу. Однако более серьезного в их глазах обвинения его, чем его еврейское происхождение, — придумать не могут.

Ввиду полного игнорирования нашего посла японскими и иностранными кругами, его неосведомленности в общественных настроениях и неавторитетности среди своих подчиненных и среди его же приятелей — российских беженцев, аристократов-бюрократов,— я решил оставить в покое, сохранив с ним «добрые отношения», предоставив ему довольствоваться о моей работе многочисленными сведениями из японской и английской печати, слухами и сообщениями его подчиненных. Если это имеет значение, то должен сообщить, что чрез неделю он завез мне в номера свою карточку, после того, как говорят, когда узнал, что у меня с визитами побывали весьма многие влиятельные люди Японии, некоторые из бюрократов, в чаянии узнать от меня, нельзя ли где-либо устроиться на службе Сибирского Правительства [1]). Но на «положенный по дипломатическому обычаю» завтрак еще приглашения не имею. Таким путем «они хотят меня уязвить», о чем мне неожиданно сообщил один из его близких, вследствие того, что «я этот его тонкий маневр не замечаю». Я ответил, что раньше, чем он у меня на завтраке не будет, я к нему не пойду, и вот теперь они дожидаются моего приглашения. В этом проходит их жизнь, работа, в этом они видят смысл жизни. Я нарочно остановился на мелочах, чтобы дать вам, сибирякам, хоть приблизительную картину того, чем заняты наши заграничные представители.

Необходимо еще упомянуть, что в целях опровержения слухов о том, что Сибирская Дума высказалась будто против православной церкви, усиленно распространяемых нашими врагами, я сделал визит архиерею, начальнику местной русской православной миссии, и получил от него ответный.

За последние дни российское посольство под влиянием событий в Сибири и объединения обеих частей правительства проявляет большое беспокойство и заметную растерянность: начинают ко мне заезжать даже те, которые вообще не желали видеть меня и игнорировали мой к ним визит. Так чрез три недели был у меня военный атташе полк. Подтягин, объяснив промедление с ответом тем, что он, три недели

[1]) Так в подлиннике.

живя в Токио, не был в посольстве и не видал моей карточки. Когда я ему, как член Думы, выразил желание видеть его соединенным с военным министерством Сибирского Правительства, то увидал на его лице искреннее изумление и услышал категорическое заявление, что с ним можно говорить только чрез посла. Куда же он отсылает все до сих пор поступающие от японских поставщиков заказы амуниции? Все отсылает во Владивосток. Кто там принимает, учитывает и пользуется этой амуницией, он не знает. Он обеспечен «остатками» до января месяца. Японцам деньги за поставки они уплатили, сделав у японского правительства «выгодный» заем в 20 000 000 иен, «санкционированный» самим послом г. Крупенским. При нем для ликвидации заказов состоит штат в 7 — 9 человек, кроме штата агентства.

Адмирал Дудоров, морской атташе, является председателем русского клуба в память революции. Клуб этот известен тем, что русские «революционеры и республиканцы» ходят туда для того, чтобы поругать революцию и республику. Ни мне, ни приехавшему от атамана Семенова подполковнику Линкову сообщения сделать не удалось: отказывали под различными предлогами. Помимо этой «почтенной общественной деятельности», которую, к слову сказать, мне ввиду летних каникул наблюдать не удалось, адм. Дудоров, как говорят,— в общем «симпатичный адмирал», о другой работе слышать не пришлось. Торговый агент Миллер — обаятельный человек, с ним имел дело товарищ по «Закупсбыту», помогающий мне вообще в работе здесь, А. В. Байкалов, и говорит, что насчет японской торговли и промышленности и русско-японского товарообмена он «не очень чтобы в курсе», а что касается его влияния среди соответствующих правительственных и коммерческих кругов, то такового совершенно не имеется, равно как и связей, о чем для сведения и сообщено «Закупсбыту». Остальные русские чиновники не дали мне и этого скудного материала.

Впрочем из молодежи, конечно, можно сделать хороших работников, если всей посольской работе придать иной смысл, иное направление.

В общем — чрезвычайно безотрадная, тяжелая картина старого, затхлого, разложившегося бюрократизма, издающего смрадный запах, отталкивающего от себя каждого здорового человека.

Что же касается внешнего вида посольского здания и строений, то все находится в приличном состоянии: на комфорт уходят порядочные деньги из «китайской контрибуции»; но на ответные и справочные телеграммы Сибирскому Правительству у посла, по его заверению, нет ни копейки.

Японские правительственные сферы и политическое положение страны.

Отдавши должную дань российскому посольству, я воспользовался сообщением посла о том, что японский министр ин. дел г. Гото готов принять меня немедленно, и отправился на третий день приезда в Токио в японское министерство ин. дел. Барон меня тотчас же принял. Прием его был довольно сухой. Я ему напомнил мою с ним встречу в Петрограде, вспомнили общих знакомых и общую работу по русско-японскому обществу. Первый лед растаял. Он не выдержал и спросил, какая разница между правительством Хорвата и Сибирским Правительством. Я ему ответил, что я здесь — частное лицо, интересующееся экономическим положением Японии, но как член Думы могу ему подробно рассказать о сибирском движении, если его это интересует, так как истинный друг России, каковым он себя считает, должен знать истинное положение вещей. Он просил меня рассказать. Я нарисовал ему план федеративного устройства России и сибирское движение изобразил, как часть того фундамента, на котором должна быть выстроена новая Россия. Опроверг басни о двух сибирских правительствах. Выразил удовлетворение по поводу японской декларации ему, как ее автору, и оттенил, какого рода помощь необходима Сибири. По всему было видно, что материал дан ему мною совершенно для него новый.

Когда же я сообщил ему о юридической природе власти Сибирского Правительства, то он сам сделал вывод, какая разница между Хорватом и Сибирским Правительством, так как я совершенно отказался говорить о группе Хорвата как о правительстве, сказав ему, что на пути строительства новой России как Сибирскому Правительству, так, быть может, и союзникам придется еще не раз, вероятно, иметь дело с отдельными лицами, провозглашающими себя диктаторами — по различным причинам. Помимо того, я ему, как в дальнейшем многим другим лицам, сказал, что существенная разница еще заключается и в том, что Сибирское Правительство, избранное народом, сохранило с последним прочные связи, а близость к народу, понимание его психологии, настроения и нужд утверждает в Сибирском Правительстве уверенность в свои силы и великое будущее нашей родины; сибиряки надеются на свои силы и желают получить от союзников лишь материальную техническую помощь по воссозданию боевой и экономической мощи, тогда как группа Хорвата, потерявшая связь с народом, изверившаяся в свои и народные силы, видит все спасение страны в иностранном штыке и нагайке. Этот анализ его, повидимому, несколько удивил.

— О чем вы приехали просить? — спросил меня Гото.

— Ни о чем я не уполномочен просить. Я приехал только рассказать вам, что делается в Сибири, полагая, что японские политические деятели сами сделают надлежащие выводы. Могу лишь как член Сибирской Думы совершенно официально заявить вам, как японскому мин. ин. дел, что на всей территории Сибири объявлена власть Сибирского Правительства, избранного Сибирской Думой, и что японским военным властям и консульским представителям надлежит, с нашей русской точки зрения, обращаться к законной власти — Сибирскому Правительству, а потому до официального признания необходимо с ним вступить в деловые сношения и предложить японскому генеральному консулу войти в эти сношения с той группой Сибирского Правительства, которая теперь находится во Владивостоке, а после соединения с омской послать к этому правительству своего официального представителя. Точно так же все сношения по военным делам должны происходить с военным министерством, равным образом финансовая и экономическая помощь населению Сибири должна оказываться при посредстве соответствующих органов Сибирского Правительства.

Гото внимательно выслушал и сказал, что новые обстоятельства имеют и новые последствия. Его не могут заподозрить в симпатиях какой-либо одной русской группе, так как у него было всегда искреннее желание помочь России вообще и что иностранцам весьма трудно разобраться в русских делах, что было бы желательно, конечно, чтобы все группы пришли к соглашению. О моем желании он протелеграфирует своему владивостокскому ген. консулу о моем посещении. Что он хотел этим сказать, я не понял точно, но склонен видеть в этом первый шаг его в новой ориентировке, так как владивостокский консул с японским адмиралом Като, — друзьями Сиб. Правительства — были в одиночестве и немилости Гото и поддерживающей его военной партии. Он просил меня его навещать и не отказать ему в разъяснении некоторых фактов, если к тому встретится надобность. По вопросам экономическим он направил меня к бар. Мегата, к которому я и проехал от него.

Бар. Мегата, известный экономист, член высшей палаты, показался мне сухим бюрократом, но был со мной деловито любезен, вероятно, в соответствии с рекомендацией, полученной от нашего посла, которому я для ориентировки в моем прошлом (чтобы от себя не выдумывать аргументы в защиту моей специальной заинтересованности в японских экономических вопросах) оставил биографическую справку из общедоступного календаря писателей и бесцеремонно просил его ознакомиться с нею, так как раньше с г. Крупенским точек соприкос-

новения не имел. Бар. Мегата заинтересовался сибирской кооперацией. Я удовлетворил его любознательность и предложил свою брошюру для ознакомления. Он велел ее перевести на японский язык, а затем и отпечатал ее на японском языке для рассылки членам комиссии помощи Сибири и членам обеих палат. В брошюре говорится о Сибирском Правительстве и связи кооперации с сибирским областническим движением. Сообщение об оказании сибирской кооперацией материальной помощи Сибирской Думе на экономистов произвело большое впечатление.

Ему я указал на необходимость привлечения к делу оказания помощи Сибири широких экономических кругов и сибирской кооперации. Необходимо также наметить новые пути оказания этой помощи вследствие происшедших в Сибири событий и концентрации капитала в кооперации.

Мегата снабдил меня некоторыми материалами о задачах его комиссии и просил оказать ему содействие по ознакомлению с экономическим положением в Сибири.

В последующие посещения мои вместе с А. В. Байкаловым («Закупсбыт») я получил от него образцы специально выработанного впервые в Японии байхового чая для сибирского рынка. Оба образца я послал в Сибирь — правительству и «Закупсбыту», прося меня уведомить, следует ли продолжать с ним переговоры о покупке и способах уплаты за чай, но до сего времени (три недели) я ответа еще не имею. Мною был ему сделан запрос с просьбою сообщить японскому правительству о распространении в Сибири японских военных бон, вызвавших сильное понижение русского рубля.

Мегата оказывается противником выпуска подобных бон. Такого же мнения придерживается местный русско-японский коммерческий клуб, о чем говорил со мною президиум его.

Лично мое впечатление о работе комиссии сводится к тому, что особенной пользы от нее нельзя ожидать не только русским, но и японцам, о чем уже появились заметки в специальных органах печати; бюро вырезок доставляет мне все статьи и заметки, касающиеся России и Сибири, появляющиеся в японской печати.

Члены комиссии, — правда, люди весьма авторитетные в экономических вопросах, но чрезвычайно занятые текущей работой в различных ведомствах, будут, вероятно, только числиться в составе комиссии. Японские торговые палаты приступили к созданию своей собственной комиссии, которая должна будет создать синдикат.

Мегата продолжает поддерживать со мною деловые сношения и оказывает мне ряд любезностей по ознакомлению с японским коммерческим миром.

Ограничившись на первых порах визитами к этим двум официальным лицам, я приступил к посещению представителей японского политического мира, поскольку он представлен политическими партиями в японском парламенте.

Политическая атмосфера в момент моего прибытия в Токио была весьма сгущенная. Крупные рисовые беспорядки, стачки рудокопов, неудачная политика в Китае, где японскую дипломатию упрекали в одновременном поддержании севера и юга в их междоусобной борьбе, неясность работы той же дипломатии в Сибири — все это создало крайнюю непопулярность нынешнему кабинету ген. Терауци. Поэтому мои визиты к членам правительства, не принося особенной пользы сибирскому делу, ввиду недолговечности кабинета, могли бы повредить мне в общественно-политических кругах. Все партии парламента объединились в атаке против Терауци, точно так же, как и печать.

Я воспользовался моими старыми связями с японскими парламентскими деятелями, рекомендательными письмами адмирала Като, своим собственным положением — члена Сибирской Думы и б. гласного Петроградской городской думы, — чтобы приступить к трудной и ответственной работе по информации японского политического мира о сибирском движении в пользу автономии и объединения России на началах федерации. Мой старый знакомый, у которого 12 лет тому назад я брал уроки японского языка, г. Мори, любимый ученик покойного апостола Японии, архиепископа Николая, за это время превратился в выдающегося оратора и знатока русской истории, читая лекции в различных японских высших учебных заведениях; он согласился с радостью помочь мне в моей агитационной работе, несмотря на то, что мои противники, работавшие в Токио, сманивали его за весьма большое вознаграждение к себе.

Заручившись таким выдающимся знатоком России и убежденным демократом, я смело начал выступать в различных общественных организациях с сообщениями о Сибирском Правительстве и Сиб. Думе.

План своей работы я наметил такой. Сначала необходимо было создать себе группу друзей, хотя бы небольшую, хотя бы в печати и среди парламентских деятелей. Затем расширять круг доброжелателей в различных кругах интеллигенции. Затем перенести работу в политические партии парламента и коммерческие круги. А потом уже итти в гущу своих определенных врагов — военные круги, явно поддерживающих Харбин и старую бюрократию, приютившуюся в Японии.

Печать. Профессор Соеда, редактор самой распространенной в Токио газеты, к которому я имел блестящую рекомендацию от адми-

рала Като, отдал в мое распоряжение страницы своей газеты с первых же дней моего приезда в Токио.

Затем я пригласил к себе журналиста демократической газеты — Маньцио, которая также подняла кампанию с прогрессивной Хоци. Создался интерес к Сибирской Думе и правительству. Токийские и осакские газеты, наперерыв соперничая друг с другом, начали писать о Сибири, атакуя хорватовскую группу японских дипломатов и военных, тем более что связь последних с ген. Терауци и без того их компрометировала в глазах общества. Далее я устроил у себя прием японских журналистов всех крупных и мелких газет, прося их не писать об этом приеме. Затем ко мне обратились японские центральные бюро по собиранию материалов для японской провинциальной печати и японские телеграфные агентства. Тогда я организовал при себе специальное справочное бюро, ежедневно отсылающее в редакцию и агентства материал (переводный) для напечатания. Правда, часть газет, еще не порвавших кое-какие отношения с щедрыми агентами русской бюрократии, не всегда печатали мои заметки, но все же иногда, очевидно, за отсутствием материалов, начали помещать. Долго пришлось возиться с английской в Японии печатью, которая более доступна влиянию агентов бюрократии. Однако и здесь при помощи друзей и особенно А. В. Байкалова, часто переводившего на английский язык материалы о Сибири, был достигнут определенный успех, и в данное время три из пяти газет стоят за сибирскую ориентацию, две других объективны, что также в нашу пользу.

Мои посещения всех без исключения выдающихся лидеров трех парламентских фракций: Сейюкай (центр), Кенсейкай (прогрессисты, стоящие левее первой группировки) и Кокуминто (народной — вначале демократической, но затем выродившейся в народно-националистическую) и представителей некоторых течений высшей палаты «пэров» — закончились тем, что лидеры центра «Сейюкай» в числе 32 человек в честь меня устроили обед, по окончании которого состоялась беседа, в которой они закидали меня вопросами самыми разнообразными, обнаружившими их полную неосведомленность в сибирском вопросе. Мои ответы дали, как они говорят, им новый богатейший материал для борьбы с Терауци, так как эта партия и две других являются противниками японской военной экспедиции в Сибирь в целях борьбы с большевиками, но сторонниками восстановления русско-германского фронта при помощи японских и союзных сил.

Председатель нижней палаты Окка искренне поздравил меня с успехом и заявил, что мои разъяснения его еще более укрепляют в мысли, что реальные интересы народов в области достижения общечеловеческих благ и завоевания свободы — всюду у всех народов одни

и те же, так же как и способы их осуществления. Такое настроение у японских парламентариев — умеренного центра — повидимому, создалось также и вследствие последних рисовых беспорядков, неожиданно обнаруживших большой запас накопившегося электричества среди японских масс, особенно среди фабрично-заводских рабочих и рудокопов, недовольных крайне малым размером заработной платы и раздраженных безумной роскошью многочисленных ныне в Японии миллионеров («нарики», выскочки).

Партия Кенсейкай пригласила меня на заседание в ее клуб, где я и сделал сообщение. Токутоми, их лидер, высказал, что его партия, как оппозиционная, конечно, критически относится к действиям японского правительства и удивляется, почему оно до сих пор еще возится с отдельными группами и не признает в Сибири власти законного Сибирского Правительства. Затем он высказал самые лучшие пожелания и принес благодарность мне за информацию, находя, что она рассеяла туман над сибирским вопросом.

Среди различных сообщений японских общественных собраний, огромном железнодорожном собрании и др. [sic!] следует отметить чествование меня и члена Чехо-Словацкого Национального Комитета д-ра Шпачека, проезжавшего в это время чрез Японию в Америку, с которым мне пришлось много поработать во Владивостоке, когда я временно нес обязанности управляющего ведомством иностранных дел Сибирского Правительства — в большом собрании, самом популярном в Токио (в честь японского национального философа Фукудзава). Банкет состоялся под председательством члена верховной палаты известного ученого профессора и ректора университета д-ра Комада (знакомого мне раньше). Комада в своей речи пред огромным собранием выдающихся представителей японского общества произнес блестящую речь, явившуюся по существу повторением моих доводов о федеративном устройстве великой России и Сибири, как ее автономной части, так как он присутствовал на нескольких моих сообщениях. Речь имела колоссальный интерес, и ею два дня занималась японская печать. Чествование меня одновременно с д-ром Шпачеком имело большой внутренний смысл для японцев, символизирующее полное единство чехо-словаков и сибиряков, так как агенты бюрократии до сего времени стараются внушить мысль японцам, что сибиряки не принимали никакого участия в свержении большевиков в Сибири. Моя речь, блестяще переданная моим переводчиком Мори, была встречена с энтузиазмом присутствовавшими и была напечатана в газетах.

Ввиду такого отношения ко мне со стороны японского политического мира, я принужден был сделать, несмотря на крайне скудные средства, имевшиеся в моем распоряжении, устроить [sic!] ряд приемов,

которые хотя и не могут претендовать на блеск и роскошь, но, будучи мною устроены в лучшем ресторане Токио (императорский отель, где я занимаю скромный номер), имели по отзывам японцев и некоторых русских весьма импозантный, но в то же самое время задушевный характер. На приеме у меня были многие из бывших и будущих министров, причем, когда вы получите это письмо, некоторые из них уже будут во главе японского правительства, так как смена кабинета произойдет в конце сентября, и портфели уже расписываются.

Посещение ген. Терауци и ген. Осима.

Создавши благожелательную атмосферу и заставив японский политический мир говорить о Сибирском Правительстве, я посетил лидера японских националистов Инукай и, против ожидания, встретил теплый прием, несмотря на то, что его часто посещают агенты бюрократии. Он слегка даже упрекнул меня, почему я у него не был раньше и заставил его питаться исключительно односторонними сведениями, в которых, как старый политический деятель, не видел лица русского народа. Он просил дать рекомендательные письма некоторым присутствовавшим во время моей беседы с ним его партийным товарищам-депутатам парламента, отправляющимся в Сибирь посмотреть, что там делается. Он искренно удивлен, что Сибирское Правительство располагает такой большой армией, тогда как ему говорили, что без японских солдат порядка в Сибири не навести. После него я решил посетить военного министра Осима. Он назначил мне прием в 7 часов утра; я был точен, но он, повидимому, проспал, и его адъютанты заявили, что у него болит живот, а потому он принять меня не может. Не желая терять время и помня, что я приехал информировать японцев, я спросил, кто бы из его подчиненных мог передать ему мое сообщение о Сибири. Помялись, помялись, пригласили каких-то генералов и полковников и главного друга агентов русской бюрократии полк. ген. штаба Идзумэ в качестве переводчика, не допустив к беседе моего Мори, слывущего среди военных за специалиста. Я им подробно изложил о положении в Сибири. Сначала они откровенно посмеивались, а затем смеяться перестали, когда я заговорил о могучей силе сопротивления русского народа, подкрепив данными из русской истории и всемирной о подвигах сибирского казачества и о том, что Сибирь не знает ни внутреннего, ни внешнего рабства, и население воспитано веками в духе свободы, что новая Россия будет еще более сильна, чем была раньше, так как механический узел самодержавия заменится тесной связью между народами и областями России, основанной на взаимных реальных интересах и общей культуре, что Сибирское Пра-

вительство, как избранное народом, чувствует в себе силу и уверено в силе народа и что оно создаст сильную армию, которая, быть может, еще не раз будет сражаться рука об руку с дружеской армией японского народа. Военные задавали мне ряд вопросов и на прощание просили все же не отказываться от свидания с военным министром, когда он выздоровеет. Не успел я доехать до гостиницы, как меня уже ждало уведомление, что военный министр извиняется и очень просит меня быть у него на следующее утро уже в 8 часов. Конечно, я у него был, подробно ознакомил в присутствии еще каких-то новых генералов. Слушали с исключительным вниманием, как нечто для них неожиданно новое. Закончил я предложением японскому военному министерству и командному составу японских войск в Сибири войти в немедленное сношение с военным министром Сибирского Правительства. Японцы были весьма удивлены, что атаман Семенов встречает поддержку в Сибирском Правительстве и, являясь демократом по убеждениям и многочисленным своим декларациям к населению, конечно, также не может не поддерживать Сибирского Правительства, с которым у него нет существенных разногласий.

Военный министр Осима обещал серьезно обсудить вопрос об отношении к Сибирскому Правительству, причем откровенно заявил, что он не знал, что имеется военный министр Сибирского Правительства; я ему подтвердил это официально, как член Сибирской Думы, участвовавший в выборах этого лица в январе в Томске.

В тот же день меня принял премьер-министр гр. Терауци. Японцы — мои политические друзья, хотя и посмеивались надо мною, но все же придавали моей беседе — особенно моему смелому тону сообщений, — с ним большое значение. Несмотря на нападки, они все же, повидимому, побаиваются и преклоняются перед Терауци как выразителем военной партии Японии.

Несмотря на свою сухость обращения, столь присущую ему вообще, я нашел его весьма любезным и любознательным, так как он начал сам меня расспрашивать, будучи, повидимому, в курсе дела. Вопросы ставил решительно прямо и получил от меня не менее прямолинейные ответы. Удовлетворивши свою любознательность, он просил меня рассказать о причине моего приезда в Японию. Я сказал ему, что моя цель осведомить Японию о сибирском вопросе с точки зрения самих сибиряков, в надежде, что японские правящие сферы сделают надлежащие выводы. Я ответил, что у меня, как у члена Сибирской Думы, нет просьб к японскому правительству и я не уполномочен официально говорить о нуждах Сибири. Я рассказал ему, что волнует русских людей в Сибири, и он, как опытный государственный деятель, так много поработавший над созданием дружеских отношений между

Россией и Японией (он — председатель русско-японского общества), прекрасно понимающий психологию русского народа, вероятно, направит политику японского правительства в то русло, которое смогло бы закрепить существующие ныне дружеские отношения между обоими великими народами. Однако как востоковед, я все же к нему, как председателю русско-японского общества, обращаюсь с одной просьбой. Изучая Японию в течение 15 лет, я не имел случая до сего времени представиться главному вдохновителю воинской силы Японии — фельдмаршалу Ямагата (фактическому правителю Японии). Эта просьба была для него столь же неожиданна, сколь странна, так как к Ямагате труднее проникнуть, чем к нынешнему императору, тем более, что Ямагата европейцев за последнее время совершенно не принимает, но продолжает вдохновлять вершителей судеб Японии.

Он спросил меня, для чего мне желательно видеть этого 90-летнего старца. Я ответил, что, по моим сведениям, кн. Ямагата еще не потерял влияния в политической жизни Японии и что граф — его верный ученик, так же как и те, которые в будущем встанут во главе японского правительства. Терауци рассмеялся и, пожимая руку, сказал мне, что мои расчеты самые верные: мы сменяемся, а Ямагата всегда остается. Терауци обещал мне представить меня Ямагате, как только он приедет в Японию, причем он будет здесь тогда, когда будет происходить смена кабинета. Поговоривши еще несколько на тему о русско-японском обществе, он просил не забывать его (когда он сможет больше времени уделять русско-японскому обществу), если я буду в Токио.

На этом мы расстались. Впечатление у меня от беседы с ним получилось такое, что, если бы раньше ему месяца на два дать верные сведения о Сибирском Правительстве, то Япония была бы одной из первых, признавших это правительство. Теперь же он, повидимому, больше занят одним вопросом, как с большим достоинством уйти с премьерского поста, дабы легче было впоследствии на него возвратиться.

Закончивши посещением гр. Терауци цикл моих бесед с представителями японского политического мира, я решил на всякий случай повидаться с моим старым знакомым гр. Терасима, который был в Петрограде во главе делегации японской верхней палаты незадолго до революции и которого я в качестве гласного Петроградской городской думы принимал на рауте в городской думе. Ныне гр. Терасима является обер-церемониймейстером двора японского императора. Написал письмо, а на другой день гр. Терасима прилетел уже ко мне, как старому знакомому. Он ориентировал меня в течениях среди придворной аристократии, имеющей, как еще недавно у нас в России, сильное влияние на направление японской политики. Между прочим,

как курьез, отмечу, что когда у меня на обеде в гостинице увидели гр. Терасима чины посольства, то были чрезвычайно удивлены этим, и наблюдавший за обедом их изумленные лица А. В. Байкалов немало смеялся над сбитыми, по его мнению, в конец нашими посольскими дипломатами. Повидимому, японская аристократия гораздо тоньше нашей и лучше понимает знамения времени, а может быть, ее научили кое-чему события в России, и недавние рисовые беспорядки служат предостережением. Во всяком случае, гр. Терасима в полном расположении к Сибирскому Правительству и готов сделать для него все зависящее, если бы к тому встретилась надобность у Сибирского Правительства.

Заканчивая свое сообщение, не могу не сказать об одной тяжести на моей душе. Я за все время не имел возможности видеться с представителями подлинной трудящейся Японии, несмотря на то, что среди них у меня есть много добрых друзей еще по предыдущим приездам моим в Японию, которые в свое время помогли мне написать мою книгу «Рабочий вопрос в Японии». При создавшихся условиях и подозрительности японской жандармерии, «охраняющей» меня весьма бдительно «от могущих быть неприятностей для меня от большевиков-эмигрантов», видеться с представителями японской демократии прямо невозможно без ущерба для нашего русского сибирского дела, и я решил с ними пока не встречаться.

Это сообщение передаст А. И. Линков (от атамана Семенова), находящийся здесь в Токио и привезший мне привет от А. А. Краковецкого. Линкову я устроил ряд интервью с журналистами, в котором он сделал интересные сообщения о полном контакте храброго и честного демократа атамана Семенова с Сибирским Правительством, чем окончательно бил карты агентов бюрократии.

Прочитав это письмо, я заметил, что пропустил целый ряд в высшей степени важных фактов, что объясняется спешностью составления его ввиду отъезда г. Линкова в Сибирь и желанием отправить с ним эту весточку, так как японской почте доверять невозможно.

Так пропущена весьма важная беседа с маркизом Окума, вдохновителем японских прогрессистов, в которой он с исчерпывающей полнотой высказался в пользу признания Сибирского Правительства, обнаружив искреннее, повидимому, желание видеть Россию построенной на строго демократических основах. Маркиз Окума (бывший премьер либерального кабинета) просил передать привет Сибирскому Правительству и Сибирской Думе и его уверенность, что Россия и Сибирь будут в самом близком будущем представляться миру в полном блеске и величии своей огромной духовной силы и военной мощи.

Не упомянуто мною об интересной и важной по своим результатам беседе с проф. Кувата (член высшей палаты), знатоком японского рабочего вопроса, демократом по убеждениям и происхождению, проф. Нарусэ (ректором женского университета), популярнейшим борцом за женские права (чрезвычайно модный и основной вопрос, дебатирующийся в японском обществе), проф. Комада,—ректор университета, (член высшей палаты), выдающийся японский экономист и социолог, проф. Горай — наперсник маркиза Окума и редактор журнала Весседасского университета, который просил меня писать в этом журнале, весьма влиятельном среди японской интеллигенции, — с финансовым «талантом» Японии, г. Вакацуки, бывшим и будущим министром финансов, председателем японской нижней палаты Окка, председателем «Сейюкай» г. Хара, вероятным заместителем премьера Терауци, директором государственного банка и очень многими другими учеными, общественными, политическими и коммерческими деятелями Японии, которые были у меня после посещения их. Не могу также не отметить, что после приема у меня лидеров партии «Сейюкай» 12 сентября председатель нижней палаты Окка пригласил меня на частное совещание членов парламента — без различия партий, — устраиваемое им для ознакомления с сибирским вопросом — в здании парламента, и просил меня назначить день, удобный для меня и присутствовавшего на приеме А. В. Байкалова. В виду поездки моей на выставку в г. Сапоро в целях сообщения японскому коммерческому миру об экономическом положении в Сибири и наилучшей организации экономической помощи ей со стороны Японии, я просил назначить 20 сентября, когда и должно состояться это историческое совещание. Очень было бы желательно получить какую-либо к этому дню весточку от Сибирской Думы, чтобы я мог ее передать членам японского парламента.

В целях подробной информации мною издана брошюра на японском языке об истории и настоящем положении сибирского вопроса в связи с работой Думы и Правительства Автономной Сибири, бесплатно розданная влиятельным людям Японии, пересланная в количестве 50 экземпляров в Сибирь.

Пока таковы результаты мой работы за три недели моего пребывания в Токио. Более подробно вам расскажет А. И. Линков, который дважды присутствовал на приемах выдающихся людей Японии и слышал их подлинное мнение о России и Сибири и который везет сибирякам и атаману Семенову привет от председателя японского парламента, переданный в торжественной обстановке при общем одобрении 18 присутствовавших в этот момент у меня на обеде членов японской нижней и верхней палат.

К сожалению, полное отсутствие сведений от вас и усиленное распространение явно неверных сведений о Сибирском Правительстве и Думе агентами старой бюрократии несколько нервируют меня в настоящее время, а в случае дальнейшего неполучения от вас известий — побудят меня прекратить мою работу в то время, как наши противники будут развивать свою деятельность.

Аркадий Петров.

Телеграмма б. русского посла в Вашингтоне Бахметьева Временному Правительству Автономной Сибири.

14 августа 1918 г.

Я получил вашу телеграмму. Мне также было адресовано послание буржуазной группы, на которое я ответил следующим образом, согласно нашим принципиальным взглядам: «Побуждаемое живой симпатией ко всякой попытке к созданию антигерманского движения, посольство принуждено сохранить строго нейтральное отношение, несмотря на свое благосклонное отношение ко всем организациям, появляющимся в России и которые выявляли бы свои национальные стремления. Действия союзников, которые считаются нами, как очень благородные и в высшей степени умные, обусловлены абсолютным невмешательством во внутренние дела страны и не дадут повода к беспорядкам и распрям в этих местностях. Вследствие ясно выраженного желания союзников сохранить нейтральное отношение для того, чтобы дать русским возможность объединиться свободно, не может быть и речи о прямой поддержке той или другой группы. Движимые чувством уважения к народной воле, было бы желательно [sic!], чтобы это объединение произошло без всякого давления. В виду того, что процесс свободной организации выработается в формировании местных органов власти, признаваемых и поддерживаемых населением, понятно, что серьезная поддержка будет оказана тем организациям, которые будут обладать фактически полно[то]й власти, в местностях, на которые их власть может распространяться.» Ответ в подобном же духе будет дан посольством всякой местной группе, которая бы обратилась к нам. Будучи уверенным в благодетельном влиянии действий союзников, я считаю нужным в особенности подчеркнуть, что в этот момент в зависимости от самой России, от ее людей и от национальных сил находится успех предприятия союзников, направленный к освобождению родины. Я высказываю мои горячие пожелания для объединения, которое должно было бы произойти как можно скорее, чтобы избегнуть всякие серьезные затруднения, которые смогли бы затруднить или замедлить возрождение нашего отечества.

Русский посол Бахметьев.

II.

Сообщение Временного Правительства Автономной Сибири консульскому корпусу о приказе чехо-словацкого штаба о желательности «координации действий»[1].

Старшине консульского корпуса.

Относясь с полным доверием к заявлению представителей союзных держав и братьев чехо-словаков о полном невмешательстве союзников в наши внутренние дела, Временное Правительство Автономной Сибири в письме от 29 сего июня имело честь известить вас о переходе к нему всей полноты власти на территории Сибири, освобожденной от большевизма, в том числе и во Владивостоке.

Между тем сегодня 30 июня к временному командующему войсками Сибирского Правительства полк. Толстому был доставлен приказ от штаба чехо-словацкого отряда, при сем препровождаемый.

Означенный приказ, в случае его опубликования, может быть понят населением, как акт вмешательства чехо-словаков, действующих от имени союзников, в наши внутренние дела, что может иметь нежелательные последствия.

Сибирское Правительство объясняет издание этого приказа недоразумением, столь понятным во время спешной работы в первый период переворота, и просит вас не отказать в любезности передать соответствующим лицам и учреждениям, подчиненным представителям союзных держав, в том числе и штабу чехо-словацкого отряда, о желательности координации действий на территории Сибири с соответствующими ведомствами Временного Сибирского Правительства, список фамилий руководителей коих при сем прилагается.

О последующем Сибирское Правительство имеет честь просить уведомить.

Председатель совета министров [2].
Вр. исп. об. министра ин. дел.
Упр. ведомством ин. дел.

Приказ штаба чехо-словацкого отряда [3].

1. Выезд из города Владивостока может быть разрешен только чехо-словаками.

---

[1]) Написано на бланке со штампом: «Временное Правительство Автономной Сибири.— 30 июня 1918 г. № 1».

[2]) В подлиннике, который представляет собой отпуск письма, подписи отсутствуют.

[3]) В подлиннике наверху штамп: «М. И. Д. Вход. № 4, 7 июня 1918 г.» Внизу сбоку приписано карандашом: «Отмененный приказ ген. Дитерихса 7/VII — 18 г. В. Ф.»

2. Спокойствие в городе будут поддерживать чехо-словаки.

3. Не подчиняющиеся действиям и распоряжениям чехо-словаков будут арестованы.

4. За враждебные действия со стороны кого-либо виновный будет подвергнут наказанию вплоть до расстрела.

5. На улице митинги запрещены, могут производиться только в помещениях.

6. Контр-разведка продолжает свои функции, но не имеет права производить арестов; аресты лиц, в чем-либо замеченных, будут производиться только по ордерам коменданта чехо-словаков.

7. Русская охрана может существовать, но только не вооруженная.

8. Транзитные грузы будут выдаваться, только когда уже будет сформировано окончательно правительство (анти-немецкое).

9. Без разрешения чехо-словаков не арестовывать и не давать ордеров на получение чего-либо со складов.

Сообщение адмирала Като о разоружении судов Сибирской флотилии.

2 июля 1918 г.

Владивостокскому городскому голове.

В результате обстоятельств, подробно объясненных вам командующим чехо-словацкими войсками во Владивостоке, последним было решено в стратегических целях разоружить все население Владивостока. Для выполнения сего решения оказалось необходимым разоружить следующие корабли из состава Сибирской флотилии: «Лейтенант Малеев», «Твердый», «Бравый», «Точный», транспорт «Якут».

Эта операция была выполнена по соглашению с командующим и по просьбе экипажей названных судов отряженными для сего адмиралом специальной японской эскадры во Владивостоке силами, на условиях, заключенных между предста ителями судовых команд и сказанным адмиралом, а равно старшим британским морским офицером и консулами следующих союзных держав: Японии, Франции и Великобритании. Копия сего соглашения при сем для вашего сведения прилагается.

Морские офицеры, принимавшие участие, а равно консулы союзных держав, выражают надежду, что вы, г-н городской голова, как законно существующая власть во Владивостоке, одобрите те условия, на коих было произведено разоружение, как изложено в прилагаемой заметке, и скрепите таковые своею подписью.

Адмирал Като.

Ответ владивостокского городского головы адмиралу Като.

Отпуск.

Его превосходительству командующему специальной эскадрой контр-адмиралу Като.

Получив ваше [1]) уведомление о принятых командующим чехословацких войск мерах чисто военного характера с просьбой одобрить условия, на которых состоялось разоружение русских судов во владивостокском порте, я, как глава городского общественного самоуправления [2]), счел себя обязанным [3]) передать это письмо [4]) Временному Правительству Автономной Сибири, которое и [5]) является единственно компетентным [6]) в разрешении затронутого в письме вопроса по существу.

«Условия» разоружения судов Сибирской флотилии.

Союзники, чехо-словаки и [7]) местная администрация гарантируют свободу и жизнь каждому, представленному в списках флотилии, конечно, если не будет со стороны таковых выступлений, враждебных по отношению к вышесказанным представителям [7]) местной администрации, союзников и чехо-словаков; а также гарантируют свободный выезд из Владивостока вообще или за границу каждому лицу.

Кроме того обещают настаивать на осуществлении следующих пунктов: 1) обеспечение выхода «Якута» на охрану котиковых промыслов, 2) использование другого судна с целью перевозки той части команды миноносцев, которая пожелает покинуть Владивосток.

R. M. Hodgson, H. B. M. Consul.

C. R. Payne Captain R. N. H. M. S. Suffolk.

Rear Admiral H. Kato I. J. N.

C. Kikutsi.

B. Andrè Consul de France.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «уважаемое».
[2]) Первоначально: «счит[ая]».
[3]) Далее зачеркнуто: «довести содержание».
[4]) Далее зачеркнуто: «до сведения Врем. Сиб. Пр.»
[5]) Далее зачеркнуто: «Считаю».
[6]) Первоначально: «не».
[7]) Далее зачеркнуто: «новое правительство».

Журналы заседаний совета министерства иностранных дел Временного Правительства Автономной Сибири.

1. Журнал № 4-й. 23 июля 1918 г.[1])

Присутствовали: под председательством управляющего министерством П. Я. Дербера, советники министерства: Н. И. Дмитраш, А. В. Гребенщиков и Д. Ф. Оржешко. Секретарь В. А. Федоров.

Слушали:

А. 1) Вопрос о фактическом осуществлении земской и городской управами функций внешней политики.

Управляющий министерством иностранных дел П. Я. Дербер указал на то, что планомерная работа министерства иностранных дел не может иметь места до тех пор, пока консульский корпус будет пользоваться лишь информационным материалом, даваемым самостоятельно городским самоуправлением и областным земством, без предварительного согласия на то Сибирского Правительства. Это печальное явление особенно усугубляется тем обстоятельством, что городское самоуправление и земство информируются консулами в первую очередь, и тем самым консульский корпус подчеркивает превалирующее значение сведений, полученных от самоуправлений над сведениями от министерства иностранных дел Временного Правительства.

Принимая во внимание, что и городские и земские само-

Постановили:

1) Исходя из того положения, что на совместном заседании членов Временного Правительства Автономной Сибири, земств, городского самоуправления и представителей политических партий признано, что всю полноту власти во внешних отношениях с иностранными державами осуществляет Временное Правительство Автономной Сибири, предложить земству и городу к неуклонному исполнению следующие мероприятия:

а) Все сведения, которые поступают из консульского корпуса, иностранных консульств и отдельных иностранных представителей, сообщать в экстренном порядке министерству иностранных дел.

б) Не давать самостоятельных ответов консульскому корпусу, консульствам и отдельным представителям, указывая вышеупомянутым учреждениям и лицам, что земство — лишь звено, соединяющее представителей иностранных держав и Временное Правительство Автономной Сибири и что самостоятельных ответов, без соответствующих указаний мини-

[1]) На подлиннике имеется в левом углу надпись: «Утверждаю. Июля 28 года 18. П. Дербер».

управления признали властьВременного Правительства, казалось бы, что указанное выше ненормальное явление не должно иметь места; между тем приходится констатировать тот факт, что и земское и городское самоуправления до сих пор в своих действиях не следуют тем выводам, которые логически неизбежно вытекают из факта признания ими власти Временного Правительства, и тем самым утверждают консулов во мнении, что их, консулов, образ действий правилен. — Такой образ действий самоуправлений, подрывая престиж Временного Правительства, крайне тормозит укрепление и углубление власти его.

2) Далее управляющий министерством указал, что необходимо предпринять ряд энергичных шагов по отношению к иностранным консулам для достижения непосредственных сношений между этими консульствами и Временным Правительством Автономной Сибири, причем в интересах осуществления вышеуказанной цели дать соответствующее указание земству и городу с тем, чтобы впредь при попытках местных консульств сноситься по общегосударственным вопросам непосредственно с указанными учреждениями, последние указали бы, что они не стерства иностранных дел — давать не может.

в) Распоряжения и указания министерства иностранных дел критике не подлежат и являются для областного земства обязательными.

г) Земства обязаны заранее уведомлять о предполагаемых посещениях консульств и о посещении ими последних, чтобы министерство иностранных дел имело возможность в том и другом случаях посылать своих представителей.

д) Помимо вышеуказанного постановили приглашать в Правительство Автономной Сибири возможно чаще городского голову и председателя земской управы, с целью держать их в курсе дела, той линии поведения, которая установлена по вышеуказанному вопросу Временным Правительством Автономной Сибири.

По пунктам А—1 и 2 сделать соответствующее указание в письменной форме председателю земской управы и городскому голове.

уполномочены Временным Правительством Автономной Сибири вступать в непосредственные и самостоятельные сношения с местными консульствами.

3) Далее был поднят вопрос о возложении ведения ответственных официальных и полуофициальных деловых сношений с консульским корпусом, консулами и отдельными представителями на одного из советников министерства иностранных дел.

3) Предложить советнику министерства иностранных дел Доминику Флорентиновичу Оржешко быть представителем по ведению деловых сношений с указанными в отделе А, п. 3 учреждениями и лицами.

Б. Советник Н. И. Дмитраш указал на необходимость возможно тщательной и систематической информации американского консульства. Далее было указано на необходимость особенно муссировать в консульстве мысль о посылке войск на Запад, в целях создания сибирского фронта, причем необходимо обратить внимание консула на чрезвычайно важное экономическое и торговое значение деятельности в Сибири американского капитала и достигшей высокой степени совершенства американской техники. Советником А. В. Гребенщиковым было указано на необходимость также возбудить вопрос о желательности интенсивной деятельности со стороны американской железнодорожной миссии в деле воссоздания разрушенного сибирского пути и расстроенного транспорта.

Поручить информацию советнику Д. Ф. Оржешко.

Поручить переговоры по этому вопросу советнику Д. Ф. Оржешко.

В. 1) Мнение А. Н. Петрова о необходимости создания при министерстве иностранных дел информационного и телеграфного

Секретарю министерства иностранных дел составить смету по организации информационного отдела.

отделов, что является чрезвычайно важным, учитывая серьезность текущего момента и организационный характер деятельности Временного Правительства Автономной Сибири и недавность возникновения таковой во Владивостоке. — Принимая во внимание все вышеуказанные причины, министерство иностранных дел, по мнению докладчика, не должно стесняться в средствах, необходимых для того, чтобы поставить деятельность вышеупомянутых отделов на должную и соответственную высоту.

Поручить доктору Гейману периодически устраивать собрания представителей прессы, на каковых вручать готовый информационный материал.

2) Далее было указано на необходимость периодически устраивать собрания сотрудников газет и журналов, на каковых вручать им готовый информационный материал.

3) Далее А. Н. Петровым сделано предложение об установлении тесного контакта с Чехо-Словацким Национальным Советом, для каковой цели желательно выяснить возможность вхождения д-ра Гирса в совет министерства иностранных дел.

3) Принять и для выяснения возможности участия в работе Сибирского Правительства д-ра Гирса просить советника Д. Ф. Оржешко войти с д-ром Гирса в соответствующие переговоры.

4) Управляющий министерством иностранных дел внес предложение о спешном командировании А. Н. Петрова в Токио в качестве дипломатического представителя Временного Правительства Автономной Сибири.

4) Признать желательным, чтобы управляющий министерством вошел в совет министров с соответствующим представлением.

5) Зачитана телеграмма из Омска от 19 июля с. г., переданная российским консулом в Чугучаке; зачитано также продолжение этой телеграммы.

5) Принять к сведению, перевести на иностранные языки, передать тексты в печать, составить ответ.

6) Указание управляющего министерством иностранных дел на то, что, в виду предполагаемых командировок А. Н. Петрова в Токио и советника министерства иностранных дел А. В. Гребенщикова — в Пекин, штат советников министерства будет ослаблен, что вызывает необходимость усиления его.

6) Советнику министерства иностранных дел Н. И. Дмитраш войти в переговоры с Н. А. Преображенским по вопросу о приглашении последнего в качестве советника министерства иностранных дел.

7) Управляющим министерством иностранных дел предложено зачитать ноту к иностранным державам, составленную советником министерства иностранных дел Н. И. Дмитраш.

7) В зачитанной ноте все основные мысли признать вполне приемлемыми. Сделать лишь соответствующие изменения, согласно указаниям и пожеланиям, выраженным на заседании министерства иностранных дел.

Советники: Н. Дмитраш, А. Гребенщиков, Д. Оржешко.

Секретарь: В. Федоров.

2. Журнал № 5-й. 27 июля 1918 г. [1]).

Присутствовали: под председательством управляющего министерством П. Я. Дербера и помощника управляющего А. Н. Петрова, советники: Н. И. Дмитраш, А. В. Гребенщиков, Д. Ф. Оржешко и секретарь В. А. Федоров.

Слушали:

1) Проект условий, на основании коих возможно признать действия союзных держав на территории Сибири соответствующими международному положению России, составленный советником Н. И. Дмитраш, для установления нормальных отношений между союзниками и Сибирским Правительством.

Постановили:

1) Проект принять с дополнением пункта 4-го, а именно: «назначение какового уполномоченного подтверждается соответствующими земскими организациями».

---

[1]) На подлиннике имеется в левом углу надпись: «Утверждаю. Июля 29 года 18. П. Дербер».

2) Сообщение советника Д. Ф. Оржешко об обсуждении 26 июля с. г. на заседании местного консульского корпуса вопроса о снятии эмбарго. На упомянутом заседании консульского корпуса присутствовали представители Временного Сибирского Правительства, советник министерства иностранных дел Д. Ф. Оржешко, уполномоченный Московского Продовольственного Комитета Шнееров и председатель Приморской областной продовольственной управы Соловьев. Был сделан подробный доклад консульскому корпусу об открытии границ и отмечено, что фактически позиция, занятая ген. Хорватом, мешает осуществлению снятия эмбарго. Консульский корпус постановил по вопросу о снятии эмбарго поддержать перед своими правительствами вышеупомянутое ходатайство.

2) Предложить советнику Д. Ф. Оржешко продолжать по этому вопросу сношение с консульским корпусом и г-ном Денлопом.

3) Далее советник министерства иностранных дел Д. Ф. Оржешко доложил, что по вопросу о создании особого органа для оказания помощи чехо-словакам на предмет снабжения их продовольствием, консульский корпус предложил нашему ведомству снабжения выработать проект, который и будет рассмотрен ими.

3) Просить министерство снабжения выработать соответствующий проект.

4) Доклад управляющего канцелярией министерства иностранных дел В. А. Федорова, который по поручению управляющего министерством посетил Национальный Совет, где обсуждались следующие вопросы:

4) Вопрос о создании условий для нормальной и плодотворной деятельности Временного Правительства Автономной Сибири возбудить в местном консульском корпусе, указав на желательность обращения консульского корпуса к

А. Членам Чехо-Словацкого Национального Совета было указано, что нормальная и планомерная работа Временного Правительства Автономной Сибири нарушается присутствием во Владивостоке правительства Хорвата и возникновением особой организации, поставившей себе целью устранение от деятельности отдельных членов Временного Правительства Автономной Сибири, причем в их планы входят и террористические акты.

Члены Чехо-Словацкого Национального Совета д-р Гирса и д-р Шпачек заверили, что пока высшее командование находится в руках чехо-словаков, никакие выступления и враждебные акты по отношению к Временному Правительству Автономной Сибири, допущены не будут.

Б. Далее управляющим канцелярией был поднят вопрос в связи с имеющимся особым приказом начальнику чехо-словацкого гарнизона о недопущении никаких эксцессов по отношению к Временному Правительству Автономной Сибири и в связи с отъездом чехо-словаков из Владивостока, — какие меры будут предприняты чехо-словаками в смысле недопущения эксцессов по отношению к Временному Правительству Автономной Сибири со стороны вооруженных сил Хорвата и элементов, сочувствующих последнему. — Члены Чехо-Словацкого Национального начальнику местного гарнизона по вопросу о необходимости издания распоряжения, аналогичного изданному в свое время чехословаками.

Выполнение вышеупомянутого поручить советнику министерства иностранных дел Д. Ф. Оржешко.

го Совета заверили, что при передаче высшего командования тем или иным военным организациям союзных держав, чехо-словаки укажут последним на существование вышеупомянутого приказа и выразят пожелание о дальнейшем руководствовании им.

В заключение члены Чехо-Словацкого Национального Совета заявили, что после передачи высшего командования местным гарнизоном майору Денлоп, всякую ответственность за могущие возникнуть по отношению к Временному Правительству Автономной Сибири активные враждебные действия чехословаки с себя слагают.

5) Вопрос, поднятый А. Н. Петровым о необходимости точного установления сметы для командируемых представителей Временного Правительства Автономной Сибири за границу, причем прч составлении таковой, по мнению докладчика, необходимо исходить из положения о состоянии курса русского рубля.

5) Просить А. Н. Петрова составить проект такой сметы.

А. Н. Петров заявил о необходимости точно установить его должностное положение, которое соответствовало бы званию его, как члена Сибирской Областной Думы.

Именовать А. Н. Петрова членом Сибирской Областной Думы и дипломатическим представителем Временного Правительства Автономной Сибири, аккредитованным при императорском японском правительстве.

6) Предложение советника А. В. Гребенщикова об установлении точного разграничения сферы деятельности между ним и членом Сибирской Областной Думы В. Т. Тибер-Петровым,

6) Считать, что А. В. Гребенщиков назначается дипломатическим представителем Временного Правительства Автономной Сибири в Пекине; члену Сибирской Думы В. Т. Тибер-Петрову, ввиду чрез-

ввиду командирования их одновременно в Пекин.

7) Отношение управляющего отделом путей сообщения от 29 июля с. г. за № 4 и от 26 июля за № 3 по поводу переговоров с майором английской службы г. Денлоп о передаче правительству железнодорожных материалов, заказанных Российским Правительством в 1916 году.

вычайной важности правильной информации китайского правительства и Временного Правительства Автономной Сибири, предложить возглавлять отдел информации.

7) Советнику Оржешко предлагается войти в переговоры с майором Денлопом для выяснения вопроса в деталях.

Советники: Н. Дмитраш, А. Гребенщиков, Д. Оржешко.

Секретарь: В. Федоров.

Приложение к журналу № 5, пункту I.

Условия, на каких возможно признание действий союзных держав на территории Сибири соответствующими международному положению России:

1. Немедленное отозвание представителей союзных держав при Деловом Кабинете так называемого правителя всей России г.-л. Хорвата.

2. Принятие всех мер к тому, чтобы иностранные подданные, принимающие участие в вооруженных отрядах на полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, были немедленно разоружены и отправлены в пределы своей отечественной территории.

3. Союзные державы предварительно каким бы то ни было выступлениям своим на территории Сибири должны декларировать свое решение, соблюдать территориальный суверенитет России, а также в связи с своими намерениями по борьбе с австро-германской коалицией декларировать пределы и форму предполагаемых союзниками действий в пределах Дальнего Востока и вообще территории Сибири.

4. Для предварительных сношений союзных держав с Сибирским Правительством создается посредствующий орган в лице особоуполномоченного Сибирского Правительства, назначение какового уполномоченного подтверждается соответствующими земскими организациями.

5. По воспоследовании принципиального решения союзников о своем выступлении на территории Сибири должно состояться предварительно осуществления этого решения соглашение их с уполномоченными Сибирского Правительства по всем связанным с указанным выступлением вопросам, как-то: военным, железнодорожным, продовольственным и проч.

6. Действия союзников по фактическому осуществлению ими своих стратегических задач на территории Сибири должны быть предпринимаемы не иначе, как путем образования общего союзнического штаба и при непременном участии уполномоченного на то от Сибирского Правительства с правом последнего, если представится необходимым, персонально заменять своих уполномоченных.

7. Не препятствовать формированию и вооружению Сибирским Правительством российской армии на территории Сибири.

3. Журнал № 6-й 29 июля 1918 г. [1]).

Присутствовали: под председательством управляющего министерством П. Я. Дербера, министр земледелия и государственного имущества и министр внутренних дел Новоселов, помощник управляющего мин. ин. дел А. Н. Петров, советники: А. В. Гребенщиков, Д. Ф. Оржешко, член Чехо-Словацкого Национального Совета г. Шпачек. Секретарь В. А. Федоров.

Слушали:

1. Сообщение управляющего министерством иностранных дел П. Я. Дербера о посещении 28 июля с. г. министерства иностранных дел японским генеральным консулом, который высказал пожелание, чтобы Временное Правительство Автономной Сибири вступило в переговоры с правительством генерала Хорвата. — Управляющий министерством был вынужден указать консулу, что ген. Хорват присвоил себе звание и власть диктатора незаконно

Постановили:

1) Принять мнение управляющего министерством иностранных дел за основание при переговорах с членами правительства ген. Хорвата, если таковые возникнут.

[1]) На подлиннике имеется в левом углу надпись: «Утверждаю. Августа 5 1918 г. П. Дербер».

и что им совершено государственное преступление и он будет передан суду Сибирской Областной Думы, почему правительство не находит возможным вступать с ним в какие-либо переговоры.

Вместе с тем японскому консулу было указано, что правительство находит возможным включить на паритетных началах в свой состав лиц, находящихся ныне в составе правительства ген. Хорвата, если таковые выйдут из состава названного правительства и будут выдвинуты местными цензовыми элементами.

2) Далее японский консул заверил, что чехо-словаки действуют независимо от консульского корпуса и о возможности через них вести переговоры с правительством ген. Хорвата. Для выяснения зависимости чехо-словаков от консульского корпуса управляющий министерством пригласил на заседание члена Чехо-Словацкого Национального Совета г. Шпачек.

3) Член Чехо-Словацкого Национального Совета г. Шпачек указал на полную зависимость чехо-словаков от союзников, т. е. от консульского корпуса как в политическом отношении, так и в финансовом. Ввиду указанных причин, деятельность чехословаков находится фактически в полной зависимости от последнего.

Далее г. Шпачек сообщил, что чехо-словаки считают гражданскую войну недопустимой, и этот взгляд разделяется как Национальным Советом, так и их офицерским корпусом и солдатами.

Железная дорога важна для чехо-словаков в стратегическом отношении, и так как часть ее находится в полной зависимости от ген. Хорвата, то им важно (постольку, поскольку это вызывается необходимостью пользоваться дорогой) сохранить с ним лойяльные отношения.

Но г. Шпачек указал на непреклонное решение чехо-словаков не пропускать во Владивосток вооруженных частей ген. Хорвата, о чем последний поставлен в известность.

Затем г. Шпачек заверил в симпатиях чехо-словаков к Правительству Автономной Сибири, что падение правительства ген. Хорвата соответствует их видам, и что они никогда не согласятся принять какое-либо участие в переговорах между Правительством Автономной Сибири и правительством ген. Хорвата.

Сообщения г. Шпачек принять к сведению.

4) Управляющий министерством П. Я. Дербер заявил о следующих условиях, при соблюдении коих Сибирское Правительство войдет с представлением в Сибирскую Областную Думу не предавать Хорвата суду:

4) Принять к сведению и исполнению при возможных переговорах с правительством ген. Хорвата.

а) Ген. Хорват должен отказаться от диктатуры и вернуться

к выполнению прежних своих обязанностей.

б) Ген. Хорватом должно быть предложено всем иностранным войсковым частям и военным агентам иностранных держав покинуть его войска.

в) Войсковые части Хорвата должны быть разбиты на две части, а именно: одна часть должна быть предназначена для борьбы с мадьяро-большевиками, другая для охраны Китайско-Восточной жел. дор.

г) При указанных выше условиях часть лиц, состоящих ныне в Кабинете Хорвата, может быть введена на паритетных началах в состав Временного Правительства Автономной Сибири, причем эти лица не войдут, как министры Хорватовского кабинета, а как лица, выдвинутые цензовыми элементами.

д) Далее управляющий министерством отметил неудобное положение, в которое поставлена была Япония, благодаря поддержке, оказанной ею ген. Хорвату, сославшись на предложение со стороны японского императорского консула Кикучи своих услуг, в качестве посредника, каковое обстоятельство было выяснено из беседы с г. Кикучи.

5) Член Чехо-Словацкого Национального Совета г. Шпачек указал, что чехо-словаки обращались уже к консульскому корпусу и ген. Хорвату: к первому с просьбой оказать давле-

5) Принять к сведению.

ние на ген. Хорвата о том, чтобы последний убрал из своих частей китайских солдат «хунхузов», а ко второму—с предложением выполнить указанное выше мероприятие.

Далее г. Шпачек указал, что Калмыковский отряд предположено оставить и направить на мадьяро - большевистский фронт, отряд же Орлова предположено расформировать.

Г. Шпачек в заключение указал, что среди чехо-словацких солдат наблюдается отрицательное отношение к Временному Правительству, вызванное отсутствием войсковых частей Временного Правительства в составе боевых сил, сражающихся с мадьяро-большевистскими отрядами.

6) Управляющий министерством П. Я. Дербер указал на ненормальное положение командующего военно-морскими и сухопутными силами Приморской области полк. Толстова, вызванное его подчиненным положением по отношению городскому и земскому самоуправлениям. Затруднительность положения полк. Толстова усугубилась в виду того, что когда обсуждался вопрос об ответственности за расходы по армии, городское и земское самоуправления таковую ответственность сложили с себя.

Далее управляющий министерством указал на то, что устранить ненормальность положения

По пунктам 6, 7, 8, 9 — войти с особым представлением в консульский корпус, каковое поручить разработать советнику министерства иностранных дел Н. И. Дмитраш.

командующего военно-морскими и сухопутными силами полк. Толстова может лишь консульский корпус, для достижения каковой цели Сибирское Правительство совместно с чехо-словаками должно бить в одну точку.

Затем управляющим министерством было указано на желательность ведения переговоров между чехо-словаками и военным министром Краковецким на следующих главных основаниях:

а) Средства для организации и снабжения армии будут предоставлены Временным Сибирским Правительством.

б) Вопрос о целесообразном развитии военных сил и правила создания армии подлежат совместному обсуждению.

в) Формируемые воинские части Сибирское Правительство предоставляет чехо-словакам для уплотнения чехо-словацких воинских частей, создания фронта и охраны железно-дорожного пути.

7) Министр внутренних дел Новоселов указал на необходимость создания определенной боевой единицы, не менее 2 000 человек, каковую сформировать, обмундировать и дать ей необходимое военное снаряжение.

8) Управляющий министерством иностранных дел П. Я. Дербер указал, что для достижения вышеупомянутой цели

необходимо чехо-словакам войти в переговоры с военным министром Краковецким в целях создания русского отряда из мобилизованного в Никольск-Уссурийском уезде населения.

9) Член Чехо-Словацкого Национального Совета г. Шпачек в заключение указал, что: 1) как союзники, так и чехо-словаки, будут вполне удовлетворены, если узнают, что мобилизация в Никольск-Уссурийском уезде имеет целью не борьбу с Хорватом, а восстановление фронта; 2) что точка зрения Сибирского Правительства в вопросе создания боевой единицы совпадает со взглядами чехо-словаков; берданы для обучения подлежащего сформированию русского отряда будут даны чехо-словаками и 3) что вопрос о создании боевой русской единицы, по мнению г. Шпачек, должен быть разрешен дипломатическим путем.

10) Управляющий министерством П. Я. Дербер указал на желательность фактической помощи чехо-словаков в смысле восстановления порядка, отметив, что нормальное течение политической жизни нарушено выступлением ген. Хорвата, волнующего население, и что во избежание эксцессов необходимо принятие некоторых экстренных мер. Так, например, для успокоения волнующихся, в виду произведенных арестов, служащих железной дороги упра-

вляющий министерством находит необходимым арестованных железнодорожников передать со всем находящимся у чехо-словацкого военного прокурора следственным материалом в распоряжение Сибирского Правительства для производства дальнейшего следствия и суда.

Указанная передача арестованных успокоит железнодорожных служащих, чем будет избегнута возможность забастовки и вместе с тем будет парализована работа на железной дороге большевиков.

11) Член Чехо-Словацкого Национального Совета г. Шпачек указал на то, что вопрос о передаче арестованных железнодорожников в распоряжение Сибирского Правительства может быть разрешен только ген. Дитерихсом.

11) Во исполнение пунктов 10 11 советнику министерства иностранных дел Д. Ф. Оржешко войти в сношения с ген. Дитерихсом.

Советники: А. Гребенщиков, Д. Оржешко.
Секретарь: В. Федоров.

4. Журнал № 7-й. 4 августа 1918 г. [1]).

Присутствовали: под председательством управляющего министерством П. Я. Дербера, советники: А. В. Гребенщиков, Д. Ф. Оржешко и заведующий информацией д-р Л. Ю. Гейман. Секретарь Д. Ф. Оржешко.

Слушали:

а) Доклад д-ра Геймана о посещении им 3 августа английского консула для выяснения отношения консульского корпуса к предполагаемому на-

Постановили:

а) Принять к сведению.

[1]) На подлиннике имеется в левом углу надпись: «Утверждаю. Августа 10 1918 г. П. Дербер».

значению полковника А. А. Краковецкого на пост главнокомандующего Приморской области и к принятым советом министров шагам к осуществлению коалиции с цензовыми элементами. Из доклада выяснилось:

1) что консульский корпус относится отрицательно к кандидатуре подполковника Краковецкого, считая, что на пост главнокомандующего должно быть выдвинуто лицо, совершенно нейтральное, не имеющее отношения ни к Правительству Автономной Сибири, ни к правительству ген. Хорвата;

2) что же касается письма председателя совета министров И. А. Лаврова по вопросу о коалиции с цензовыми элементами, то этому письму английский консул придает большое положительное значение, видя в предпринятых шагах совета министров действительно фактическое стремление объединить возле себя все классы населения и создать крепкое правительство общенационального характера; причем английский консул к выступлению ген. Хорвата, как правителя России, и к прибытию его в г. Владивосток относится отрицательно.

б) Доклад советника Д. Ф. Оржешко о посещении им американского консульства.

Консулу дан был подробный информационный материал об областническом движении в Сибири, о работах конференции,

б) Принять к сведению и поручить советнику Д. Ф. Оржешко вести дальнейшие переговоры с американским консулом по затронутым вопросам.

съездов, Областной Думы, Правительства Автономной Сибири и эмиссариатов, образованных в Сибири правительством. Причем, в виду того, что консульство ошибочно считало, что правительства в Западной Сибири и на Дальнем Востоке являются совершенно самостоятельными, независимыми друг от друга и конкурирующими между собою, консулу был дан исчерпывающий материал, как было избрано правительство, почему часть правительства находится на Дальнем Востоке и об их взаимоотношениях, причем было подчеркнуто с представлением документальных доказательств (телеграммы от Западно-Сибирского Эмиссариата), что оба эти правительства являются единым Правительством Автономной Сибири, осуществляющим задачу свержения большевиков, воссоздания общегосударственной жизни в Сибири, восстановления противогерманского фронта и восстановления единой великой России. Консул заявил, что весь полученный им информационный материал будет немедленно им передан американскому правительству. Далее г. консулу было заявлено, что Россия и Сибирь, разоренная и совершенно дезорганизованная большевиками и германцами, нуждается в немедленной финансово-экономической помощи союзных держав, что Правительство Автономной Сибири намерено

обратиться к союзникам о займе, причем надеется, что в реализации займа этого для Сибири примут участие, если не все, то часть правительств дружественных нам держав. Вскользь было указано, что Япония через свои финансовые круги предлагает Сибирскому Правительству 100 милл. иен, но Сибирское Правительство не считает для себя приемлемым заем только от одной державы.

Американский консул весьма заинтересовался затронутым вопросом о займе, просил ему сообщить об условиях и гарантиях займа для немедленного сообщения своему правительству.

Далее г. консулу было указано, что железнодорожный транспорт как в Сибири, так и в России, находится в крайне тяжелом положении, и настоятельно требуется оказание ему помощи, и Сибирское Правительство вполне уверено, что американское правительство со своей стороны окажет Сибири и России в этом отношении свою помощь при посредстве имеющейся уже в Сибири американской железнодорожной миссии, каковую желательно было бы прикомандировать к Сибирскому Правительству, а также возобновить остановленную, благодаря захвату власти в России большевиками и заключению Брестского мира, доставку железнодорожного материала, вагонов и паровозов, заказанных Упра-

влением Российских железных дорог в Америке.

Г. консул, выслушав пожелания Правительства Автономной Сибири, заявил, что им со своей стороны поднятые вопросы будут немедленно доложены своему правительству.

в) Управляющий министерством иностранных дел П. Я. Дербер предложил на обсуждение вопрос о необходимости разработать положение о ведомстве министерства иностранных дел Правительства Автономной Сибири.

в) Поручить составить проект положения советнику Н. И. Дмитраш.

г) О составлении ответной телеграммы на имя посла в Лондоне Маклакова.

г) Поручается советнику А. В. Гребенщикову.

д) Доклад А. В. Гребенщикова о необходимости составления и посылки телеграммы Национальному Чехо-Словацкому Совету в виду: 1) признания союзниками свободной Чехии и 2) особой политической роли для Сибири и России чехословацких войск.

д) Поручается советнику А. В. Гребенщикову составить телеграмму на имя проф. Масарика; копию телеграммы направить в местный Национальный Чехо-Словацкий Совет.

е) Доклад управляющего министерством иностранных дел П. Я. Дербера об общем положении в связи с пребыванием во Владивостоке ген. Хорвата, его «Делового Кабинета», отрядов Калмыкова и Хорвата и деятельности их, причем управляющий министерством указал, что необходимо выяснить отношение к этим отрядам вновь назначенного союзным командованием коменданта города английского майора Денлоп.

е) Поручить советнику Д. Ф. Оржешко выяснить отношение английского майора Денлопа к генералу Хорвату, Калмыкову и их отрядам.

По предложению г. управляющего министерством — об установлении связи через своих представителей с Западной Сибирью и Амурской области, а также об организации в Харбине информационного бюро.

Командировать для этой цели в Харбин советника Д. Ф. Оржешко.

Советники: А. Гребенщиков, Д. Оржешко.

Телеграмма П. Я. Дербера Вл. М. Крутовскому от 19 июля 1918 г.

Пекин. Александру Русанову.

Прошу передать срочно в Красноярск Крутовскому следующее: «Во Владивостоке и Никольске большевики ликвидированы. Самоуправления, демократические организации признали Сибирское Правительство. Хорват объявил себя всероссийским правителем, диктатором, образовав при себе кабинет под председательством Востротина в составе: Устругова, ген. Флуга, Таскина, Окорокова, Курского. Правительство Хорвата во главе харбинских отрядов, усиленных хунхузами, стоит в Гродеково. Дальнейшее продвижение по железной дороге хорватовского правительства и отрядов задерживается чехами. Отряды пытаются прорваться окольными путями, терроризируя население, производя в пограничных областях мобилизацию. Крестьянство и казачество решительно противодействуют хорватовскому движению. Хорват, пользуясь недальновидностью Курского, пытается опереться на авторитет областников. Поднята кампания в печати, необходим протест против попытки хорватовщины использовать в своих целях сибирских областников. Крайне важен протест ваш, Потанина, Вологодского. Телеграфируйте немедленно, адрес: Владивосток через Чугучак — Пекин, Сибирскому Правительству. Необходим протест самоуправлений Западной и Восточной Сибири перед союзниками против хорватовской диктатуры.

Здоров, сообщите семье моей — деньги вышлю по первой возможности. Предположен мой отъезд по поручению правительства в Вашингтон. Быховский».

Дербер.

Телеграмма П. Я. Дербера ген. Хорвату.

Ст. Гродеково. Ген. Хорвату.

Правительство Автономной Сибири осведомлено, что вы объявили себя диктатором, присвоив себе наименование Временного правителя. Временное Правительство объявляет вам, что на терри-

тории Сибири единственною законной и признаваемой властью является Временная Сибирская Областная Дума и избранное ею Временное Правительство Автономной Сибири, которое призвало население к объединению и прекращению гражданской войны во имя спасения родины. Временное Правительство Автономной Сибири предлагает вам немедленно сложить с себя незаконно присвоенные полномочия. Если вы этого не сделаете и попытаетесь силой осуществить свои преступные намерения, то вся ответственность за могущие быть тяжелые последствия падет на вас.

Министр председатель Дербер.
За государственного секретаря Захаров.

Телеграмма Временного Правительства Автономной Сибири Временному Сибирскому Правительству в Омск от 30 июля 1918 г.

Пекин. Российскому посланнику Кудашеву; копия Александру Николаевичу Русанову.

Выражая признательность за переданные вами сообщения, совет министров Автономной Сибири просит вас телеграфировать находящимся в Омске членам совета следующее: получив одновременно полный текст телеграмм Западно-Сибирского Комиссариата и командующего войсками полковника Гришина-Алмазова и краткое изложение телеграммы о передаче власти Западно-Сибирским Комиссариатом членам Временного Сибирского Правительства, находящимся сейчас в Западной Сибири, совет министров подтверждает принятое решение, совпадающее с его предварительным мнением по этому вопросу и находит, что принятие всей полноты центральной государственной власти в пределах освобожденной ныне Западной и Средней Сибири полномочными членами Временного Сибирского Правительства, избранного Сибирской Областной Думой — Вологодским, Крутовским, Михайловым, Патушинским и Шатиловым, — вполне отвечает исключительным условиям момента, когда ядро правительства находится на Востоке, а часть членов его на Западе. Это будет также способствовать ускорению восстановления порядка и государственной власти Сибирского Правительства одновременно на Западе и Востоке нашей страны до [sic!] полного освобождения от захватчиков власти. Совет министров уполномачивает вас объявить, что до прибытия всего состава Сибирского Правительства в Западную Сибирь население должно признавать единственной властью членов Сибирского Правительства, находящихся ныне в Западной Сибири. Совет министров воздает должное заслугам перед родиной членов Западно-Сибирского Комиссариата, членов Всероссийского Учредительного Собрания Михаила Линдберга,

Бориса Маркова, Павла Михайлова, председателя земской управы Сидорова, полковника Гришина-Алмазова и всех, кто в тяжелые дни попрания свободы и истинного народоправства с полным забвением личных интересов и опасностью для жизни честно оставался на ответственном и трудном посту, подготовляя блестяще ныне выполненное дело восстановления истинного народовластия. Совет министров благодарит за приветствия молодую доблестную Сибирскую армию и с своей стороны шлет приветствие ей, веря, что она положит твердое начало восстановлению наших боевых сил для борьбы за воссоединение и возрождение расчлененного и истерзанного государства Российского и будет крепка дисциплиной и преданностью родине, свободе, служа всему народу без различия классов и партий. Временное Сибирское Правительство с чувством глубокого восхищения и благодарности приветствует братские нам войска чехо-словаков, геройски боровшиеся за наше общее дело. Оставаясь пока на Дальнем Востоке, совет министров Временного Сибирского Правительства, помимо задачи укрепления порядка и установления здесь своей единственно законной власти, оставляет за собой ведение общей международной политики с странами Востока, Америки и Запада, а также дела продовольствия и снабжения, поскольку это связано с исключительным политическим и экономическим положением Владивостока и Дальнего Востока вообще. Ближайшая программа совета министров следующая: 1) созыв Думы; 2) создание боеспособной армии; 3) восстановление законов и постановлений, действовавших при Временном Российском Правительстве до 24 минувшего октября и возобновление деятельности учреждений и самоуправлений, основанных на этих законах, и восстановление международных соглашений того же времени, в особенности, союзнических; 4) возобновление борьбы за общее дело союзников, за целость и единство России с помощью союзников при условии гарантии неприкосновенности территорий суверенитета России. Совет министров, имея непроверенные сведения об образовании нового коалиционного российского правительства из членов Учредительного Собрания, просит сообщить подробности. Если слух этот верен, Сибирское Правительство, представляющее интересы Сибири, составляющей часть единой федеративной Российской Республики, не преминет вступить в связь с этим правительством. Совет министров Сибирского Правительства, признанного и поддерживаемого населением в лице земств, городов, многочисленных общественных организаций, принимает меры к лишению управляющего Китайско-Восточной железной дорогой ген. Хорвата, самочинно объявившего себя правителем всей России, возможности осуществлять его преступные намерения. Избегая гражданского междоусобия, совет министров предлагает и в Западной

Сибири немедленно парализовать намерения хорватовской организации. В твердой уверенности, что тесное объединение всех слоев населения вокруг избранников Сибирской Думы обеспечит скорое установление порядка, основанного на истинном народовластии, и благосостояние всей страны, Сибирское Правительство, несмотря на все препятствия, стоящие перед ним на Западе и Востоке, приложит всю энергию для успешного выполнения вышеизложенных задач и надеется, что, опираясь на содействие всех слоев населения, привлеченных к совместной государственной работе на принципе деловой коалиционности, оно донесет до Сибирской Областной Думы врученное ему знамя Автономной Сибири. При первой возможности совет министров переедет в Западную Сибирь. Декларация совета министров к союзным дружественным державам от 8 июля, нота от 15 июля, нота от 25 июля, нота от 24 июля представителям, аккредитованным при правительствах Франции, Англии, Америки, Японии и Китая и ответы на них будут переданы особо. Декларация населению о передаче власти в пределах Западной и Средней Сибири находящимся там членам правительства последует незамедлительно по получении полного текста извещающей о том телеграммы.

Председатель совета министров и управляющий министерством внутренних дел Иван Лавров.

Министры: Дербер, Моравский, Краковецкий, Жернаков, Новоселов, Неометулов.

Управляющие ведомствами: Трутнев, Быховский.

Секретарь совета министров Шенец.

Телеграмма председателя Временного Правительства Автономной Сибири Лаврова председателю Сибирского Правительства Вологодскому от 3 августа 1918 г.

Омск. Председателю Сибирского Правительства в Западной Сибири Вологодскому.

Краткость вашей телеграммы от 3 (16) июля и наша неосведомленность о действительном положении дел в Западной и Средней Сибири лишает нас возможности правильно понять и оценить характер значения провозглашенной вами особой декларацией державам государственной независимости Сибири и причины, побудившие вас сделать этот крайний шаг, чреватый серьезнейшими последствиями. Мы склонны понимать этот шаг лишь как провозглашение фактической

автономии или хотя бы и независимости, но лишь условной в смысле независимости от нынешней большевистской центральной власти впредь до появления новой правомочной народной всероссийской власти. Находясь здесь в узле международных сношений, зная характер международной конъюнктуры и настроение народной массы на Дальнем Востоке, мы пришли к глубокому убеждению, что полное отделение Сибири может иметь гибельные последствия для идеи автономии и даже для целости Сибири. Если этот шаг сделан вами в категорической, безоговорочной форме, — сообщите текст декларации, дабы мы могли немедленно сделать разъяснение, что провозглашенная вами независимость имеет лишь условный, временный характер в указанном выше смысле. Возможность непосредственных и сравнительно быстрых сношений с иностранными государствами с Дальнего Востока вызывает необходимость оставления общей международной политики впредь до возвращения в Западную Сибирь всего состава совета министров в наших руках; до этого момента во избежание несогласованных действий необходимо, чтобы ваши сношения с державами проходили пока через нас. Отъезд наш в Западную Сибирь задерживается: во-первых, необходимостью оставаться здесь в узле международных сношений, что̀ крайне важно, особенно в данный момент, в виду утвердительного решения союзниками вопроса об интервенции; во-вторых, необходимостью общего закрепления нашей позиции на Дальнем Востоке, где идея государственного единства Сибири и связь с Западной Сибирью в некоторых общественных кругах недостаточно прочны; в-третьих, приостановкой железнодорожного движения до Иркутска. При первой возможности не замедлим выехать. Руководствуясь всецело требованием политической обстановки и стремлением теснее сплотить находящихся здесь членов правительства на почве чисто деловой работы в интересах наибольшей продуктивности ее, совет министров ныне реконструирован: назначенный ранее управляющим министерством внутренних дел, бывший иркутский губернский комиссар, член Думы Иван Александрович Лавров избран председателем совета; Захаров, Кудрявцев, Тибер-Петров добровольно сложили полномочия членов правительства, разделяя принципиально позицию правительства и выполняя другие функции его. Одновременно в состав правительства привлечены два новых члена: Александр Афанасьевич Трутнев, назначенный управляющим министерством финансов и Наум Яковлевич Быховский управляющим министерством земледелия. Заместителем председателя совета избран Петр Васильевич Вологодский, на которого и возлагается председательствование в коллегии членов правительства, находящихся в Западной и Средней Сибири. Возобновление работ Думы при отсутствии достаточно пол-

ного представительства Забайкалья, Амура и, особенно Дальнего Востока, считаю крайне опасным для государственного единства Сибири, ибо недостаточное представительство этих областей, в особенности Дальнего Востока, в первый момент существования Думы в январе дало уже крайне неблагоприятные результаты, усилив позицию сторонников дальне-восточного сепаратизма и противников федерализма. Первого августа Новоселов и Кудрявцев выехали через Японию, Китай, Монголию в Западную Сибирь, они сообщат подробно положение дел и доставят вам наши ноты державам от 15 и 25 июля. В ближайшем времени предполагаем отправить дипломатические миссии в Пекин, Токио, Вашингтон. Телеграфируйте.

Председатель совета министров Лавров.

Телеграмма председателя Временного Правительства Автономной Сибири председателю Сибирского Правительства Вологодскому от 17 августа 1918 г.

Копия.

Омск. Совет министров, Вологодскому.

В срочном порядке просим подтвердить союзникам, что Омское и Владивостокское правительство одно и то же. Агенты Хорвата ведут закулисную среди союзников работу против вас и нас. Это лишает союзников возможности оказать поддержку нам и признать, что это затрудняет работу по заготовлению снаряжения и вооружения Сибирской армии [1]). От Хорвата — диктатора союзники отказываются, но признать Сибирское Правительство во Владивостоке опасаются, ибо они не хотят и не могут иметь дело с двумя правительствами, и агенты Хорвата утверждают, что в Омске и Владивостоке разные правительства. Необходимо деловое признание правительства. Мы делали много разъяснений союзникам, остановка за вами. Копию вашей телеграммы союзникам пошлите нам. Дело сибирской автономии на Востоке находится в опасности.

Председатель [2]).

---

[1]) В английском тексте этой телеграммы читаем: «This deprives the Allies of possibility to support us and to recognize which makes difficult providing of supplies and munition for Siberian army», т. е. «это лишает союзников возможности оказать нам поддержку и признать нас, что затрудняет снабжение и вооружение Сибирской армии».

[2]) В копии нет подписи; в английском тексте телеграммы значится: « Original signed by President Council Ministers Lavroff».

Письмо председателя Временного Правительства Автономной Сибири консулам от 3 августа 1918 г. № 102.

Отпуск[1]).

Милостивый государь,
господин консул.

В дополнение личных моих переговоров с вами о желательности немедленного создания на территории Сибири единой сильной национальной власти и для прекращения взаимного несогласия и непонимания между отдельными слоями населения Сибири, могущего вылиться в междоусобную войну, настоящим я, во исполнение соответствующего постановления совета министров, обращаюсь к вам с просьбой принять на себя труд довести до сведения образованного при г.-л. Хорвате Кабинета о готовности Сибирского Правительства вступить в переговоры с представителями цензовых элементов на предмет вхождения их в состав Сибирского Правительства, не исключая при этом и лиц из среды названного Кабинета.

К этому я считаю необходимым добавить, что Сибирское Правительство питает твердую уверенность, что в результате[2]) между ним и цензовым элементом соглашения должен последовать немедленный отказ г.-л. Хорвата от принятия им на себя звания временного правителя и роспуск его Кабинета.

Прошу принять уверение в уважении.

Подлинное подписал председатель совета министров И. А. Лавров.

Письмо ген. Хорвата старшине владивостокского консульского корпуса.

Копия[3]).

Копия уведомления г. Лаврова на ваше имя от 3 августа с. г., за № 102 мною получена.

Из этого уведомления я усматриваю, что организация, именующая себя Временным Правительством Автономной Сибири, изъявляет готовность «вступить в переговоры с представителями цензовых элементов на предмет вхождения их в состав Сибирского Правительства, не исключая при этом и лиц из среды образованного мною Делового Кабинета».

---

[1]) На полях имеются пометы карандашом: 1) «Письмо в этой редакции отослано 3/VIII—18 г. англ. конс., 4/VIII—18 г. японск. конс.». 2) «Проект письма 3/VII—18. В. Ф.».

[2]) Далее зачеркнуто: «состоявшегося».

[3]) Документ написан на бланке со штампом: «Временный правитель. Августа 7 дня 1918 г. № 62».

В виду вышеизложенного, я прихожу к заключению, что г. Лавров и его товарищи желают войти в переговоры лишь с цензовыми элементами, и потому я не могу себе уяснить, в какой степени таковое намерение Сибирского Правительства может касаться меня и Делового Кабинета и на какой предмет г. Лавров просит вас передать Деловому Кабинету сделанное им сообщение.

Вследствие чего очень прошу вас не отказать в любезности, если это вас не затруднит, запросить г. Лаврова по изъясненному выше предмету и о последующем почтить меня уведомлением.

Прошу принять уверение в совершенном почтении готового к услугам.

Дм. Хорват.

Письмо председателя Правительства Автономной Сибири консульскому корпусу от 25—26 августа 1918 г. [1]).

В письме от 3 сего августа за № 102 я просил вас, г. консул, от лица Правительства Автономной Сибири довести до сведения членов Делового Кабинета, состоящего при ген.-лейт. Хорвате, о готовности Правительства вступить в переговоры с членами Делового Кабинета по вопросу о немедленном создании единой, сильной, национальной власти путем включения на принципе коалиции в состав Правительства Автономной Сибири некоторых членов Делового Кабинета, как лиц, пользующихся доверием цензовых элементов Дальнего Востока.

При вашем дружеском содействии переговоры эти были начаты и продолжались нашими представителями в течение ряда заседаний при искреннем их стремлении, как можно скорее довести переговоры до благоприятного завершения, несмотря на проявленную противной стороной неуступчивость, дважды послужившую поводом к перерыву переговоров.

Последнее заседание представителей Правительства Автономной Сибири и членов Делового Кабинета временного правительства происходило вечером 23 августа и предполагалось, что заседание

---

[1]) На документе находится сл. пометки, сделанные карандашом: 1) «Черновик»; 2) «26/VIII послана копия: советнику английского посольства г-ну Ольстон, советнику французского посольства графу де Мартель, советнику японского посольства г-ну Матсудаира, германскому консулу № 176, китайскому № 178, французскому № 177» [и далее чернилами]: «Оригинал № 175 английскому консулу». Против номера на штампе приписано: «исх. № К. с. м-ов № 1050. (105?) 25/VIII передано д-ру Гейман без №№ исх.». Приписано красными чернилами: «Послано канцел. сов. м-ов».

будет уже посвящено, если не целиком, то хотя бы в части, рассмотрению вопроса о конструкции власти, с разрешением которого переговоры о создании единой национальной власти могли бы считаться фактически благополучно законченными.

Однако в тот момент, когда находившиеся на заседании представители Правительства Автономной Сибири занимались обсуждением условий будущей совместной мирной работы с членами Делового Кабинета, работой, диктуемой общегосударственными интересами и настоятельно рекомендуемой благожелательными советами представителей миссий правительств дружественных России держав, объявивший себя временным правителем ген.-лейт. Хорват через подчиненного ему генерала Плешкова — не без ведома, конечно, Делового Кабинета, осуществил подготовляемый им заранее военный заговор, направленный против Приморской областной земской управы, а в лице ее и против Правительства Автономной Сибири, имевший целью захват полноты власти в руки ген.-лейт. Хорвата.

Рассматривая подобный образ действий Делового Кабинета, как враждебное выступление в период мирных переговоров одной договаривающейся стороны против другой, Правительство Автономной Сибири считает себя обязанным прекратить переговоры с организацией, допустившей такой акт вероломства.

К этому позволяю себя добавить, что Правительство Автономной Сибири по-прежнему остается при убеждении в необходимости коалиции с цензовыми элементами и включении деловых представителей этих элементов в состав правительства для создания сильной национальной власти.

Письмо председателя Правительства Автономной Сибири консульскому корпусу от 30 августа 1918 г.

Копия [1]).

Господин консул.

Подчиняясь воле законных представителей населения всех городов и уездов Приморской области, высказавшихся на соединенном заседании, состоявшемся 24 сего августа в г. Владивостоке, за необходимость немедленного осуществления Правительством Автономной Сибири функций верховной государственной власти, выполнявшихся

[1]) Написано на бланке со штампом: «Правительство Автономной Сибири. Министр председатель. 30 августа 1918 г.№ ... г. Владивосток»; на копии имеется помета: «Старшине консульского корпуса, имп. яп. ген. кон. г-ну Кикучи за № 1070, великобританскому консулу за № 1071, американскому консулу за № 1072, французскому консулу за № 1073, ген. консулу Китайской Республики за № 1074».

с момента переворота 29 июня, согласно решения самого Правительства, Приморской областной земской управой, Правительство Автономной Сибири, движимое исключительно стремлением положить скорее конец существующей в области анархии, вместе с сим опубликовало постановление о фактическом принятии в свои руки всей полноты верховной власти.

Этот важный исторический шаг обязывает меня от лица всего Правительства Автономной Сибири еще раз засвидетельствовать перед вами, господин консул, о твердом намерении правительства осуществлять свою власть при участии представительства от всех государственно настроенных групп населения. В сознании той тяжелой ответственности, которую в данный момент принимает на себя правительство как перед страной, так и дружески оказывающими нам помощь союзниками, я считаю необходимым заявить, что мы с большой готовностью и немедленно примем в состав правительства представителей цензовых групп, если только они пожелают откликнуться на наш неоднократный призыв к объединению в интересах блага родины.

Об искренности наших побуждений может служить уже тот факт, что постановлением от 26 августа совет министров Автономной Сибири пригласил на пост управляющего министерством продовольствия и снабжения г. Башкирова, известного в промышленном мире в качестве крупного капиталиста, владельца громадного мукомольного и пароходного дела, бывшего управляющим министерством продовольствия при Всероссийском Временном Правительстве.

Надеюсь, что мое обращение к вам даст вам случай еще раз оказать дружескую услугу русскому народу и Сибирскому Правительству путем преподания благожелательного совета цензовым группам о необходимости в интересах нашей родины скорейшего создания единой национальной власти, к чему их горячо призывает Правительство Автономной Сибири.

Примите уверение в моем совершенном к вам уважении

Лавров.

Письмо председателя Правительства Автономной Сибири Ч. Эллиот.

Верховному уполномоченному сэру Чарльзу Эллиот.

5 сентября 1918 г.

Милостивый государь.

Имею честь уведомить вас, что я довел до сведения совета министров Правительства Автономной Сибири содержание письма ген.-лейт. Хорвата, которое вы изволили препроводить мне 2 сентября с. г. [1]).

[1]) Письмо ген. Хорвата в архиве не сохранилось.

В экстренном заседании, происходившем 5 сентября с. г., совет министров, обсудив упомянутое письмо, — в коем ген.-лейт. Хорват, давая объяснения инциденту, имевшему место в г. Владивостоке в ночь с 23 на 24 августа, выражает готовность продолжать с Сибирским Правительством прерванные переговоры о коалиции, — высказал следующее мнение.

Не входя в обсуждение вопроса о том, соответствует ли истине утверждение ген.-лейт. Хорвата о его непричастности к выступлению военных организаций и в то же время, оставаясь на прежней платформе — необходимости коалиции всех государственно настроенных элементов страны, как единственном средстве создания общенациональной единой власти, каковая точка зрения разделяется всецело и той частью правительства, которая находится в Западной Сибири, судя по тому, что теперь Сибирская Областная Дума, как это явствует из полученных сообщений, восполнена цензовыми элементами, совет, тем не менее, не может считать себя правомочным в данный момент, когда установлено прямое сообщение с Западной Сибирью, решать самостоятельно вопрос о соглашении с Деловым Кабинетом — без предварительных сношений по этому поводу с омской частью правительства и Думой.

Далее, что к обмену мнениями по этому поводу с омской группой членов правительства должно быть приступлено незамедлительно, как только откроется возможность непосредственных прямых переговоров с Западом, к установлению которых уже предприняты необходимые шаги.

Принимая вышеприведенное постановление, совет министров считает вместе с тем необходимым отметить, что, по его мнению, при изменившейся политической обстановке, соглашение с цензовыми элементами может быть прочным и реальным только в том случае, если оно будет заключено в центре Сибири, где наиболее полно представлены все элементы страны и наиболее правильно могут быть оценены интересы этих элементов.

Об изложенном постановлении совета министров прошу вас милостивый государь, довести до сведения ген.-лейт. Хорвата.

С почтением... [1]).

(Окончание следует.)

---

[1]) Подпись отсутствует.

Из истории национальной политики царизма.

Печатаемый ниже журнал «Особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае» принадлежит к серии документов, характеризующих национальную политику Столыпина. К сожалению, документы о национальной политике Столыпина (журналы «особых совещаний» по вопросам о Туркестане, Бухарском и Хивинском ханствах, Приволжском крае и т. д.) до сих пор не опубликованы и мало изучены.

Особый исторический интерес представляет вопрос о панисламистской пропаганде в России и методах борьбы с нею. Здесь мы не будем останавливаться на вопросе о сущности панисламизма. Укажем лишь, что национально-освободительное, аграрное и революционное движение среди народов России, в первую очередь среди так называемых мусульманских народов, рассматривалось столыпинскими агентами, представителями православной церкви и самим Столыпиным, как панисламистское движение. Естественно, что близорукость царских политиков в выявлении социально-экономических корней национально-освободительного и революционного движения, с м е ш е н и е ф о р м ы революционного движения с с у щ н о с т ь ю движения приводили к соответствующим выводам. Крестьянские волнения, продолжавшие развиваться после первой русской революции в национальных окраинах бывшей Российской империи, как и организационное оформление джадидизма и т. д., рассматривались Столыпиным и «особыми совещаниями», как активизация панисламистского движения. Меры, намечаемые «особыми совещаниями», должны были обеспечить борьбу с панисламизмом.

Вопрос ислама и панисламистского движения мог быть разрешен, с точки зрения Столыпина, лишь в связи с мусульманским вопросом. Поэтому перед Столыпиным встал во весь рост «мусульманский вопрос». Созванное им в 1910 г. «Особое совещание» остановилось на Приволжском крае, в котором татарско-мусульманское движение проявилось особенно рельефно и интенсивно и достигло наибольших реальных результатов». (См. докладную записку Столыпина в Совет Министров на тему: «О мерах для противодействия панисламистскому и пантуранскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения» 15 января 1911 г. № 535. ЛОЦИА. Дело канцелярии Совета Министров, 1911—13 гг., № 3 (237).

«Результаты» эти, по мнению Столыпина, заключаются в следующем:

«1) в совершившемся в 1905 г. отпадении нескольких десятков тысяч крещеных инородцев (частью тюркского, частью финского происхождения) в мусульманство и в интенсивно поставленной пропаганде мусульманства как среди слабых в вере крещеных инородцев Поволжья, так и среди полуязыческих племен северо-восточной России; 2) в постепенном сосредоточении всей области духовного и культурного просвещения мусульман восточных и средне-азиатских областей в руках татарского и прошедшего татарскую школу духовенства; 3) в развитии под видом допущенных законом мусульманских конфессиональных школ (мектебе и медрессе) обширной сети общеобразовательных инородческих учебных заведений со специфически татарским оттенком; 4) в создании целого ряда мусульманско-татарских духовно и культурно-просветительных и благотворительных учреждений, книгоиздательств, периодических изданий и т. п. начинаний, имеющих прямым назначением проводить в широкие слои народных масс начала татарско-мусульманской культуры; 5) в явно недоброжелательных, а часто и открыто враждебных выступлениях татарской интеллигенции и татарской печати против государственности и русской народности и 6) в нескрываемом тяготении к зарубежному мусульманству, установлении постоянных сношений с Турцией и Египтом, воспитании молодежи в турецких учебных заведениях и т. п.».

«Изучение этих явлений показывает, — делает вывод Столыпин, — что они не случайны, а вытекают из определенно поставленной программы панисламистов».

Поражает примитивность постановки вопроса. Искусственно раздроблен весь процесс и разнообразие борьбы национальностей с царизмом на окраинах бывшей Российской империи. «Особые совещания» считали возможным оставить без внимания аграрные волнения в так называемых инородческих районах как и вопрос национально-освободительного движения в целом, останавливаясь лишь на вопросах идеологической борьбы.

В этом отношении заслуживает внимания записка епископа Андрея «О мерах к охранению Казанского края от постепенного завоевания его татарами», направленная председателю Совета Министров П. А. Столыпину 14 января 1908 года. (ЛОЦИА. Дело канцелярии Совета Министров, 1908—10 гг., № 447.)

«Завоевание татарами - магометанами Казанского и всего Прикамского края происходит на наших глазах тихо, мирно, постепенно, но твердо и неуклонно. Это объясняется историческими причинами в развитии жизни приволжских татар и историческими ошибками русского правительства в отношении местного русского и вообще православного населения».

«Если продолжится татаризация инородцев, — продолжает еп. Андрей, — если киргизы, башкиры, ногайцы, вотяки, а отчасти чуваши и черемисы усилят собой татарскую народность и сольются с ними, то в центре России создастся такой страшный враг для нее, который вместе с мятежным Кавказом может наделать русским много величайших бед в критические минуты русской народности».

Еп. Андрей, так же как и Столыпин, мало интересуется соц.-экономическими корнями опасности. Еп. Андрей ставит перед собой задачу ослабить пантатарскую пропаганду путем изыскания мер, охраняющих «инородцев» от влияния на них татар. Одной из таких мер еп. Андрей считает создание приходов. «Как в Орлов-

ской епархии приходскими организациями еп. Серафим Чичагов парализовал социалистические движения, так только с помощью приходов можно бороться и с великой силой магометанской религиозной общины... И слияние инородческого населения с русским возможно только на почве православия».

Комментировать мысли еп. Андрея нет особой надобности. Этой точки зрения придерживался и Столыпин.

Надо признать, что вышеуказанная записка еп. Андрея несомненно имела значение при выработке мер «Особым совещанием» по борьбе с панисламизмом. Здесь же можно указать, что особых принципиальных разногласий между членами «Особого совещания» не было. «Особое совещание» состояло из представителей как местных, так и центральных учреждений, ведомств православного духовного, народного просвещения и внутренних дел. «Особое совещание» признало необходимым направить свою работу по борьбе с панисламизмом по трем путям:

1. По пути усиления положения православной церкви.
2. По пути урегулирования школьно-образовательного дела среди национальностей.
3. «По пути упорядочения государственно-правового положения мусульманства и усиления правительственного контроля за его проявлениями — меры административные».

В публикуемом журнале «Особого совещания» меры и пути борьбы с панисламизмом в достаточной мере расшифрованы. Правда, в дальнейшем целым рядом дополнений мероприятия «Особого совещания» уточняются, однако большого изменения дополнения министерства иностранных дел и других учреждений и ведомств не вносят.

«Мятежный 1905 год» оставил глубокий след в памяти Столыпина.

Не без основания Столыпин и политики столыпинского режима высказывали вслух опасения, что в критические дни русского самодержавия «инородцы» мятежного Кавказа, внешне спокойного Приволжско-Камского края и неспокойного Туркестана окажутся в лагере революции против царизма. Столыпин понимал, что одним из уязвимых мест его режима был «инородческий» вопрос. Надо было его разрешить. И он его разрешил путем... усиления позиций православия, наступления на школу и просвещение народов бывш. России и, наконец, путем принятия административных мер.

Этими мерами Столыпин осуществлял свою программу национальной политики.

А. Аршарунн.

Журнал особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае.

Начиная с шестидесятых годов прошлого столетия во всем мусульманском мире, застывшем под гнетом узкой религиозной схоластики ислама в устаревших формах семейного, общественного и государственного строя и подавленном моральною силою европейской цивилизации, обнаруживаются признаки пробуждения и стремления свергнуть европейское влияние путем оживления внутреннего духа

ислама и единения всех мусульманских народностей на почве самобытной мусульманской культуры.

Очагом и источником нового течения в мусульманстве явилась Турция в лице передовых, европейски образованных руководителей, которые, под наименованием младотурок, отчасти из Франции, отчасти из Египта подняли агитацию против существовавшего в то время в Турции государственного строя, а также против косности, невежества и разрозненности мусульманства, являющихся главными виновниками падения всемирного могущества ислама.

Это движение не замедлило отразиться и на наших мусульманских племенах. С течением времени означенное движение, под влиянием целого ряда условий, приняло настолько своеобразные и резко выразившиеся формы, что государство, во имя своих исторических задач и интересов, не может оставить его без самого серьезного внимания.

Населяющие Российскую империю мусульманские народности не принадлежат к одному этнографическому племени, но представляют собою конгломерат находящихся на самых разнообразных ступенях культуры оседлых и кочевых инородцев преимущественно тюркского, отчасти финского, монгольского, иранского и других происхождений.

В силу особых исторических и географических условий культурное преобладание и влияние среди мусульманских инородцев в России, не исключая даже Туркестанского края, принадлежит численно не занимающим первого места татарам, населяющим Приволжско-Камский край.

Естественно поэтому, что первые отзвуки пробуждения мусульманского мира прежде всего отозвались на татарах именно этого края, а равно на татарах Крымского полуострова, никогда не прерывавших духовной своей связи с Турциею. Поэтому все, что было среди этих татар интеллигентного, обратило свои взоры на центры умственной жизни мусульманства — Париж, Константинополь и Каир, добиваясь просвещения в духе возрождающегося панмусульманства.

Попав в общий культурный оборот мусульманского мира, татары России и особенно татары Поволжья, в лице своих передовых представителей, проникались не только идеями возрождения славы учения своего пророка, но и мечтали о восстановлении величия царства османов, воплощающегося для них в лице «повелителя правоверных», турецкого падишаха.

Вместе с тем, среди означенных татар нарождается национализм, стремящийся к обеспечению своего культурного влияния на остальные мусульманские племена России.

Первые шаги русских новаторов мусульманства из татар особенно Приволжья были направлены на духовенство и школу, как

наиболее могучие факторы для проведения в мусульманские массы новых идей.

Почва и условия для татар в этом отношении оказались во многих местностях весьма благоприятными: магометан, прежде всего, объединяла общая религия, далее, в большинстве случаев, единый, хотя и разных наречий, язык народностей, исповедующих ислам и принадлежащих к тюркскому племени; засим, относительно высокий культурный уровень татар, импонировавших своим развитием перед кочевыми и полукочевыми племенами Поволжья, Заволжья и Зауралья. Наконец, на основании действующего закона, мусульманское духовенство почти всей (за исключением Крыма) Европейской России, а равно всей Сибири, находится в полной зависимости от центральных мусульманских духовных учреждений в Уфе, всецело сосредоточенных в татарских руках.

Наряду со всем этим благоприятствовало распространению татарского влияния, а равно объединению масс мусульманства на пространстве громадных районов, положение магометанской школы. А именно, в силу веками установившегося традиционного доверия к мусульманству со стороны государственной власти, законом санкционировано существование огромной сети фактически совершенно автономных конфессиональных мусульманских училищ (мектебе и медрессе), зависящих исключительно от магометанского духовенства и стоящих вне всякого правительственного контроля.

Всеми этими условиями руководители мусульманским движением в России не замедлили воспользоваться для подчинения татарскому влиянию всего религиозного и, вместе с тем, культурного строя большинства магометанского инородческого населения Европейской России, Сибири, Степного края и даже Средней Азии.

Особенно в этом отношении успехи были достигнуты татарами, с одной стороны, среди полукочевых киргизов, в своей культурной слабости рабски подчинившихся высокому авторитету более цивилизованных единоверцев, а, с другой стороны, среди этнографического конгломерата тюркских и финских племен Волжско-Камского края: башкир, вотяков, черемис, чуваш и т. п. народностей, отставших в своем полуязыческом быту на пути культурного развития.

Первым этапом в национально-культурном труде татар явилось систематическое отатаривание мулл, чрезвычайно облегченное обязательною явкою кандидатов на должности мулл в Оренбургское духовное собрание в гор. Уфу для производства испытаний. Возвращаясь после более или менее продолжительного пребывания при названном духовном правлении в разные деревни, аулы и кочевья, муллы явля-

лись уже верными проводниками в население татарских идей, татарской культуры.

Особенное внимание однако обращено было со стороны мусульманско-татарских руководителей на школу, и в этой области, начиная с 90-х годов прошлого столетия, проявляется совершенно определенное стремление к превращению конфессиональной школы в общеобразовательную со специфическим национально-политическим (мусульманско-татарским) оттенком.

Пользуясь полным отсутствием правительственного контроля над низшими конфессиональными школами, в них мало-по-малу, наряду с изучением корана, вводятся общеобразовательные предметы, изучаемые исключительно на татарском языке и в тенденциозном, зачастую враждебном России и всему русскому, направлении. Независимо сего, под флагом конфессиональных школ, открывается сеть средних общеобразовательных заведений (медрессе), имеющих назначением подготовлять татарско-мусульманских учителей для начальных школ, проникнутых духом религиозно-национальной автономности внутри государства и стремления панисламского и пантюркского единения.

Эти учителя (мугаллимы), направляясь в местности, населенные мусульманами не татарского происхождения, преимущественно в Киргизские степи, к башкирам, черемисам и другим поволжским финским и тюркским племенам, в свою очередь, служили ревностными пионерами в деле татаризации инородцев, исповедующих ислам.

При сохранении внешнего спокойствия, даже в течение мятежного 1905 г., при сохранении полной формальной лойяльности к государству, татары, особенно Поволжья, настойчиво вели огромнейшей исторической важности национально-культурное дело, расшатывающее не только вековые устои русской государственной жизни, но и твердо, казалось, установившееся соотношение политических и культурных сил.

В зависимости от этого, ныне мусульманский мир в России находится уже в состоянии значительного внутреннего брожения.

В народном сознании мусульманского населения Европейской России, без различия племен, под влиянием школы и непрестанной агитации политически нафанатизированного духовенства, произошло уже значительное отождествление понятий религии и национальности в татарском значении этого последнего слова.

Вместе с тем дала свои плоды и проводимая татарами система школьной культуры с ее враждебным русскому пантюркским направлением. Прошедшая новую школу мусульманская молодежь ушла и в Крыму и в Поволжье далеко по пути религиозно-культурного и политического сепаратизма. Значительную роль в этом отношении

сыграла и татарско-мусульманская печать, систематически воспитывавшая читающее мусульманство в духе панмусульманских и пантюркских идей.

Первый толчок, выведший русское мусульманство из состояния относительного равновесия и спокойствия, дан был несчастною для России японскою войной.

Полный переворот внесли в мусульманский мир внутренние события, разыгравшиеся после этой войны.

Провозглашение сначала вероисповедной свободы, затем преобразование государственного строя, открыв широкий простор для религиозной и политической агитации в духе ислама и тюркизма, не замедлили отозваться на положении мусульманского вопроса.

Непосредственным результатом быстро следовавших одного за другим политических событий явилось отпадение от православия нескольких десятков тысяч крещеных татар Казанского края и необыкновенный подъем религиозного возбуждения и национального самосознания среди татар.

Обнаружившиеся затем во время внутренних смут слабость государственной власти, неустойчивость и расшатанность политических понятий и общественного мнения и совершенный упадок государственного патриотизма толкнули мусульманство на путь религиозно-национального сепаратизма, пробудив в нем лихорадочную энергию к достижению заветных идеалов панмусульманства.

С этого времени начинается достаточно открытая, враждебная России, деятельность татар, не считавших в лице своих руководителей нужным даже скрывать своей конечной цели — стремления к пантюркизму.

В местностях, населенных мусульманами, на глазах правительственных властей открываются учебные заведения общеобразовательного типа по самостоятельно установленной, тенденциозной программе с татарским языком преподавания; образуются общества для содействия просвещению молодых людей в новом духе ислама и получению ими высшего образования в Турции; мусульманская печать проповедует сближение всех единоверцев с Турцией, агитирует за автономную национальную школу, требует удаления из мусульманских школ русского языка и т. д.

В связи с этим мусульманскими руководителями татарами открыто намечается строго-последовательная программа религиозного и культурного объединения всего мусульманского населения России на автономных началах, под главою высшего духовного лица, совершенно независимого от правительства в управлении делами веры и школы.

Этому проекту умело придается характер всенародного пожелания, и печать, с своей стороны, сознавая всю важность такого обособления и сплочения всего мусульманства, не щадит сил для популяризации этой идеи среди широких масс своих единоверцев.

Пронесшиеся над русским государством годы революционного брожения, сосредоточив все силы государственной власти на водворении внутреннего спокойствия и восстановления нормального течения государственной и общественной жизни, отвлекли его внимание от происходившей среди русского мусульманства эволюции.

Ход мировых событий, между тем, слагался как нельзя более в пользу мусульманских вожделений и во вред государственному делу России.

Совершившийся в Турции государственный переворот, положивший начало обновлению царству османов, а с ним и будущему возрождению ислама, обратив, с одной стороны, внимание всего мусульманского мира на Константинополь, с другой, заставил Турцию сугубо искать нравственной и материальной опоры среди вне-турецкого мусульманства.

С этой поры в турецкой печати появляются обращения к верности всего мусульманского мира исламу и халифу — турецкому падишаху, рисуются перспективы всемусульманского государства от Желтого до Средиземного моря, в то же время наши мусульманские окраины, в том числе Кавказ и Туркестан, посещаются турецкими эмиссарами, проповедующими единение под знаменем пророка.

Даже официальный турецкий мир не остается чуждым этой деятельности, и правительственные агенты тайно посещают магометанские окраины России, сближаясь с населением и проповедуя ему идеи Великой Турции.

Вся совокупность изложенных обстоятельств сообщает происходящему среди мусульманских народов России культурному движению особенную важность и заставляет государственную власть относиться к нему с точки зрения не только местного явления, но как к событию первостепенного государственного значения.

Поэтому одной из самых настоятельных задач современного русского государственного строительства являются противодействие дальнейшему развитию среди мусульман-инородцев искусственно создаваемой между ними религиозно-национальной сплоченности и противопоставление вреднему влиянию панмусульманских и пантюркских агитаторов — влияния, основанного на правильном понимании государственной пользы.

Вполне сознавая действительное значение происходящего в нашем мусульманском мире движения, министерство внутренних дел,

с своей стороны, признало необходимым войти в обсуждение тех способов, которыми наиболее целесообразным образом могли бы быть достигнуты вышеуказанные цели.

Исходя при этом из тех соображений, что пульс татарско-мусульманской пропаганды в России за последнее десятилетие бьется преимущественно в примыкающей к Казани части Поволжья, что проявления татарско-мусульманского национализма конкретно выражаются преимущественно в Волжско-Камском крае и что мероприятия, намеченные для этой части государства, по соображении местных особенностей, несомненно, могут иметь применение и в других областях с мусульманским населением, министерство внутренних дел нашло соответственным в первую очередь и ближайшим образом ограничиться изысканием мероприятий для борьбы с татарско-мусульманским влиянием именно в означенном крае.

В этих видах, при министерстве внутренних дел образовано было под председательством директора департамента духовных дел особое совещание в составе местных и центральных представителей ведомств: православного духовного, внутренних дел и народного просвещения.

Приступив к выполнению предложенной задачи, означенное совещание сочло прежде всего необходимым точно уяснить себе пределы своих суждений и конечные цели, которых оно обязано достигнуть.

В этом отношении совещание не могло не принять во внимание, что племена, исповедующие ислам и входящие в состав населения империи, принадлежат к разнообразным народностям, частью тюркского, частью иранского, частью монгольского и финского, а равно иного происхождения. Населяя вообще разнообразные в климатическом, культурном и историческом отношении территории, мусульманские племена включались в состав государства разновременно и притом в разные исторические эпохи жизни России. Живя частью искони бок-о-бок с коренным русским населением, мусульманские племена местами вошли теснейшим образом в основную территорию государства. Однако большая часть мусульманского населения обитает окраины, притом окраины совершенно разнородные по своему географическому положению и культурно-историческому сложению. При этих условиях, казалось бы, и отношение государства к отдельным племенам должно было бы быть различное. Признавая эту точку зрения бесспорной, совещание, тем не менее, не могло не принять во внимание, что мусульманство представляет из себя совершенно своеобразное культурное явление. Выражая особое религиозное учение, оно, вместе с тем, связано с известным, исторически сложившимся бытом. Имея свои особые культурно-исторические традиции, владея своими международными духовными центрами, внося в мировую

политику своеобразные принципы жизни, мусульманство, во всей его массе взятое, образует космополитическую, в пределах исповедующих религию ислама народностей, среду, парализующую индивидуальные особенности отдельных племен и объединяющую их в одно плотное и прочное тело. Правда, исторический ход событий последних столетий в значительной степени раздробил мусульманство, однако события последних десятилетий с полной определенностью показывают, что духовная связь магометанских народностей и племен не только не угасла, но находится на пути усиленного роста. Повсеместно народы, исповедующие ислам, выдвигают, в противоположность общеевропейским принципам племенного национализма, национализм религиозный. В частности, в России исповедующие магометанство племена в общем ходе своей эволюции опираются не на личную свою, бытовую индивидуальность, а на религию как источник особого мировоззрения; в связи с этим, современная периодическая и иная пресса воссоздает искусство, науку, литературу не как достояние того или иного, исповедующего ислам племени, а как культурное достояние мусульманского мира, как бы единого по крови, языку и условиям быта.

Не подлежит, конечно, сомнению, — так рассуждало совещание, — что указанного рода явления представляют для русского государства грозную опасность. Очевидно, что в случае полного объединения всех магометанских племен России, насчитывающих уже теперь свыше 18 миллионов, государству нашему будет угрожать со всего внутреннего нашего востока и юга серьезная культурная борьба, исход которой предугадать весьма трудно.

Поэтому не подлежит сомнению, что принятие своевременных мер в целях обеспечения успеха русской государственности и культурному преобладанию русского элемента представляется крайне необходимым. Однако меры, направленные против объединения и самобытного культурного роста нашего мусульманства, поскольку эти явления могут угрожать интересам государства, могут, как убежденно высказалось совещание, быть только тогда плодотворными, когда меры будут обоснованы на определенной, строго продуманной и рассчитанной на продолжительное время системе.

Не подлежит сомнению, что, как уже высказано, мусульманская среда представляется и в России, в отношении принципов жизни, во многом однородной. Тем не менее, ошибочно было бы, по мнению совещания, приступая к суждениям о мусульманском населении России, стремиться непосредственно охватить всю означенную среду. Очевидно, что условия, напр., в наших туркестанских владениях столь своеобразны и полны столь особым историческим прошлым, что рассматривать их мусульманское население под углом зрения,

устанавливаемом для Поволжья, представлялось бы весьма рискованным. Не менее своеобразным представляется и кавказское население, исповедующее ислам, принадлежащее не только к разным племенам, но и к различным расовым группам. Поэтому, по убеждению совещания, наиболее целесообразным было бы сосредоточить преимущественное свое внимание на Поволжье, в широком значении этого слова, и, в частности, на Волжско-Камском крае, где определенно наметились очаги сознательного панисламизма и пантюркского движения, движения, уже поставленного в рамки определенной теории, противоречащей принципам жизни нашего государства. Конечно, имея суждения о названных территориальных пространствах, совещание не может оставлять без внимания остальные, населенные у нас магометанами, местности, но интересы дела, по убеждению совещания, требуют не расширения программы (она почти беспредельна), а ее суженія. Только узко, на первую очередь, поставленные рамки оградят совещание от опасности оказаться среди чрезмерно обширных, поэтому беспочвенных, суждений.

Этими мыслями совещание определило пределы своей задачи.

Обращаясь к тем целям, которые совещание должно преследовать, оно приняло во внимание, что мусульманство наше, проявляющее антигосударственные течения, выражает их в своем религиозно-культурном воззрении. В отвлеченно-теоретической постановке настоящего дела представлялось бы возможным предположить, что при просвещении народов, исповедующих ислам, светом христианства, весь мусульманский вопрос утратил бы свое значение, так как уже само проникновение в мусульманскую среду христианства знаменовало бы приобщение мусульманских племен к общерусской культуре. Однако, сколь ни является подобное разрешение дела желательным, оно не может, по мнению совещанія, почитаться осуществимым. Историческое прошлое с полною определенностью показывает, что при культурном столкновении двух миров: христианского и мусульманского, ни тот, ни другой не поддавался духовному и культурному порабощению. Господство того или другого мира там, где оно имело место, носило более внешний характер, причем ни христианская религия не уступила места мусульманству, ни мусульманство не поступалось своими верованиями в пользу христианства. Наличная действительность не дает основания полагать, чтобы мусульманство, как религия, по крайней мере, в ближайшем будущем, разлагаясь, открывало бы благоприятную почву для христианской проповеди. Не отрицая великого значения сей последней, совещание однако не находило возможным возлагать на нее в целях государственных какие-либо особые надежды. Засим, означенная проповедь, относясь всецело к

области деятельности церкви, едва ли могла бы быть регулируема государством. Напротив, вмешательство государства в деятельность церкви могло бы привести к весьма нежелательным осложнениям, приняв, без сомнения, если не характер гонения за веру, то стеснения в свободе вероисповедания тех своих граждан, которые в общей своей массе не выказывали и не выказывают пока враждебности государству.

Из сказанного не следует однако приходить к заключению, что государство, по мнению совещания, должно относиться к интересам церкви в сфере мусульманского народа и, в частности, в Поволжье индиферентно. Такого рода безразличное отношение было бы особо-ошибочным именно в отношении Поволжья. События недавнего прошлого показывают, что со времени объявления вероисповедной свободы мусульманская пропаганда, притом совершенно сознательно организованная, проявила в Поволжье необычайную интенсивность. Изучение этого явления показывает, что мусульманская пропаганда была направлена татарами частью на крещеных единоплеменников, частью на народности не татарского и даже не тюркского, а финского происхождения. Проповедь ислама изъяла из лона православия в пределах Поволжья (Казанская, Симбирская, Пензенская и Уфимская губернии) около 49 000 чел. Правда, громадное большинство отпавших (свыше 38 000) присоединилось к исламу непосредственно по опубликовании высочайшего указа 17 апреля 1905 года; правда, громадное число покинувших православие принадлежало, как показывает исследование наличного процесса, к православной церкви номинально; правда, число переходов в магометанство в течение 1908 и 1909 гг. свелось на незначительные цифры (800 и 240 человек), однако нельзя не считаться со всею серьезностью происходившего и происходящего перехода из православия в мусульманство, как с явлением симптоматическим. Изучение этого явления показывает, что приобщенные к православной церкви инородцы Приволжья не получили своевременно религиозного в духе православной церкви просвещения, оставаясь ему чуждыми; далее то же изучение с неопровержимой ясностью показывает, что означенные инородцы, составляя культурно-инертную среду во взаимно-культурной борьбе христианско-русского и мусульманско-татарского течения, склонились в пользу последнего; несомненно, следовательно, русские начала оказались в данной местности слабейшими и, именно, начала культурные, ибо переход инородцев в мусульманство знаменовал и знаменует, как то показывает и изучение данного процесса, не свободное направление духа к той или иной религии, а подчинение, под влиянием сознательного культурного труда, татарскому национализму в ущерб господству русских национальных начал. При таких условиях, без сомнения, на обязанности

совещания лежит, между прочим, изыскание средств для поддержания в Приволжском крае, а равно, по возможности, и в других местностях со смешанным населением, тех начинаний, исходящих от православной церкви, которые имеют не только чисто религиозное, но и культурное значение.

В сознании, что суть борьбы с мусульманским влиянием, с духовным ростом ислама, с пантюркскими и панмусульманскими идеями заключается не в миссионерской деятельности православной церкви, а в рациональных мерах культурного значения, совещание пришло к убеждению, что могущественнейший фактор, которым располагает государство для достижения своей цели, заключается в постановке учебного дела. Мусульманские деятели поступили, без сомнения, правильно, с точки зрения преследуемых ими целей, что главные свои силы направили на школу. При полном попустительстве власти, пантюркские пропагандисты уже достигли выдающихся успехов. Они развернули широкую сеть так называемых новометодных мектебе и медрессе, превратив эти, предусмотренные нашим законодательством училища как конфессиональные школы, в учебные заведения общеобразовательного характера. Таким образом мусульманские руководители присвоили себе одно из ценнейших постояний государства — школу, сделав тем самым важнейший шаг в деле религиозно-национальной автономности. Пагубные для государства последствия от такого шага, естественно, не замедлили сказаться во всем опасном объеме: в училищах под видом потребностей рационального изучения своей веры — ислама — как предметы преподавания вводились не имеющие с религией общего: арифметика, история Турции и география Турции; наряду с этим совершенно игнорировался русский язык, история России и география России; вместе с тем, пропагандировался искусственно создаваемый пантюркский язык. С точки зрения совещания, совершенно излишне детально анализировать программы разнообразных незакономерно создавшихся мусульманских школ, так как весьма тяжелые последствия для государства подобного рода постановки учебного дела не подлежат ни малейшему сомнению. По убеждению совещания, неоспоримой является необходимость приняться самым решительным образом за мусульманскую школу в смысле ясного разграничения сферы чисто конфессиональной и чисто культурно-воспитательной. Усматривая в той или иной постановке учебного дела всю сущность разрешения грозного мусульманского вопроса, совещание признало необходимым считать школьное дело как главнейшую цель своей заботы.

Независимо от сказанного, совещание не могло не обратить внимания на то, что порядок постановки у нас духовного управления

мусульман конструирован в значительной степени не в пользу государства. Кроме того, по убеждению совещания, местные и центральные власти не оборудованы правильно и систематически поставленным знанием всего, и, в частности — нашего, мусульманского мира. Неосведомленность в делах мусульман, как бы предоставленных самим себе, по мнению совещания, уже дала немало пагубных для интересов государства последствий. Причины этого явления — так рассуждало совещание — разнообразны и сложны. Во многом эти причины стоят в тесной связи с общей постановкой у нас местного управления. Аннулировать все причины одновременно невозможно, однако устранять себя от суждений в этой области совещание находило неправильным. Поэтому в числе целей, подлежащих преследованию, совещание признало как неподлежащее сомнению соображение ряда административных мер, относящихся до управления мусульманством.

Полагая, что намеченный ряд заседаний представляет лишь первый цикл работ по мусульманскому вопросу, совещание приступило непосредственно к суждениям, намеченным в соответствии с изложенными мыслями.

I. Меры духовно-просветительные.

Обратившись, прежде всего, к вопросу о духовном просвещении того, преимущественно инородческого, населения, которое именно благодаря слабости, а также и полному отсутствию этого просвещения поддалось татарско-мусульманскому влиянию, совещание не могло не остановиться на духовно-просветительной деятельности уже существующих в Приволжье организаций, а равно способов, которые представлялось бы возможным применить для поднятия и расширения таковой деятельности.

Из числа подобных организаций, по мнению совещания, особенного внимания заслуживает братство св. Гурия, деятельность коего сводится к содержанию миссионерских школ в тех местностях, где наиболее замечается усиление магометанского влияния, и где, вследствие малого количества крещеных инородцев, не могут быть открываемы школы обычного типа.

Означенные школы являются для глухих местностей с преобладающим магометанским и языческим населением единственным средством для ограждения крещеных инородцев от татарско-мусульманского влияния и для проведения в их среду начал русско-христианской культуры.

Установив плодотворную в этом отношении деятельность школ братства св. Гурия, остановивших во многих случаях влияние

натиска магометанства, совещание, вместе с тем, выяснило, что в настоящее время, благодаря недостаточности у братства денежных средств, содержимые им школы являются весьма плохо оборудованными как с хозяйственной стороны, так и со стороны учительского персонала, получающего за свой труд более чем ничтожное вознаграждение, и что в будущем, в случае неоказания братству соответствующей поддержки, оно будет принуждено закрыть значительное число школ. Таким образом, угаснут светильники, хотя и скудного пока, просвещения, и население останется без всякого воздействия в области духовно-просветительной.

В виду сего совещание пришло к заключению о необходимости не только сохранения существующих братских школ, но и улучшения их материального положения.

Обратившись собственно к способу осуществления выраженного предположения, совещание не могло не принять во внимание, что настоящее неудовлетворительное положение школ имеет отчасти своей причиной то обстоятельство, что братство св. Гурия не находится в каком-либо ведомстве, от коего оно могло бы пользоваться денежной поддержкой. Однако, по мнению совещания, передача означенных школ в какое-либо ведомство имела бы и свои серьезные отрицательные последствия для братства, зарекомендовавшего себя в течение нескольких десятков лет плодотворной деятельностью по просвещению инородцев и, в случае передачи школ братства в определенное ведомство, к ним, без сомнения, будет применен какой-либо определенный тип, тогда как именно отсутствие такового и широкая приспособляемость школ братства к местным потребностям является главной причиной их успеха. Не подлежит, зaсим, сомнению, что в смысле передачи означенных школ в какое-либо ведомство целый ряд их подлежал бы, за малочисленностью учеников, закрытию. Этим был бы нанесен большой нравственный урон миссионерскому делу, так как неминуемо последовало бы отпадение в мусульманство тех заброшенных семейств крещеных инородцев, приверженность которых поддерживается исключительно школами братства. По изложенным основаниям, совещание признало необходимым сохранить указанные школы в ведении братства. Для совещания представлялось совершенно ясным, что без денежной поддержки братство не в состоянии поднять свои школы из того убогого положения, в котором они находятся. Признавая, что дело, руководимое братством св. Гурия, с первого взгляда — местного значения, в действительности, имеет значение общегосударственное, совещание пришло к убеждению, что братство должно для подлержания и развития своей деятельности получать денежную помощь из общих средств.

Имея, засим, в виду, что, помимо Казанской епархии, и в других местностях с инородческим населением (например, в Вятской губернии) существующие миссионерские организации не могут достигать значительных успехов в борьбе с пропагандой ислама среди инородцев за недостаточностью денежных средств, совещание полагало желательным, помимо братства св. Гурия, оказать денежную поддержку и другим организациям, преследующим духовно-просветительные и миссионерские цели в духе православной церкви и не располагающим достаточными материальными средствами для развития своей деятельности.

В связи с изложенным совещание обратилось к суждениям о важности обеспечения крещеных инородцев проповедью слова божия на их родном языке. Только родной язык, по убеждению совещания, в состоянии закрепить веру, ибо молитва и богослужение на своем языке — это неотъемлемое право каждого верующего. Правда, ислам опирается не на родной язык правоверных, а на чуждый многим из них арабский. Однако, во-первых, родной язык не исключается из молитвы верующего, а во-вторых, арабский язык для мусульманина представляется языком религиозной мудрости, и, во всяком случае, обязательное употребление арабского языка не относится к положительным и сильным сторонам мусульманства. Независимо от этих суждений, по убеждению совещания, не может подлежать сомнению то, что проповедь веры на родном языке содействует общему успеху этой проповеди. Кроме того, нельзя не иметь в виду, что миссионерское дело стало бы на весьма рискованный путь, если бы оно, наряду с чисто религиозными задачами, стало бы преследовать задачи политические: денационализацию инородцев и их обрусение. Это последнее не должно смешиваться с священными символами христианства — крестом и евангелием. Кроме того, обрусение инородцев должно венчать дело приобщения инородцев к русской культуре; оно должно быть конечной и потому отдаленной целью государства, а не средством в руках миссионера.

Исходя из изложенных суждений, совещание не могло не остановить особого своего внимания на тех поместных учреждениях, непосредственною целью коих является духовное просвещение инородцев преподаванием им православной веры на их родном языке.

Таковыми учреждениями в Казани являются миссионерское отделение при Казанской духовной академии и миссионерские курсы при Спасо-Преображенском монастыре, предназначенные специально для подготовки лиц, знакомых с наречиями и бытом инородцев, к духовно-просветительной и миссионерской деятельности.

По отношению к первому из этих заведений в совещании было выяснено, что оно в настоящее время потеряло свой интерес среди студентов академии, главным образом в виду того, что оканчивающие на нем курс лица не находят в дальнейшей деятельности практического применения своих познаний и что преподавание восточных языков не имеет должной постановки, обеспечивающей основательное практическое с ними знакомство. Приняв во внимание, что подготовка миссионеров и священников в инородческие приходы, а равно вообще лиц, знакомых с языком, верованиями и бытом восточных инородцев, представляется делом первостепенной важности как для успешной борьбы с татарско-магометанским влиянием, так и для осведомленности о всех явлениях, происходящих в мусульманском мире, совещание признало необходимым поднять деятельность миссионерского отделения путем привлечения на него большего количества слушателей и должной постановки практического изучения инородческих наречий.

В этих видах совещание нашло необходимым облегчить условия поступления на миссионерское отделение разрешением принимать на таковое окончивших курс духовных семинарий и по II разряду, а равно и средних учебных заведений по поверочному испытанию. С другой стороны, совещание полагало соответственным облегчить оканчивающим курс отделения возможность применения практических познаний, предоставив им преимущественное право на занятие мест миссионеров, священников в инородческих приходах и преподавателей некоторых богословских предметов в духовных семинариях епархий с инородческим населением, а равно и инспекторов народных училищ, по прослужении ими известного количества лет на преподавательских должностях. Вместе с тем, для улучшения преподавания инородческих наречий, совещание признало необходимым учредить на миссионерском отделении две кафедры по местным инородческим наречиям, с отпуском на это необходимых средств. Слушателей специальных предметов, по мнению совещания, было бы правильным освободить от обязательного изучения некоторых других предметов, например, древних языков.

Обратившись к Казанским миссионерским курсам, специально предназначенным для подготовки в инородческие приходы священников, практически знакомых с инородческими наречиями и способами борьбы с магометанством, совещание выяснило, что эти курсы, хотя и дают основательное практическое знание инородческих наречий и наиболее близко стоят к жизненным потребностям в деле просвещения инородцев, но, за недостатком средств и несоответствием помещения, не могут расширить своей деятельности. Высказав пожелание

о некоторых изменениях внутреннего строя курсов в смысле увеличения продолжительности преподавания с двух лет на три или четыре года и замены лекционного способа поурочным, совещание приняло однако во внимание, что изменения эти всецело входят в компетенцию местного епархиального управления. Не вдаваясь поэтому в подробности настоящего вопроса, совещание не сочло однако возможным умолчать о необходимости предоставить курсам возможность расширить свою деятельность. Для достижения этого, без сомнения, потребна денежная субсидия хотя бы для устройства и оборудования соответственного помещения.

В связи со сказанным совещание не могло не признать необходимым рациональную постановку преподавания инородческих языков в духовных семинариях епархий с инородческим населением. Поэтому совещание выразило пожелание, чтобы в означенных семинариях преподаванию местных языков был придан обязательный, наравне с прочими главными предметами, характер.

Обратившись засим к обсуждению вопроса об обеспечении учительским персоналом существующих в количестве более 500 русско-инородческих церковно-приходских школ и школ грамоты, совещание приняло во внимание заявление представителя училищного совета при святейшем синоде о недостаточном числе существующих учительских школ для подготовки учительского персонала. Очевидно, что школьная сеть только тогда достигает цели, когда комплектование ее учительского персонала не представляет затруднения. При этом несомненно, что учителя должны быть вооружены в инородческих местностях не только общими знаниями, но и знанием местных языков. Поэтому совещание признало необходимым не только увеличение числа существующих двухклассных учительских школ духовного ведомства, с открытием таковых в главных инородческих центрах, но и введение для обучающихся в этих школах лиц русского происхождения обязательного изучения местных языков. Изучив представленные материалы по вопросу об относительном обеспечении местного инородческого населения учебными заведениями, совещание наметило пункты, в коих, по его мнению, преимущественно желательно было бы иметь церковно-учительские школы, а равно указало на те же существующие второклассные школы, средства коих представлялось бы необходимым усилить (Приложение 1) [1]).

Соображая те невыгодные условия, в которые поставлено население в местностях, преимущественно подвергающихся мусульманской пропаганде, совещание признало необходимым дать христианскому

[1]) Приложения к данному журналу не публикуются. — *Ред.*

инородческому населению оружие, могущее защитить его от влияния мусульманских агитаторов. С этою целью, по мнению совещания, необходимо сообщать на уроках закона божия в указанных выше школах сведения о мусульманской религии, о преимуществах православной веры и о полемических приемах обличения мусульманства с тем однако, чтобы подобного рода постановка уроков закона божия не носила воинствующего характера.

Для достижения намеченной цели совещание признало необходимым составление и издание краткого очерка истории мусульманства и обличительного противомусульманского катехизиса, назначив за лучшие сочинения соответствующие премии.

В целях развития общедоступной противомусульманской литературы в совещании была выражена мысль о желательности создания особого периодического органа при Казанской духовной академии на русском и татарском языках.

Такой орган, по заявлению члена совещания ректора названной академии, епископа Алексея, мог бы быть издаваем благодаря даровому сотрудничеству в журнале профессоров и лекторов академии, преподавателей учительской семинарии и миссионерских курсов и корреспондентов из бывших студентов академии и при существовании вполне оборудованной академической типографии, при ежегодной субсидии в размере лишь 3 200 рублей.

При обсуждении данного вопроса совещание не могло не признать, что подобный орган является весьма желательным как для укрепления в началах православной веры крещеных татар, которые в количестве около 100 000 человек представляют в настоящее время важную опору в деле борьбы с магометанством, так и для осведомления учителей народных школ и духовенства со всеми явлениями, происходящими в мусульманском мире.

При этом однако совещание полагало, что предположенная в указанном незначительном размере субсидия вряд ли даст академии возможность издавать надлежащим образом оборудованный журнал.

В виду сего, а равно затруднительности определить, в какие формы окончательно выльется предположенный журнал, совещание признало более целесообразным оказать академии денежную поддержку лишь в виде единовременного пособия в намеченном выше размере на издание в миссионерско-апологетических целях народного религиозно-просветительного органа с тем однако, чтобы таковое пособие могло быть возобновлено по удостоверении в действительности достигнутых результатов.

Соображая сумму всех местных причин, которые нанесли православной церкви тяжелый, благодаря многочисленным отпадениям,

материальный и нравственный урон, совещание, не касаясь качественного уровня поместного духовенства, относящегося к общему вопросу об обеспечении церкви надлежащими служителями, не могло не остановить внимания на том, что высшие руководители как паствы, так и клира находятся в громадном большинстве случаев далеко и от управляемого ими духовенства и от подведомственных им мирян. Поэтому правящим епископам не представляется никакой возможности ближайшим образом следить за деятельностью духовно-просветительных органов и давать им надлежащие руководства.

Равным образом, и викарные епископы не в состоянии осуществлять пастырского надзора и руководительства, в виду проживания их в большинстве случаев при кафедре правящего архиерея.

Между тем частые посещения епископами своей паствы являются, по убеждению совещания, особо необходимыми как для объединения и направления деятельности духовно-просветительных и миссионерских органов, так и для ближайшего общения и воздействия на население, в особенности на крещеных инородцев и на русских переселенцев, поселенных среди мусульман.

Для достижения указанной цели совещание высказалось за необходимость пребывания епископов на местах.

Означенная мера, по мнению совещания, могла бы быть осуществлена путем учреждения новых епархий и назначения местожительства викарных епископов не в центре епархий, т. е. не при кафедре правящего архиерея, а на периферии, т. е. на местах.

Озабочиваясь далее мерами поддержания и усиления средств для духовно-просветительной борьбы с магометанским влиянием, совещание признало, что производящиеся в настоящее время, хотя и в незначительном количестве, внешкольные занятия для взрослых и детей и собеседования на религиозно-нравственные темы в духе православной церкви оказывают благотворное влияние на местное население, давая им необходимую опору для борьбы с магометанством. В соответствии с этим, совещание нашло целесообразным развить подобные занятия и собеседования, предоставив духовенству, а с разрешения епархиальной власти, и светским лицам, в лице, например, учителей начальных школ, возможность к устройству таковых занятий и собеседований.

Вместе с тем совещание высказало пожелание о том, чтобы при школах были открываемы библиотеки и читальни с изданиями для народа духовно-нравственного содержания на русском и инородческом языках.

Независимо изложенного, совещание обратило внимание на то, что материальная обеспеченность православного духовенства, в осо-

бенности сельского, ставит духовенство в зависимость от прихожан и лишает его необходимого среди них авторитета. Означенное обстоятельство, по мнению совещания, является одной из важнейших причин, влияющих в отрицательном смысле на успех миссионерской деятельности православного духовенства среди инородцев.

Сознавая, что вопрос об обеспечении духовенства составляет общий вопрос о постановке его быта, совещание, тем не менее, нашло необходимым, для успешности проведения в жизнь проектированных выше мер духовно-просветительного характера, отметить крайнюю необходимость в улучшении материального положения сельского духовенства в инородческих приходах, с назначением ему определенного и достаточного содержания.

(Окончание следует.)

Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины.

(Из переписки П. А. Столыпина с гр. И. И. Воронцовым-Дашковым.)

Окончание [1]).

По поводу указываемой вашим высокопревосходительством неудовлетворительности в постановке тюремного дела в крае и связанного с этим учащения побегов из мест заключения арестантов, прежде всего необходимо остановиться на тех общих причинах, устранение коих находится вне зависимости от главного кавказского начальства, но ближайшие реальные последствия которых могут служить основанием для обвинения местной администрации в бездействии и даже попустительстве власти. Прежде всего о сколько-нибудь серьезной постановке тюремного дела можно говорить лишь при наличности на местах таких тюремных зданий, которые по своему устройству, вместимости и удобству расположения могли бы содействовать к установлению в местах заключения соответствующего тюремного режима. Таких мест заключения в крае совершенно нет. Все тюрьмы, не исключая даже и тех, которые до настоящего времени могли еще кое-как удовлетворять своему назначению, за последнее время, вследствие систематических отказов главного тюремного управления в отпуске средств на капитальный и мелочный ремонт их, пришли в совершенную ветхость.

1. Здание тифлисского Метехского замка, несмотря на частые ремонты, совершенно приходит в упадок, в стенах появились трещины, кирпичные столбы разваливаются, полы и оконные переплеты прогнили, в потолках и половых балках появились прогибы, кровельная обрешетка прогнила. Еще в худшем положении находится Тифлисская губернская тюрьма, здания которой, выстроенные из камня на глине, совершенно обветшали. При этом необходимо отметить, что в тифлисской губернской тюрьме, рассчитанной на содержание

---

[1]) «Красный архив», т. III (34), 1929 г., стр. 184—221.

300 арестантов, содержится ныне 626 человек. В Метехском замке, рассчитанном также на 300 человек, содержится 509 человек. Были периоды, когда в этих тюрьмах цифры заключенных были гораздо выше. Предварительные проектные предположения на постройку новой тюрьмы в Тифлисе хотя и были составлены, но ходатайство о постройке ее не было возбуждено, ввиду воспоследовавшего 13 января 1903 года высочайшего повеления о сокращении новых из казны издержек.

Засим, проектируемый в последние годы новый порядок ассигнования кредитов на тюремную часть, по которому, ввиду неутверждения государственной росписи к установленному сроку, кредиты открываются не в полном годовом размере, а помесячно, вызывает много справедливых жалоб со стороны кредиторов казны на неудовлетворение их в срок причитающимися им платежами за наем у них зданий под тюремные помещения и проч., а также ставит тюремную администрацию в затруднительное положение в отношении удовлетворения многих неотложных расходов по продовольствию и лечению арестантов, заготовлению для них одежды, обуви и т. п. Для примера можно привести здесь некоторые данные. По временному кассовому расписанию расходов по тюремной смете на 1908 г. было ассигновано на продовольствие здоровых арестантов в тифлисской губернской тюрьме и Метехском замке за январь месяц 3 000 руб. и на содержание и лечение больных арестантов за этот же месяц 1 500 руб. Между тем действительный расход в январе месяце по продовольствию здоровых арестантов выразился в сумме до 6 000 руб., а по содержанию больных до 2 800 руб. Об отпуске необходимых материалов для заготовления одежды и обуви для арестантов тифлисский губернатор отнесся в главное тюремное управление еще 23 ноября 1907 г. Материалы до сего времени остаются невысланными, и даже только 8 апреля сего года названный губернатор получил из главного тюремного управления телеграмму с запросом — выслать ли вещи в готовом виде или же выслать материал.

2. Бакинская тюрьма, рассчитанная всего на 280 человек, уже начиная с 1905 года содержит в себе свыше 700 заключенных. Нередко бывали случаи, когда арестанты, не вмещаясь в зданиях тюрьмы и приспособленных под камеры тюремных мастерских, должны были находиться на дворе, под открытым небом, под охраной воинского караула, впредь до освобождения мест в тюрьме. Кроме того, главный корпус тюрьмы пришел в совершенную ветхость, полы грозят провалом и штукатурка потолка во многих местах обвалилась. Обстоятельства эти, в связи с пожаром мастерских, в которых размещалось до 80 арестантов, послужили для местных властей основанием собственною властью заключить в 1905 году контракт на наем частного поме-

щения для дополнительной тюрьмы, не входя в предварительное сношение с главным тюремным управлением, так как всякое промедление в этом отношении могло повлечь за собою весьма нежелательные последствия. Затем, согласно ходатайству моему, срок контракта на наем дополнительного помещения был продлен главным тюремным управлением.

Разрешив сначала наем 9-ти надзирателей для охраны дополнительного помещения бакинской тюрьмы, главное тюремное управление отказало бакинскому губернатору в сохранении этих надзирателей на 1907 год, за недостаточностью ассигнуемых кредитов, и только после настояния моего (18 ноября 1906 года) было разрешено сохранить указанный штат на первую половину 1907 года. По отдельным случаям необходимо заметить, что несвоевременным ассигнованием и сокращением кредитов на содержание арестантов тюремное управление ставит местное начальство в безвыходное положение, ввиду того, что подрядчики отказываются доставлять для тюрем продукты в кредит, и арестанты постоянно рискуют остаться без пищи, а больные арестанты — без медикаментов.

Испрошенный на обыкновенный ремонт мест заключения бакинским губернатором кредит в размере 1 900 руб. был уменьшен, по состоянию назначенных по тюремной смете строительных кредитов, до 1 500 руб. на 1907 год. Следует обратить внимание и на то, что главное тюремное управление часто ставит местную власть в невозможность удовлетворять законные требования арестантов. Так, например, тюремное управление 15 февраля 1906 года уведомило бакинского губернатора, что им сделано распоряжение о высылке в гор. Баку кожевенного товара на 3 088 пар котов. Не получая такого товара, бакинский губернатор входил в тюремное управление о высылке товара 2 сентября, 14 ноября и 18 декабря того же года, но ни на одно из повторений ответа не получал, и только после телеграммы моей об экстренной высылке товара, ввиду неимения обуви для арестантов, главное тюремное управление уведомило, что подрядчик выслал товар для котов лишь 30 января 1907 года, т. е. почти через год после уведомления о высылке товара, и то в ограниченном количестве — всего на 1 000 пар.

В настоящее время бакинская тюрьма заключает в себе от 1 000 до 1 300 арестантов, при почти постоянной норме в 900 человек; в дополнительном же помещении содержится до 120 арестантов.

3. Нанятое с 1899 года по контракту на десять лет помещение под потийскую тюрьму за плату 1 900 руб. в год рассчитано всего на 35 человек заключенных. За 1906 и 1907 гг. тюрьма эта пришла в совершенную негодность, ввиду того, что владелец дома — потий-

ское кредитное общество, — не получая от тюремного управления арендной платы за два года, отказался от производства в тюрьме каких-либо ремонтных работ. Лишь после энергичного настояния моего об отпуске обществу причитающихся денег (4 января 1908 года) главное тюремное управление открыло кредит для удовлетворения законных претензий общества. В настоящее время потийская тюрьма постоянно переполнена вследствие направления через нее этапов, проходивших раньше, до пожара батумской тюрьмы, через Батум.

4. Вопрос о постройке казенного здания для батумской тюрьмы возбуждался еще до образования Батумской области кутаисской администрацией, причем постоянно указывалось на полное несоответствие нанятого здания тюремным целям. Рассчитанное на 80 человек, здание это вмещало в себе до 400 арестантов, что крайне неблагоприятно отражалось на надзоре за заключенными. Кроме того, самое расположение тюрьмы у берега моря грозит опасностью разрушения здания, так как берег от действия сильных штормов совершенно размыт, и вода подходит к самым зданиям тюрьмы. 10 мая 1907 года я вошел в министерство юстиции с ходатайством о возможно скорейшем разрешении вопроса о постройке нового здания, но ходатайство это не могло получить благоприятного разрешения, вследствие того, что Совет Министров признал необходимым ограничить производство новых расходов по смете 1907 года.

Численный состав тюремной администрации и получаемое им вознаграждение (смотритель тюрьмы — 53 руб. 33 коп., старшие надзиратели —25 руб., младшие — 18—20 руб. в месяц) совершенно не обеспечивает возможности иметь надлежащий надзор за арестантами и соответствующего выполнения служащими своих обязанностей, о чем неоднократно сообщалось тюремному управлению. После многократных настояний, тюремное управление согласилось нанять для тюрьмы 6 добавочных надзирателей и затем уже признало необходимым включить их в постоянный состав стражи. Возведенная в последнее время главным тюремным управлением в систему несвоевременность в ассигновании кредитов на содержание арестантов, а также постоянный недостаток в тюрьме постельных и одежных принадлежностей неоднократно побуждали меня к необходимости прибегать к позаимствованиям денег из штрафных сумм на устройство мест заключения, сообщая о сделанном позаимствовании для сведения главного тюремного управления. Наконец, ввиду того, что число заключенных стало доходить до 400, причем для тюремных надобностей был занят также и арестный дом, мною возбуждено перед министром юстиции ходатайство о найме для тюрьмы 12 добавочных надзи-

рателей для возможности нормальной постановки тюремного наблюдения.

5. В целях поддержания здания шушинской тюрьмы в исправном состоянии елисаветпольским губернатором в 1905 г. было признано необходимым произвести в тюрьме капитальный ремонт, исчисленный в сумме 3 011 руб. Но несмотря на двукратные представления по этому поводу, главное тюремное управление неизменно отзывалось: 1) в 1905 г. — что, «не отрицая желательности производства намеченных ремонтных работ, оно, за неимением средств, лишено возможности отпустить просимую на ремонт сумму денег», и 2) в 1906 г. по тому же поводу, что — «по соображении с наличным состоянием тюремно-строительных кредитов, главное тюремное управление лишено возможности отпустить испрашиваемый кредит и вынуждено отложить ремонт до наступления более благоприятного в финансовом отношении времени».

Несмотря на сделанное, по моему поручению, сношение по этому же вопросу 1 ноября 1906 г., главное тюремное управление вновь отказало в открытии кредитов, ссылаясь на затруднительное финансовое положение.

6. О необходимости производства капитального ремонта в карсской тюрьме, а также и об удовлетворении ремонтных мастеровых за выполненные ими работы, обыкновенные и мелочные, было сделано, по моему поручению, сношение с главным тюремным управлением, но ответа по этому вопросу со стороны тюремного управления не последовало и до настоящего времени.

7. В кутаисском тюремном замке, рассчитанном на 250 арестантов, уже в 1906 г. норма в 800 заключенных делается постоянной; здание тюрьмы перестало соответствовать требованиям тюремного режима, начиная с 1899 г. В 1907 г. я настоял перед военным ведомством об отпуске под дополнительное помещение тюрьмы законтрактованного военно-инженерным управлением частного дома. Однако и эта мера немного способствовала уменьшению числа заключенных в замке. В 1907—1908 гг. неоднократно были случаи переполнения замка 1 000 арестантами, с помещением больных из них даже в коридоре.

8. Сенакская тюрьма, рассчитанная на 36 человек, вмещает постоянно не менее 90 человек, зугдидская, вместо 40, вмещает 120 человек, квирильский арестный дом, вместо 30, вмещает до 100 арестантов и — всего при двух надзирателях.

9. В сухумской тюрьме, построенной на казенном участке земли, рассчитанной на 30 человек, число заключенных в июне 1907 г. доходило до 225 человек, т. е. в 7½ раз превышало норму. Ввиду такой

скученности арестантов и появившихся вследствие этого тифозных и других заболеваний, мною предписано было местной администрации изыскать подходящее помещение для размещения части арестантов. Так как в тюремном дворе оказалось достаточно места для возведения дополнительной постройки на 100 человек арестантов, сооружение каковой могло бы обойтись не свыше 6 000 руб., то я, 7 июня 1907 г., просил об единовременном ассигновании 6 000 руб. на возведение в тюремном дворе дополнительной постройки на 100 человек. Деньги эти ныне ассигнованы, и к постройке будет приступлено по составлении плана и сметы предполагаемого здания.

Теснота в сухумской тюрьме достигала в 1907 г. того, что ночью могла спать лежа только $^1/_3$ арестантов, а остальные $^2/_3$ должны были засыпать, частью сидя, а частью стоя, прислонившись к стене; в больничной же камере, переполненной по случаю тифа, на кроватях лежало по 2 арестанта, а часть больных лежала прямо на полу.

10. Здание александропольской тюрьмы, ветхое, сырое, тесное, — совершенно негодно и не безопасно. Стены тюрьмы настолько непрочны, что потребовали укрепления их контрфорсами. Кроме того, вследствие землетрясения, в стенах и потолках появились трещины, настолько опасные, что некоторые помещения, как, например, больницу, пришлось закрыть. Благодаря расположению среди частных домов, разбросанности и неудобному размещению камер, плохому их освещению и неудовлетворительному состоянию стен, совершение побегов является весьма легким, так как окарауливание тюрьмы при этих условиях очень затруднительно. Что же касается тесноты помещения, то о ней можно судить по тому, что тюрьма, рассчитанная на 85 человек, содержит свыше 150 человек.

11. Здание эриванской тюрьмы тоже находится в совершенно неудовлетворительном состоянии и требует капитального ремонта. На ходатайство эриванского губернатора, возбужденное в июне 1905 г., об отпуске на указанную надобность 5 452 руб. 14 коп., главное тюремное управление сообщило, что оно лишено возможности отпустить испрашиваемую сумму, за израсходованием отпускаемых в его распоряжение на тюремно-строительную надобность кредитов, указав при этом, что, согласно воспоследовавшего 12 июля 1904 г. высочайшего повеления, всякого рода строительные работы, ввиду необходимости изыскания средств на покрытие расходов, вызываемых войною с Японией, должны быть ограничены лишь случаями особой исключительности, и что главное тюремное управление лишь по окончании военных действий примет меры к удовлетворению приведенных выше требований. В октябре 1906 г. эриванский губернатор вновь возбудил ходатайство об отпуске средств на капитальный ремонт

эриванской тюрьмы, и на это ходатайство главное тюремное управление уведомило, что, вследствие ограниченности кредитов и ввиду того, что отпуск испрашиваемых дополнительных ассигнований по главному тюремному управлению на тюремно-строительные надобности признан Советом Министров, при современных финансовых обстоятельствах, недопустимым, оно поставлено в необходимость приостановиться разрешением вопроса об отпуске средств для капитального ремонта эриванской тюрьмы до наступления более благоприятных финансовых обстоятельств. Таким образом тюрьма осталась без ремонта до настоящего времени.

Переходя к вопросу о способе осуществления тюремного надзора, необходимо признать, что, даже при нормальном числе арестантов в тюрьмах края, количество надзирателей и смотрителей является далеко недостаточным, не говоря уже о настоящем составе арестантов, при котором наличный штат представляется настолько незначительным, что буквально теряется в массе заключенных. При этом необходимо иметь в виду, что смотрители тюрем постоянно отвлекаются от непосредственного надзора за тюрьмами массой письменной работы по отчетности о довольствии арестантов и др. Поэтому увеличение числа тюремных надзирателей и учреждение в тюрьмах должностей помощников смотрителей является первейшей неотложной необходимостью. Тяжелые условия службы тюремного надзора, невозможность смены до отдыха, положенных *) по закону, нищенское содержание (смотритель от 40 до 50 руб., а надзиратель от 15 до 25 руб., т. е. содержание, на которое при нынешней дороговизне нет возможности существовать) — создают такое положение, что на освобождающиеся вакансии даже смотрителя нет возможности приискать подходящего человека, и если существующий штат надзора продолжает нести службу, то, главным образом, потому, что считает занимаемую должность переходною на службу полиции. Как на пример безотрадного положения смотрителей тюрем, следует указать на случай отказа вольнонаемных писцов и урядников стражи Бакинской губернии заместить освободившиеся вакансии смотрителей тюрем. Не менее затруднительно приискать соответствующих служащих на должности смотрителей тюрем кутаисской и потийской, в особенности первой. На смотрителе кутаисской тюрьмы лежит ответственность по надзору за 800—900 арестантами, сложное тюремное хозяйство; он обязан находиться в тюрьме по 18 часов в сутки, получая за подобный громадный труд вознаграждение лишь в размере 500 рублей в год, при готовой квартире. Естественно, что желающих занять эту должность из лиц, при-

*) Так в подлиннике.

годных на таковую, — не находится, а если и находится, как настоящий смотритель кутаисской тюрьмы, то лишь в надежде в ближайшем будущем получить место участкового пристава.

Насколько трудно приискать добросовестных тюремных надзирателей, показывает и то обстоятельство, что, например, в Кутаисском тюремном замке, при штате в 30 человек надзирателей, за время с 1 января 1907 г. по 1 текущего июня было уволено 57 надзирателей, но, при всем том, и в настоящее время значительную часть тюремных надзирателей составляют люди, не заслуживающие доверия; заменить же их лицами, соответствующими назначению, представится возможным лишь тогда, когда будет улучшено их материальное положение. Кроме этого, служба тюремного надзора усложняется в том отношении, что строгое и неукоснительное выполнение надзором своих служебных обязанностей влечет за собою месть со стороны родственников заключенных, что, между прочим, выразилось в убийстве в течение 1906—1907 гг. пяти тюремных надзирателей и тяжком поранении смотрителя тифлисского Метехского замка; в кутаисской же тюрьме за 1907 г. были убиты смотритель и два надзирателя тюрьмы.

Ввиду переполнения мест заключения производство частых тщательных обысков арестантов является для чинов тюремной администрации совершенно непосильным; надлежащий же надзор за камерами фактически невозможен, так как, за недостатком мест на нарах, арестанты лежат под нарами; скопление большого числа арестантов в камерах лишает возможности видеть, кто из них что делает. Само собою разумеется, уездным начальникам и полицеймейстерам представляются самые категорические требования иметь постоянный личный бдительный надзор за подведомственными им местами заключения, но, предъявляя эти требования, нельзя не сознавать, что, в действительности, они мало выполнимы.

В общем, при существующем положении вещей, можно признать, что в отношении побегов минувший год не должен считаться исключительным, а если принять во внимание, что большая часть арестантов бежала из кутаисской тюрьмы через подкоп, выведенный снаружи, — следует прийти к заключению, что, при всей трудности надзора за арестантами, начальники полиции и чины тюремной администрации *успешно выполняли этот надзор*. Не подлежит сомнению, что весьма существенную роль в деле предупреждения побегов сыграла воинская охрана. За всем тем, одной наружной охраны недостаточно, и действительною мерою предупреждения побегов являлось назначение внутренних воинских постов у каждой камеры. Однако увеличение постов от воинских частей для окарауливания тюрем представляется неосуществимым, ввиду последовав-

шего распоряжения военного министра о всемерном сокращении воинских нарядов для содействия гражданской администрации.

Независимо от отдельных ходатайств местного кавказского начальства об увеличении штатов и улучшении материального положения тюремного надзора, оставляемых, в большинстве, главным тюремным управлением без удовлетворения за неимением средств, в 1903 г. был возбужден общий вопрос о пересмотре штатов тюремных учреждений Закавказского края, который однако не мог получить своевременно движения в установленном порядке, за воспоследованием 12 июля 1904 г. высочайшего повеления о всемерном сокращении новых расходов, причем и последующее стесненное состояние средств государственного казначейства обусловливало дальнейшую отсрочку предположенных по сему вопросу главным кавказским начальством мероприятий. Вопрос этот ныне вновь пересматривается для внесения его на рассмотрение законодательных установлений, в связи с теми дополнениями, кои были вызваны изменившимися за истекшее от 1903 г. время условиями тюремной жизни. В самом непродолжительном времени проект об усилении штатов администрации и стражи мест заключения Кавказского края будет представлен в установленном порядке. Значительным препятствием в деле надлежащей постановки тюремного дела в крае служит, между прочим, неучреждение до сего времени должностей тюремных инспекторов и их помощников, т. е. таких лиц, кои, обладая специальными познаниями по тюрьмоведению, могли бы посвятить свое время на изыскание наилучших по местным условиям способов по управлению тюрьмами.

Полагая, что перечисленные неблагоприятные условия постановки тюремного дела не могут способствовать сокращению побегов арестантов из тюрем, тем не менее, необходимо указать на некоторые отдельные случайного характера причины, способствовавшие за последнее время учащению побегов заключенных: так, прежде всего, несвоевременная присылка, несмотря на неоднократные напоминания, главным тюремным управлением материала для постройки арестантской одежды, принуждает тюремный надзор мириться с хроническим пребыванием в тюрьме арестантов не в установленной одежде, облегчающей совершение побегов. Точно также продолжительное рассмотрение судами политических дел, ввиду пользования политических заключенных собственной одеждой, в значительной степени облегчает совершение побегов. Отсутствие при всех почти тюрьмах края штатных больниц и врачей, состоящих на государственной службе, в связи с развившимися за последние годы эпидемическими заболеваниями среди арестантов, оказало значительное влияние на увеличение числа побегов из тюрем, так как неприспособленность временно

устраиваемых помещений для больных и постоянное присутствие в них вольнопрактикующих врачей и фельдшеров создают весьма благоприятную обстановку для облегчения сношения заключенных с внешним миром и для совершения ими побегов.

Что касается мер для улучшения, в пределах возможного, надзора за арестантами, то таковые применяются в виде временных подкреплений тюремной администрации околодочными надзирателями, а тюремного надзора — резервными городовыми, частыми разобщениями арестантов путем перевода наиболее беспокойных из одной тюрьмы в другую, в виде посещения тюрем начальствующими лицами как днем, так и ночью, и повальных обысков при содействии особо командируемой воинской части и, наконец, накладыванием на виновных в попытках к бегству или склонных к побегу преступников кандалов.

Но однако и эти меры далеко не гарантируют от возможности появления в руках заключенных различных предметов для совершения преступлений, так как за добросовестность и неподкупность многих из надзирателей не только нельзя поручиться, но, напротив, все данные убеждают в том, что подкупы в отдельных случаях имеют место; установить же соучастие заподозреваемых лиц нет никакой возможности, и поневоле администрации приходится ограничиться лишь увольнением виновных от службы.

О том, в каких широких размерах чины тюремного надзора, виновные в нарушении обязанностей службы, привлекаются к дисциплинарной и уголовной ответственности, едва ли надлежит особо говорить, так как ни одно из сколько-нибудь значительных упущений по службе не оставляется без соответствующего возмездия со стороны начальства. В частности, по поводу побега из кутаисской тюрьмы должно заметить, что за истекший год, вопреки указываемым министерством внутренних дел данным о 40 случаях побегов, в названной тюрьме число побегов не превышало 4 случаев, хотя и сопровождалось в одном случае значительным количеством бежавших — 37 человек, половина которых в свое время была задержана.

По приведенным выше обстоятельствам, признавая неудовлетворительною постановку тюремного дела в крае, тем не менее нельзя согласиться со взглядом о том, что неудовлетворительность эта должна быть отнесена всецело к общему упадку деятельности правительственных органов и учреждений края. Такой взгляд противоречит несколько установленному законом распределению между ведомствами предметов компетенции. Все требования о надлежащей постановке тюремного дела в крае должны быть, прежде всего, обращены к министру

юстиции, по главному тюремному управлению, как лицу, непосредственно ведающему всеми тюремными делами в империи и, в частности, распоряжающемуся тюремными кредитами, в зависимости от признаваемой им неотложности в удовлетворении тюремных нужд той или иной местности государства. Таким образом, только в случае удовлетворения местных нужд тюремной жизни возможно оценивать деятельность правительственных органов края, в связи с условиями и созданной обстановкой для успешного выполнения обязанностей службы.

Указание вашего высокопревосходительства на то, что дело политического розыска, одного из самых могущественных средств борьбы с революционным движением, не находится на должной высоте и не соответствует крупным материальным затратам на него правительства, причем чрезмерное развитие преступности и резких проявлений террора в крае указывает на передачу дела политического розыска в неопытные, неумелые, а иногда прямо в недоброкачественные руки, почти совпадает с моим мнением по этому поводу, высказанным мною вашему высокопревосходительству летом прошлого года, во время моего пребывания в Петербурге. Тогда же была решена в проекте организация Кавказского районного охранного отделения, но осуществление этого проекта последовало лишь в апреле текущего года, а в этот значительный промежуток времени, не по моей вине, ничего не было сделано для улучшения положения политического розыска на Кавказе. Состоящий ныне во главе розыска полковник Еремин до сих пор еще недостаточно изучил местные условия, и ввиду трудности их и слабой организованности в количественном смысле, а отчасти и в качественном, местных жандармских управлений и охранных отделений, несмотря на все свои способности, не скоро еще будет в курсе всех политических течений.

Организация политического розыска требует привлечения к ней людей, хорошо осведомленных в области техники сыска и знакомых с положением вещей в крае. Кроме того, для успешной деятельности сыскных органов необходимы большие материальные средства. Ни то, ни другое условие в период развития революционного движения на Кавказе не имело места. Сосредоточенное в местных жандармских управлениях дело розыска находилось всецело в руках чинов корпуса жандармов. Последние, будучи поставлены в зависимость от департамента полиции и командира корпуса, исключительно направляли свою деятельность на производство дознаний в порядке ст. 1035 угол. суд. и по охране. Эта сторона деятельности для жандармов являлась самой существенной, так как она служила мерилом для оценки в глазах высшей власти продуктивности работы офицера.

Политический же розыск, применяемый лишь постольку, поскольку в этом представляется надобность при производстве того или другого дознания, получал второстепенный характер, тем более, что правильная организация и постановка его даже в отдельном пункте требуют специальных познаний, соответственного знакомства с местными условиями жизни и неустанного наблюдения. Эти качества могут выработаться только при условии более или менее долговременного пребывания известного лица в одном и том же месте. Между тем сплошь и рядом почти во всех губернских жандармских управлениях края наблюдается обратное. Начиная с начальников жандармских управлений и кончая младшими офицерами корпуса, жандармские чины, в среднем, находились на одном и том же посту по нескольку месяцев, затем их переводили в другую местность. Так, в Тифлисской и Кутаисской губерниях, весьма серьезных в политическом отношении пунктах Кавказа, с 1905 г. сменилось по три начальника губернского жандармского управления; в Елисаветпольском пункте также за этот период переменилось около 4 или 5 офицеров. Весьма естественно, что такая частая смена чинов в виде перевода из одних местностей в другие, не имеющие ничего общего ни по характеру населения, ни по условиям жизни, кроме вреда, делу розыска ничего принести не может. Между тем в Кавказском крае эта система частых переводов чинов корпуса жандармов применяется в самых широких размерах. Далее необходимо указать, как на существенную причину слабой постановки розыскного дела на Кавказе, недостаточность комплекта чинов жандармского надзора и происходящее отсюда обременение их работой. Так, например, в Елисаветпольской губернии, имеющей весьма серьезное значение в политическом отношении, всем политическим делом заведует один жандармский ротмистр с несколькими унтер-офицерами. Ясно, что этот офицер, будучи отвлечен исключительно работой по внешнему наблюдению, никоим образом не может поставить более или менее удовлетворительно дело розыска в губернии с почти миллионным населением, лежащей на границе с таким государством, как Персия, где в течение последнего времени революционные эксцессы стали хроническим явлением, вследствие чего внимание местных жандармских властей должно быть обращено также и на изоляцию губернии от революционных элементов Персии. В Бакинской губернии не существует не только охранного пункта (бакинский охранный пункт действует только в пределах градоначальства), но и унтер-офицерских постов в уездных городах.

Что касается качественной стороны деятельности жандармских управлений края, то, к сожалению, я должен сказать, что таковая до сих пор во многих отношениях оставляла желать лучшего. Так,

например, по Кутаисской губернии чины местного жандармского надзора проявили полную бездеятельность в деле политического розыска. Бывший начальник кутаисского губернского жандармского управления полковник Леонтьев готов был даже передать отпускавшиеся ему на розыск суммы в распоряжение общей полиции, признавая себя бессильным поставить правильно это дело. Неосведомленность о происходящем в Кутаисской губернии со стороны чинов местного жандармского надзора выразилась, между прочим, в том, что они не могли представлять временному генерал-губернатору сведений о личной организации и деятельности революционных организаций. По Кубанской области жандармское управление, бездействуя само, отказывало сплошь и рядом в содействии чинам общей полиции. По Елисаветпольской губернии сведения о политическом положении совершенно не представлялись жандармским офицером губернатору, а если и представлялись, как это было в 1907 г. по случаю ликвидации партии «Дашнакцутюн», то содержание их совершенно не соответствовало действительности. Вообще, я должен отметить крайне слабую степень осведомленности о положении вещей в крае со стороны чинов жандармского надзора, что подтверждается характером донесений чинов корпуса жандармов о политическом движении дел в той или другой области или по поводу отдельных происшествий. Донесения эти страдают отсутствием строгой проверки действительности сообщаемых фактов. Только при условии улучшения личного состава их в Кавказском крае и с прекращением частых перемещений жандармских офицеров с места на место можно рассчитывать на более или менее удовлетворительную постановку дела политического розыска в пределах края.

Таким образом на основании приведенных фактических данных можно с уверенностью сказать, что в пределах Кавказского края общая преступность и проявления революционного движения далеко не в такой степени проявлялись в 1907 г., как это указано в письме вашего высокопревосходительства, и общая полиция также не заслуживает упрека в бездеятельности. Партия «Дашнакцутюн» у т р а т и л а с в о е в л и я н и е н а н а с е л е н и е к р а я. Что касается тюремного дела в крае, то его ненормальное положение зависит всецело от средств, недостаточно отпускаемых главным тюремным управлением. Дело же политического розыска, находящееся ныне в ведении департамента полиции, несомненно, нуждается в мероприятиях, о которых было сказано выше, для правильной постановки его.

[П о д п и с ь.]

Служебная записка директора деп. полиции от 9 августа 1908 г.

В. с ц е ш н о е.

Надо срочно составить требуемую министром в. д. записку, так как приезд наместника в Сан[кт]-Пет[ербург] ожидается на-днях. В записке надлежит отметить все вопросы, на которые в письме наместника ответов не заключается. Для возражений относительно деятельности «Дашнакцутюна» прилагаю записку, присланную полковником Ереминым об этой революционной партии. Независимо от этого переложение наместником ответственности на центральные управления представляется во многих отношениях несправедливым, а именно:

1) неудовлетворительность постановления розыска зависела, до введения районного охранного отделения, от канцелярии наместника, в ведении которой это дело находилось;

2) утверждению о пользовании в полной мере военным положением противоречит возбужденный наместником вопрос о своевременном упразднении порядка, устанавливаемого ст. 1401 в. с. у.;

3) охрана тюрьмы военным караулом допущена Положением Совета Министров, и осуществление этой меры всецело зависит от наместника как командующего войсками;

4) переполнение тюрьмы — явление повсеместное;

5) допущение подкопа вряд ли свидетельствует об успешном надзоре.

В записке должны заключаться также ответы на все вопросы, отмеченные в письме министром в. д.

Служебная записка директора деп. полиции от 15 августа 1908 г.

А в г у с т а 15 д н я 1908 г.

Э к с т р е н н о е.

Г. министр приказал из трех записок (о Дагестане, «Дашнакцутюн» и общий обзор управления Кавказом) составить одну общую. При этом исключить все то, что касается л и ч н о наместника или его супруги и тщательно избегать упоминания имен генералов Альфтона и Соловьева, т. е., чтобы их участие в доставлении материалов было замаскировано.

Записку в перепечатанном виде доставить мне не п о з д н е е воскресенья 12 часов дня.

Обратить внимание на тщательность редакции.

И. д. директора [подпись].

Записка деп. полиции.

В департаменте полиции получены из авторитетных местных источников сведения о положении дел на Кавказе, дающие нижеследующую картину условий жизни в крае.

События, имевшие место в пределах Кавказского края с 1905 г., свидетельствуют, что русская власть в крае не сумела удержать в повиновении недостаточно умиротворенное туземное население и не могла подавить в самом начале широко развивавшегося в крае революционного движения, как вследствие своего бездействия, так и крайней податливости своей вредным влияниям; в ряду последних на первом месте следует поставить стяжавшего впоследствии столь печальную известность агронома Старосельского, который, сумев подчинить своему влиянию помощника наместника тайного советника Султан-Крым-Гирея, был назначен в 1905 г. кутаисским губернатором, несмотря на сомнительное отношение к нему министерства внутренних дел и предупреждения со стороны знавших Старосельского местных должностных лиц. Благодаря таким влияниям, а равно и вообще незнакомству с Кавказом и местными условиями большинства представителей высшей администрации края и нежеланию их вникать в местные особенности, в центральном управлении Кавказом создалась удушливая и губительная для русского дела атмосфера, что и выразилось с самого начала в целом ряде мер, приведших к подрыву авторитета власти в глазах туземцев. Так, на первых же порах был отменен правительственный контроль над армянскими церковными имуществами, а равно отменялись взыскания и штрафы, наложенные на население в предшествующее время. В частности, в Кутаисской губернии отменено было военное положение, выведен оттуда Рионский карательный отряд, и признаны легальными все преступные организации, управлявшие населением и собиравшие с него деньги на революционные цели. Старосельский, разъезжая по губернии в красной рубахе, а во время железнодорожной забастовки пользуясь для проезда в Тифлис делегатскими поездами с красными флагами и злоупотребляя своим влиянием на тифлисскую администрацию, несколько раз успевал добиться отмены распоряжений о посылке в губернию уже сформированных карательных отрядов для подавления восстания, хотя снаряжение таких отрядов стоило больших расходов для казны. Когда, после манифеста 17 октября 1905 г., в Горийский уезд Тифлисской губернии вернулись самовольно все высланные оттуда местною военною властью, то управление наместничества ничего не нашло лучше, как признать положение выславшего их лица ложным и поручить командование над войсками другому лицу, оставив возвратившихся

революционеров в покое. Известен, между прочим, случай присылки в управление наместника депеши из Телавы с дерзким требованием освобождения всех политических арестантов и с угрозою, в случае отказа, прервать всякую связь с русским правительством. Однако эта дерзость не вызвала никаких мероприятий. В дальнейшем положение дел все ухудшалось; разнузданность местной прессы, в том числе официального органа канцелярии наместника — газеты «Кавказ», возрастала, в Тифлисе начались манифестации, забастовки и целый ряд кровавых актов, а власти бездействовали и колебались; военное положение, если и вводилось, под давлением благоразумной части населения, то нередко сразу же отменялось по требованию оппозиционных сфер, а объявленные властью угрозы железнодорожным забастовщикам не приводились в исполнение, несмотря на ослушание рабочих, всецело находившихся в подчинении социал-демократической партии.

По мере дальнейшего распадения законного строя увеличивалось значение революционных организаций, с представителями которых власти входили в переговоры и, по совету социал-демократа Рамишвили, выдали революционерам даже 500 казенных винтовок [1]). Последовавшее вскоре распоряжение о выдаче социал-демократам новой партии оружия встретило сильный протест и возбудило большое негодование в военной среде, причем офицер, заведывавший оружием, категорически отказался исполнить это распоряжение. В это время в войсках с дозволения начальства допускались не только незаконные организации, но даже и митинги; но результатом их оказался открытый протест против уступчивости власти, принявший при этом столь острую форму, что администрация распорядилась отобрать оружие от социал-демократов, но осуществить этого уже не могла, и стоимость винтовок пришлось возместить из чрезвычайных сумм наместничества, которые вообще расходовались несколько произвольно. Политика местной власти и мероприятия ее в отношении возникшей почтово-телеграфной забастовки были настолько слабы и безрезультатны, что привели к необходимости испросить высочайшее повеление о передаче почтово-телеграфного ведомства на Кавказе в общий порядок управления (в министерство внутренних дел), после чего забастовка и прекратилась. Командируемые управлением наместничества в разные местности с ответственными поручениями по водворению порядка должностные лица обыкновенно не получали никаких инструкций и руководства, и многие из них оказывались предоставленными самим себе. Так, например, когда в Горийском уезде вспыхнул открытый мятеж, то находившийся там генерал Бауер вынужден был сам объявить себя временным генерал-губернатором и затем подавил восстание.

Когда возгорелась в Елисаветпольской губернии армяно-татарская резня, то губернская администрация, только что почти поголовно перетасованная, оказалась совершенно неосведомленной о положении дел в губернии. Елисаветпольский губернатор генерал Лютцау — человек громадной воли, энергии и знаток дела — был только что заменен не имевшим никакой административной подготовки кутаисским вице-губернатором Калачевым, а на пост вице-губернатора также было назначено неопытное лицо. Результатом сего оказалось полное самовластие армян, с руководителями коих считалась и советовалась вся администрация; дошло до того, что даже все касавшиеся населения распоряжения администрации передавались через посредство этих руководителей. Армяне были отлично вооружены, а тайная их организация «Дашнакцутюн» творила суд и расправу над населением, облагая его громадными налогами; татары были разгромлены, и селения их сравнены с землей, и однажды, наконец, был захвачен громадный казенный транспорт с продовольствием для голодающих шушинцев. Когда же затем для обуздания армян был командирован на место отряд подполковника Веверна, и все попытки и ухищрения армян воспротивиться требованиям отряда оказались тщетными, — на отряд, под влиянием «Дашнакцутюна», обрушилась разнузданная армянская пресса, направившая на него потоки самых возмутительных обвинений. Эта травля, крайне тяжело отозвавшаяся на настрое[illegible]и войск, самоотверженно работающих при самых тяжелых условиях, оказала свое воздействие в Тифлисе и вызвала распоряжение тифлисских властей о расследовании действий отряда особою комиссией, под председательством члена совета наместника Вейденбаума, с участием двух членов «Дашнакцутюна» и одного татарина. Хотя эта комиссия, как оказалось, имевшая дело только с армянами, подтвердила все обвинения, однако следствие, произведенное военным судебным следователем, установило их ложность. Недовольные действиями этого отряда, армяне сумели добиться в Тифлисе разделения Елисаветпольской губернии на два генерал-губернаторства и назначения в восточную часть губернии желательного для них военного начальника; тем не менее, спустя месяц после этого, в Шуше имел место самый жестокий погром татар. Положение в губернии было в это время крайне тяжелое, малочисленные войска изнывали от непосильной работы, а канцелярия наместника депешами предписывала давать войсковую охрану проезжим, не имеющим на это никакого права.

Во время армяно-татарской резни управлением наместника был установлен институт «умиротворителей», т. е. представителей от армянского и татарского населения, участие коих в обсуждении дел признано было весьма благодетельным. Не будучи никем выбраны и

являясь лишь виднейшими представителями тайных армянских и татарских организаций, эти умиротворители торговали, кроме того, оружием, а потому лично вовсе не были заинтересованы в примирении враждовавших национальностей. Принадлежность их к подпольным организациям была всем известна, и один из них, армянин Мнацаканов, впоследствии оказался причастным к террористическому акту и был выслан. Несмотря на это и на очевидную по условиям времени необходимость действовать силою, в Тифлисе состоялся ряд совещаний умиротворителей под председательством статского советника Вейденбаума, причем, начавшись с взаимных пререканий, эти совещания завершались неоднократными резкими выходками умиротворителей против правительства, обвиняемого ими в намерении устроить армяно-татарское столкновение. Фактически эти совещания к умиротворению не привели, но совместная работа таких умиротворителей с администрацией совершенно напрасно подняла значение их в революционных сферах и в глазах населения. Был случай, когда представители местной высшей власти снялись с ними даже на одной карточке.

Несколько позднее в Эчмиадзине, с ведома управления наместника, состоялся армянский съезд, крайне левый характер коего и предъявленные им дерзкие требования к русскому правительству вызвали даже раскол среди участников его. Только после этого съезд был распущен, без принятия однако каких-либо мер в отношении его членов.

Яркой характеристикой для кавказской администрации является долго лелеянное намерение (оставшееся, к счастью, без исполнения) разрешить переселение из Турции на Кавказ всем родственникам тех армян-беженцев, которые, поселившись уже в крае, являются ныне самым отчаянным и беспокойным элементом, пополняющим ряды вооруженных банд для борьбы не только с мусульманами, но и русскими за «великую и самостоятельную Армению». Намерение это было основано на том предположении, что такое поведение беженцев объясняется тоскою их по своим сородичам.

В столкновениях с татарами армяне имели целью очистить смешанно населенную территорию от татар и во время бывших погромов осуществили эту цель на значительной части Елисаветпольской губернии; но, несмотря на очевидность этой цели, подтверждаемой и программой партии «Дашнакцутюн», армянские происки не только не встречали надлежащего отпора, но, наоборот, пользовались особою снисходительностью со стороны кавказских властей. Армяне же, злоупотребляя этой снисходительностью, принимавшею иногда заметно оскорбительные формы для русского имени, платили

властям выражениями явного непочтения, в чем оказался виновным даже католикос, не сделавший при своем въезде визита наместнику будто бы по нездоровью.

Создавшаяся таким образом в главном управлении Кавказского края атмосфера сделала условия службы всех русских деятелей в крае весьма тяжелыми. Благодаря произвольному образу действий канцелярии наместника, в практику вошло постоянно перетасовывать начальников отдельных местностей и замещать вакансии на местах чинами центрального управления. Так, за последние три года было переменено свыше 15 губернаторов и много вице-губернаторов, результатом чего являлся крайне вредный для дела перерыв преемственности знаний местных условий и появление на важных постах людей, вовсе не подготовленных к административной деятельности и даже вполне к ней неспособных.

Заигрывания в отношении туземцев и чрезмерная податливость их притязаниям, наряду с безразличным отношением к выдающимся заслугам русских деятелей и даже тех, кои становились жертвами своего долга, привели к уходу из края лучших русских сил, не получивших надлежащей оценки.

Вышеописанная политика кавказской администрации в особенности выразилась по отношению к Дагестанской области, где она проводилась через группу дельцов-мусульман, стремящихся изображать собою местную татарскую интеллигенцию и оказывать, в корыстных расчетах, влияние на управление областью. Во главе этой группы стоит шталмейстер высочайшего двора, чиновник особых поручений IV класса при наместнике, К а з а н а л и п о в, — человек, лишенный всяких нравственных устоев, обобравший свою жену, — дочь последнего владетельного шамхала Тарковского, и запятнавший себя неблаговидными действиями в процессе о наследстве своего тестя, склонный к интригам и действительно имеющий огромное влияние на управление областью. Помощником военного губернатора состоит назначенный вопреки доводам губернатора статский советник К р и в е н к о, действующий вполне солидарно с помянутою группою. Состоя председателем народного суда, Кривенко помог Казаналипову выиграть означенный сомнительный процесс о наследстве в народном суде, к которому вообще относится самоуправно, озлобляя этим ревнивых к своим обычаям туземцев. В этом же процессе помог Казаналипову и директор канцелярии наместника гофмейстер Петерсон, причем, когда дело перешло в окружной суд, то решение было изготовлено еще до разбора дела членом суда Вишневским, получившим потом должность начальника округа. Преследуя свои личные цели, Казаналипов, между прочим, пытался устроить награду ме-

далью своему телохранителю, как оказалось, уже бывшему в ссылке за порочное поведение и грабежи. Вообще за последние 2—3 года управление областью сосредоточилось в Тифлисе, без всякого соображения с местными нуждами, исключительно в интересах третьих лиц. Вопреки закону, в области не только полицеймейстеры и окружные начальники, но даже низшие чины полиции назначаются часто без согласия, а иногда и против желания губернатора, и притом, зачастую, лица — совершенно не соответствующие делу и даже опороченные; распоряжения губернатора, в свою очередь, отменяются в явный ущерб его авторитету в глазах местного населения. Так назначены дербентский полицеймейстер Алдатов, петровский полицеймейстер Скворцов, начальник Самурского округа Мамедов, аварский участковый начальник Шубин и самурский — Мальсагов, начальник Темир-Хан-Шуринского округа Эмиров и т. д.

Делопроизводитель аварского окружного управления Миллер, уличенный дознанием в позорящих звание офицера деяниях и пропаганде среди солдат, получил предложение губернатора оставить службу, но благодаря заступничеству тифлисских властей прикомандирован к канцелярии наместника, причем было отменено дисциплинарное взыскание, наложенное на него губернатором за самовольную отлучку в Тифлис.

Дербентский городской староста Гайдаров, преданный суду за растрату, был дважды исключен, на основании закона, из избирательных списков по городским выборам. Эта мера однако была в первый раз отменена тифлисской администрацией на основании особых положений, а во второй раз приостановлена. Возвратившись в Дербент, Гайдаров открыто глумился над местным губернатором и городским управлением.

Вследствие такого положения вещей в области лица, нуждающиеся в чем-либо, обращаются непосредственно в Тифлис.

Помимо сего, относительно Дагестана в последнее время заметна тенденция к заполнению должностей туземцами, также преимущественно ставленниками вышеупомянутой группы, и, видимо, под влиянием этой же группы, губернатор лишен принадлежавшего ему ранее права распределять казенные мусульманские стипендии в реальных училищах.

Безучастное отношение центральной кавказской власти к пользам местного населения проявилось в деле оказания продовольственной помощи нуждающемуся населению. Не спрашивая заключения местных властей, управление наместника выработало один общий план продовольственной кампании, решив давать нуждающимся помощь исключительно натурою и обязав губернаторов озаботиться

скупкою хлеба. Между тем в некоторых местностях (Дагестан) этот прием оказался, по местным условиям, совершенно неприменимым по бездорожью и другим причинам, и когда, тем не менее, управление наместника не согласилось на выдачу помощи деньгами, то население отказалось от ссуды. Это явление представляется тем печальнее, что в некоторых местностях Дагестана господствует эпидемически голодный тиф.

В ближайшем будущем подлежат разрешению в законодательном порядке по Дагестанской области весьма важные и сложные вопросы: сословно-поземельный, в связи с уничтожением зависимых отношений между беками и поселянами, и реформы в области военно-народного управления и народных судов. Неудачное разрешение этих вопросов благодаря полной некомпетентности в них самой канцелярии наместника может быть, при исключительных свойствах населения, весьма опасно и даже вызвать восстание. Между тем к участию в разрешении этих вопросов призваны такие лица, как Кривенко, находящийся в близких отношениях к бекам, и Казаналипов, лично заинтересованный в разрешении земельного вопроса именно в пользу беков.

Несмотря на важное стратегическое положение Дагестана, в расквартированных в области войсках господствует полная деморализация: нижние чины распущены, не соблюдают формы, пьянствуют и бесчинствуют, начальство бьет на популярность и укрывает от высших властей не только отрицательные явления, но иногда и тяжкие преступления в рядах войск. Так, было замято дело о распространении воззваний в Темир-Хан-Шуринском военном лазарете и забастовка охотничьей команды в Самурском полку, а по Терской области было скрыто дело командира Майкопского баталиона полковника Осипова, покушавшегося на изнасилование дочери своего офицера; несмотря на постановление военного следователя о предании суду как Осипова, так и начальника дивизии (за сокрытие преступления), Осипов получил повышение, а требовавшие суда над ним офицеры пострадали по службе. Офицеры озлоблены, забиты и терроризированы, и в их среде раздаются голоса, что в случае войны они не пойдут в бой под командою ненавистных им начальников.

Относительно настроения населения Дагестана надлежит иметь в виду, что, несмотря на полную покорность его в мирное время, в случае войны с Турцией там будут беспорядки: они начнутся в Чечне (Терской области) и перейдут в Андийский и Аварский округа и, если не будут немедленно подавлены, то перейдут и на плоскость и наделают больших хлопот.

Выше было упомянуто о политических стремлениях армян; их противники, татары, также не чужды идей панисламизма, или, точнее,

пантатаризма, стремясь к объединению различных мелких мусульманских племен на почве общего татарского языка и общей религии. Этот процесс осуществляется на Кавказе медленно, но систематически, посредством открытия разных просветительно-благотворительных обществ, создания особых татарских школ и организации татарской прессы. Две такие школы недавно открыты в Дагестанской области, и преподавание в них ведется вне всякого контроля со стороны администрации или учебного ведомства. К группе лиц, работающих в этом направлении, принадлежат и вышеозначенный Казаналипов и его приспешники.

Приведенные сведения об армянском движении на Кавказе указывают на снисходительное отношение местной высшей администрации к происках армян. Между тем, имеющиеся в департаменте полиции положительные сведения об армянской революционной партии «Дашнакцутюн» указывают на чрезвычайно и особо прочное положение этой партии, наличность какового явления может быть объяснена только неумелыми действиями местной администрации и непониманием ею действительного значения этого союза.

Имея задачей непримиримую борьбу с русским государственным строем, партия «Дашнакцутюн» находится в полном единении с другими русскими революционными партиями и Финляндией, состоит в союзе с Международным Социалистическим Бюро, а через него и с правительствами конституционных государств, и имеет могучего союзника в еврействе. При своей разрушительной работе в целях образования «великой и независимой Армянской республики», «союзной с Российскою», «Дашнакцутюн» средствами для этого ставит усиленное революционизирование и вооружение народных масс, систематический террор и открытое восстание. Распространив свое влияние не только на Кавказ и Россию, но и на Западную Европу и Малую Азию, он имеет вполне законченную, чрезвычайно конспиративную организацию, олицетворяющую остов государственного организма республиканского типа. В составе партии имеются все ведомства: законодательное, просвещения, администрация, суд со строгими карательными и исполнительными функциями (широкий террор в отношении как своих членов-ослушников, так и враждебных союзу правительственных должностных лиц), полиция и военная сила.

Пресса на Кавказе вся в руках армян и, по заявлению самих дашнакцаканов, пользуется полною свободою и даже покровительством наблюдающих за нею правительственных органов. Засим, в партии имеется организация «Паторик», влияющая на армян со стороны религиозной путем издания католикосом соответственных «канонов», разрешающих борьбу с правительством, имеется своя регуляр-

ная армия (зинворы), основанная еще 16 лет назад, а в революционное время достигшая до 100 000 человек, на содержание которых было потрачено до 10 миллионов рублей [2]). В последнее время военная сила партии преобразована: партия имеет арсеналы и военные школы (в Болгарии и Америке), обучающие, между прочим, и минному делу, и вся военная отрасль партии имеет стройную организацию, в которую входят пехота, кавалерия, артиллерия и саперы. Денежные средства партии составляются из членских взносов, добровольных пожертвований и экспроприаций; в 1907 г. насчитывалось всего до 165 тысяч членов союза, внесших, в общей сложности, до 1 миллиона рублей [3]). Засим известно, что армянин Манташев пожертвовал в партию самостоятельно 1 миллион рублей. Кроме того, партия получает особую подать с населения за пользование ее судами и защитою. Наружно на Кавказе все спокойно, но внутри ведется самая широкая агитация «Дашнакцутюна», сумевшего внушить кавказским властям ложное убеждение в том, что партия работает только против Турции, и все пополняется список жертв партийного террора, и прогрессирует вооружение масс. В связи с последними событиями в Персии и Турции партия имела в виду, действуя совместно с персидскими и турецкими революционерами, совершить одновременно покушения на султана и шаха, а может быть, и организовать особо важный террористический акт в Ро сии и, пользуясь замешательством, провозгласить независимость Армении, причем зинворам уже дано было приказание вторгнуться в Турцию. Имеется еще план захвата Карса и Эрзерума, в котором партия располагает возможностью сосредоточить армию в 60 000 человек.

17 августа 1908 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Воронцов-Дашков выдал 500 винтовок революционным организациям, под поручительство с.-д. Рамишвили, в дни армяно-тюркской резни в Тифлисе—в конце ноября 1905 г. Этот шаг Воронцова-Дашкова объясняется его желанием спровоцировать и социал-демократическую организацию на открытую вооруженную борьбу с тем, чтобы ослабить ее, как ослаблялись во взаимной резне армяне и тюрки.

[2]) Сведения о численности вооруженных людей и о количестве затраченных сумм на их содержание явно преувеличены.

[3]) Сведения значительно преувеличены.

В примечаниях С. Фукса к первой части настоящей публикации (см. „Красный архив", т. 34, стр. 220 — 221) указано, что Вл. Старосельский „в период господства в Грузии меньшевиков в 1918 — 1921 г.г. Зторично был губернатором в Кутаисе". По наведенным справкам, это утверждение не соответствует действительности: Вл. Старосельский умер в эмиграции за границей еще до революции 1917 г.

Ред.

«Союз 17 октября» в 1906 г.

Партию октябристов («Союз 17 октября») иногда называли «правительственной» партией на том основании, что в III и IV Думах октябристы занимали руководящее положение и царское правительство на них опиралось. Однако, если под «правительственной» партией разуметь партию, которая главенствует в правительстве и, стало быть, «правит», то октябристы такой партией вовсе не были.

Царизм вообще не подпускал непосредственно к рулю правительства ни одну политическую партию как таковую. Ни о каком министерстве, ответственном, на западно-европейский манер, перед парламентом и партиями его большинства (или вообще перед какими-либо партиями), в России и речи не было. Думские партии могли быть более или менее приближенными к правительству, более или менее влиять на его отдельные решения и быть в курсе того, что́ оно проводит, закулисно договариваться о той или иной совместной тактике, получать субсидии, разумеется,—но и только. Однако и в этом отношении в среде думских партий были такие, которые пользовались гораздо бо́льшим расположением правительства, чем октябристы (например, националисты, чья группа формировалась под непосредственным руководством Столыпина). По-настоящему же править царской Россией, вершить правительственные дела не могла ни одна из думских партий, а октябристы имели к этому меньше возможностей, чем партии, правее их стоявшие.

Единственной «общественной» организацией, которая действительно могла править и в значительной мере правила страной, с 1906 года определяя направление политики царизма, был Совет объединенного дворянства и выбиравшие его дворянские съезды. Это была, действительно, правительственная, т. е. фактически правящая организация, при формально частном и общественном ее характере, но это не была политическая партия. Руководящая роль в этой помещичьей организации монопольно принадлежала так называемым «правым» партиям и элементам.

Октябристов же царский режим держал на почтительном отдалении от руля правительственного механизма, находившегося в «твердых» руках бюрократов-крепостников, представителей помещичьего класса. Если, тем не менее, октябристы настолько постоянно поддерживали царское правительство, что о них иногда говорили, как о партии правительственной, то объясняется это своеобразным положением дел, при котором главенствовавшие в государстве крепостники-помещики во многих отношениях становились на путь буржуазной политики. Это был период, когда самодержавие делало определен-

ный «шаг по пути превращения в буржуазную монархию». Заключение союза с верхушечным слоем русской буржуазии являлось одним из существенных выражений этого «шага». И вот, именно октябристы, как представители крупной торгово-промышленной и землевладельческой буржуазии, выступали в первую очередь политическими союзниками царизма.

Это были весьма удобные союзники, которые поддерживали правительство во всех крупных мероприятиях его политики и фрондировали по пустякам и частным вопросам. «Оппозиционность», которой они кичились перед их избирателями, была «ручной», лакейской, сервилистической оппозиционностью. В этих ее качествах выражалась та историческая черта русской буржуазии, которую когда-то марксист (а позднее очутившийся сам во власти октябристских идей) Струве характеризовал словами: «чем дальше на восток Европы, тем подлее буржуазия».

Русская буржуазия до революции выделила из своей среды, собственно, две крупных политических партии: партию кадетов и партию октябристов. Кадетская партия опиравшаяся на среднебуржуазные элементы имела тенденцию представлять более общие интересы буржуазного класса, партия же октябристов представляла верхушку крупной буржуазии, богатые ее слои, наиболее сросшиеся с помещиками и самодержавием и потому более реакционные. — «Октябристы и кадеты, — говорил Ленин, — два фланга одного класса, два фланга буржуазного центра, колеблющегося между правительством и помещиками, с одной стороны, демократией (рабочими и крестьянством) — с другой» [1]).

Между этими двумя партиями были известные противоречия, велась борьба, временами даже обостренная. Следы этой борьбы мы находим и в документах, которые публикуются ниже. Документы эти относятся к январю 1906 года, т. е. к кануну выборов в I Государственную («Виттевскую») Думу.

Мы видим, как на собрании петербургских октябристов докладчик ЦК Ю. Милютин объявляет кадетов «самыми опасными противниками» октябристов. «Крайние партии мы жалеем, а «кадетов» мы боимся», — говорит другой октябристский оратор, Красовский. Насчет «жалости» к крайним партиям здесь, у оратора, конечно, красное словцо, но на выборах в I Думу главными противниками октябристов были, действительно, именно кадеты [2]).

Вражда к кадетам, которая явственно звучит у октябристских ораторов, имеет однако свою весьма ограниченную социальную значимость. Это отнюдь не смертельная классовая вражда. В самой октябристской партии левые элементы в некоторых вопросах приближались к к.-д. (см. ниже замечание гр. Гейдена об аграрной программе кадетов). О социальном значении октябристско-кадетской распри, сопровождавшей собою всю историю русского «парламентаризма» до самого 1917 г., Ленин писал следующее:

«Конкуренция с октябристами — вот характер кадетской «борьбы» с ними. Кадеты борются с октябристами, это несомненно. Но они борются с ними не как предста-

[1]) В. И. Ленин. Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 39. Разрядка В. И. Ленина.

[2]) Кадеты составили в I Думе самую крупную фракцию. Октябристы оказались в этой Думе единственной (и небольшой) правой группой.

вители класса, не как представители более широких слоев населения, не ради смещения той старой власти, к которой приспособляются октябристы, а как их конкуренты, желающие приспособиться к той же власти, служить интересам того же класса, оберегать от требовательности более широких слоев населения (демократии вообще и пролетарской демократии в особенности). Несколько иначе приспособиться к той же власти, вот чего добиваются кадеты, вот в чем сущность их политики, политики либеральных буржуа. И эта конкуренция с октябристами, борьба за их место придает особую «остроту» кадетской борьбе. Этим объясняется особая вражда правых и октябристов к кадетам, вражда особого рода: «те» (демократы) уничтожат, «эти» (кадеты) отодвинут с первого на второе место, первая перспектива вызывает принципиально непримиримую войну не на живот, а на смерть; вторая перспектива вызывает местническую борьбу, состязание в интригах, соревнование в приемах уловления того же, землевладельческо-буржуазного, большинства [речь идет о большинстве Думы. — *В. А.*] или снискания доверия той же старой власти» [1]).

Итак, одни и те же цели у кадетов и октябристов: 1) «снискание доверия старой власти», 2) «уловление землевладельческо-буржуазного большинства». В отношении октябристов публикуемые материалы ярко подтверждают эту, данную Лениным, характеристику их политический «установки».

В январе 1906 г. «Союз 17 октября» насчитывал всего два месяца своего официального существования. Присвоив себе громкое (и удобное в качестве выборной рекламы) название, связанное с царским манифестом, организаторы новой партии тем самым прокламировали поддержку правительству Витте в его «новом курсе», — чтобы снискать себе доверие «власти». Сейчас же вслед за изданием октябрьского манифеста имели место переговоры премьера Витте с вождями будущей партии октябристов — Гучковым, Гейденом, Шиповым — об их участии в кабинете. Однако переговоры к соглашению не привели. Камнем преткновения оказалось министерство внутренних дел, которое Витте ультимативно оставлял за реакционнейшим бюрократом-крепостником Дурново; на это будущие октябристы не пошли. Таким образом, даже в этот, казалось бы, наиболее благоприятный для октябристов момент псевдо-«либерального» виража, проделывавшегося царским правительством под давлением революции, это правительство не склонно было бросаться без оглядки в объятия политических вождей крупного капитала: их пригласили в министерство, но при том существенном условии, что позвоночный хребет государственной машины — ее административно-полицейский аппарат, представлявший главную «реальную силу» правительства, остается в безраздельном распоряжении крепостников. «Доверие» октябристам было оказано отнюдь не стопроцентное.

Гучковы—Шиповы в министерство не пошли, но это отнюдь не значило, что они лишились надежды «снискать доверие», или что они, боже упаси, были всерьез противниками тех методов подавления революции, которые связаны с именами Дурново и его подручных, вроде Дубасова.

---

[1]) В. И. Ленин. Сочинения, т. XI, ч. 2, стр. 273. Разрядка В. И. Ленина.

Дубасовские подвиги в Москве отнюдь не побудили октябристов лишить правительство своего доверия и своей «поддержки». В дни подавления декабрьского восстания октябристы и не подумали протестовать против расстрела московских рабочих, — наоборот, это мероприятие они вполне приветствовали. Разве не характерно, что мерой, которая в дни подавления восстания вызвала их «протест», оказалось лишь запрещение собраний, запрещение, рикошетом ударившее по самим октябристам и заставившее их больше чем на месяц (это при объявленных-то 17 октября «свободах»!) прекратить массовые собрания. Этот запрет, видите ли, был нарушением «манифеста»; расстрел же рабочих, очевидно, был не нарушением, а подлинным проведением в жизнь «начал 17 октября»!

Публикуемые материалы, не предназначавшиеся октябристами для печати и потому особо достоверные по их «интимности», прекрасно рисуют те крайне трусливые и угоднические средства «влияния» на правительство, каковые единственно имелись в арсенале октябристских вождей. Чего стоит одна рассказанная Милютиным история с посещением графа Витте. Перед Петербургским Центральным Комитетом с самого начала встали всевозможные «затруднения» и «неудобства» даже на пути к организации самой беседы с премьером. Из этих «неудобств» их вывели, наконец, другие, — сам Витте. В беседе он сказал им, по сути дела, довольно большую грубость: в их («общества») доверии он де, Витте, не нуждается и сам без них прекрасно знает, как «спасти Россию». Запрещение собраний он одобрял и обещал отменить его лишь по миновании более чем месячного срока. Но октябристским вождям угодно было обратить свое благосклонное внимание не на грубости Витте, а на его пустые и произнесенные не без долгозаведомого политического шарлатанства «клятвы» о якобы «непреклонной» воле царя к проведению обещаний манифеста. Между тем, реакция на другой же день после этих «клятв» пускала свои «пробные шары», связывая их с именем Витте (анонимное интервью, — см. об этом в тексте материалов).

На собрании своих центральных Комитетов, Петербургского и Московского, октябристские вожди говорят о своем «недоверии» к правительству Витте, но в то же время они ужасно боятся, чтобы в случае падения этого кабинета не восторжествовал другой, еще более реакционный. Подлинный удельный вес разговоров о «поддержке» кабинета, о «границах» этой поддержки и т. п. неожиданно разоблачает Гучков, который признается, что «ни поддерживать кабинета, ни содействовать его падению «Союз» не может, так как у него нет средств ни для того ни для другого». Разговоры, таким образом, в значительной мере шли «впустую»: зарождавшийся в эпоху революции октябризм был бессилен для того, чтобы самостоятельно «вершить политику», и это бессилие, соединенное со страхом перед революцией, крепко-накрепко приковывало его к тому правительству, которое боролось с движением рабочих и крестьянских масс. «Союз» зависел от правительства, но правительство не зависело от «Союза». Это политическое бессилие крупной буржуазии, признанное ее вождем, между прочим, лишний раз опровергает меньшевистскую концепцию, связывающую поражение революции 1905 года в первую голову с политической линией этой буржуазии. Нет сомнений, что крупная буржуазия после октября переметнулась целиком на сторону реакции, но силы-то ее на чашке весов борьбы рабочих и крестьян с самодержавием были в тот момент не столь зна-

чительны и организованны, чтобы именно они р е ш а л и исход этой борьбы. Достаточно просмотреть публикуемые материалы, чтобы видеть, что они рисуют нам всего лишь незначительные (хотя и любопытные) д е т а л и в картине 1905 года: русло р е ш а ю щ и х событий и р е ш а ю щ е й борьбы проходило в стороне от этой октябристской буржуазной «общественности» (которая, кстати сказать, послушно соблюдала распоряжения о запрете собраний в те дни, когда на улицах Москвы решалась судьба 1905 года).

Забота об «уловлении» голосов в Думу заставляет и октябристов брать оппозиционные ноты. Обстановка, когда крестьянство прекращает земельные сделки в ожидании помещичьей земли (о чем кстати напоминает центральным комитетам князь Волконский) и когда в стране «недовольство растет: левая партия снова становится сильной» (как выражается один из октябристских ораторов) — такая обстановка не позволяет надеяться на выборный успех проповедникам одного лишь законопослушания. На более или менее широком собрании петербургских октябристов вожаки дают соответствующий тон, и в речах звучит некоторая — вполне умеренная, конечно — доза оппозиционной критики правительства. Любопытна в этом отношении роль наиболее «левого» из ораторов — Пиленко. По его словам, ему «п о р у ч и л и» выступить председатель собрания и ЦК «Союза». Выполняя это поручение, оратор «лает на слона» (упоминая, кстати сказать, Спинозу там, где уместнее было бы упомянуть Ивана Андреевича Крылова) и «бросает вызов графу Витте», не без ехидства сравнивая его с Наполеоном и т. д. Однако почтенное собрание выказывает недовольство «распоясавшимся» критиком, и «цекисты» (председатель собрания и Красовский) спешат «сгладить тяжелое впечатление», отмежевавшись от Пиленко. Тактика цекистов, повидимому, рассчитана на то, чтобы «и невинность соблюсти, и капитал приобрести»: уплатить дань «левому» настроению в среде благонамеренных октябристских обывателей (и избирателей), но уплатить с соблюдением всех приличий и при сохранении благонамеренной репутации в глазах «начальства» (содействие которого на выборах тоже, как известно, необходимо).

Прения, которые соединенное собрание октябристских центральных комитетов ведет вокруг порядка дня предстоящего съезда, достаточно выпукло характеризуют стремление октябристских вождей благополучно проскользнуть между Сциллой и Харибдой, — не оттолкнуть ни свои помещичье-капиталистические «к а д р ы», настроенные весьма консервативно, ни ту более или менее демократическую обывательскую массу, на г о л о с а которой октябристы все же рассчитывали (как видим, они организовывали «чайные», «столовые», пытались «работать» даже в рабочих кварталах!).

Например, вопрос об обсуждении политических з а б а с т о в о к октябристам на их съезде необходимо поставить для «выявления» своей вполне благонамеренной политической физиономии. По существу этого вопроса сомнений, видимо, не имеется ни у кого, кроме «левого» графа Гейдена. Но вот как быть с голосами бастовавших чиновников, которых может оттолкнуть осуждение забастовок? Не «осудить» ли, лучше, только вооруженное восстание? Это совершенно безобидно и безопасно с точки зрения хода выборов, ибо против восстания «все [?]». В таких противоречиях «бьется» октябристская предвыборная стратегия.

Или — аграрный вопрос. Правда, по этому пункту у некоторых из правых октябристов существует сомнение—да важен ли этот вопрос для крестьян? Ю. Н. Милютин, например, «полагает, что нужда крестьянская не столько земельная, сколько духовная!» Но другие, — в особенности граф Гейден, — с этим несогласны. «Если аграрный вопрос не будет поставлен на съезде, «Союз» наш потерпит неудачу в выборах, так как мы будем иметь все крестьянские голоса против нас». Опять трудная задача для октябристских цекистов! В итоге, вопрос о порядке дня они решают компромиссным путем, откладывая острые вопросы до самого съезда [1]).

Больше всего, пожалуй, заботит «расейских» купчин и помещиков, собравшихся на заседание ЦК «Союза 17 октября» и еще не искушенных в парламентской практике, больной вопрос, откровенно поставленный кн. Волконским. Волконский «считает нелишним обсудить на съезде: каким путем могли бы быть при всеобщем голосовании обеспечены интересы меньшинства, т. е. владельцев частной земельной собственности?» Вопрос этот однако был самим автором его снят с обсуждения, — Волконский, возможно, сообразил, что в такой форме ставить вопрос на предвыборном съезде рискованно даже для октябристов.

Для «Союза» его программа есть, в первую очередь, выборная реклама. Можно ли считать царя после манифеста «самодержцем», «неограниченным» монархом, именовать ли его монархом «конституционным» — все это вопросы о ярлычках, имеющих какое-то значение на выборах. «Дело не в программе, это каждый из нас понимает, — довольно цинично рассуждает один из октябристских ораторов. — Нам нужна не реклама, а важно то, что кроется за этой рекламой. Кроется за ней сущность партии, и все зависит от того, какой общественный элемент составляет ядро партии, какая среда людей интересуется партией...» (Прямо можно подумать, что этот буржуа где-то брал уроки исторического материализма!)

Во всяком случае, партией октябристов интересовалась вполне определенная среда людей — достаточно взглянуть на состав членов ее ЦК, в числе которых мы видим крупных промышленников, купцов, домовладельцев и помещиков, и на состав групп, которые вступают в «Союз» и идут с ним (вроде «торгово-промышленной партии»). «Спаси, господи, твое великое стадо от хищных волков!» — эта записка, как нельзя более кстати оглашенная октябристом Столыпиным, необычайно метко попала в цель. И как ни вертелся оратор, ему так и не удалось отогнать от собрания выглянувшую из этой записки тень людей с «усталыми, грубыми руками», которые «годами» воспитали в себе «враждебный, отрицательный взгляд» на «хищных волков».

Не последнее место в программе октябризма, — как об этом свидетельствуют и печатаемые ниже документы, — занимал национализм. «Окраинный» вопрос настойчиво выдвигается Гучковым в порядок дня октябристского съезда как особо важный.

---

[1]) Кстати сказать, в аграрном вопросе октябристы не проявили никакой самостоятельной инициативы: они высказались за уничтожение общины и за другие «столыпинские» мероприятия только после того, как эту программу выдвинул I дворянский съезд.

Подпочвой для антиокраинных настроений октябристов служила в первую очередь та конкурентная борьба, которая шла между промышленниками центральной России и промышленниками более передовых в техническом отношении окраин, главным образом Польши. Настойчиво навязывавшиеся избирателю лозунги «единой», «неделимой» и пр. России, с одной стороны, отмежевывали октябристов слева от кадетов, национализм которых не был столь махровым и которые меньше были связаны с групповыми интересами крупных капиталистов центральной России; с другой же стороны, эти лозунги служили для октябристов мостом направо, к более реакционным группировками имущих классов. Как раз национализм являлся платформой, на которой царизм (Столыпин в особенности) формировал «правительственный» блок в стране и в «представительных учреждениях».

В. Астров.

Журналы совещаний Петербургского и Московского отделений Центрального Комитета «Союза 17 октября» печатаются по подлинникам, хранящимся в Ленинградском Отделении Центрального Исторического Архива (Архивохранилище Народного Хозяйства, Права, Культуры и Быта).

Текст публикуемых документов подготовил к печати и снабдил примечаниями В. Рейхардт.

Журнал соединенного совещания С.-Петербургского и Московского отделений Центральнсго Комитета «Союза 17 октября», происходившего в Москве 8 и 9 января 1906 г.

Заседание 8 января.

Присутствовали члены Комитета: А. Я. Брафман [1]), кн. Н. С. Волконский [2]), А. И. Геннерт [3]), гр. П. А. Гейден [4]), гр. В. В. Гудович [5]), А. И. Гучков [6]), Ф. Е. Енакиев [7]), бар. П. Л. Корф [8]), Г. Г. Лерхе [9]), И. А. Лихачев [10]), Ю. Н. Милютин [11]), Н. М. Перепелкин [12]), Н. Н. Перцов [13]), Ф. Н. Плевако [14]), В. П. Рябушинский [15]), М. А. Стахович [16]), П. П. Рябушинский [17]), Н. А. Хомяков [18]), Д. Н. Шипов [19]), секретарь Московского Комитета С. С. Подолинский [20]) и председатель отдела «Союза» в Мясницкой части города Москвы П. Н. Перцов [21]), С. И. Четвериков [22]).

Председательствовал Д. Н. Шипов, а обязанности секретаря исполнял С. С. Подолинский.

Д. Н. Шипов выяснил, что мысль о совместном заседании возникла одновременно как в петербургском, так и в московском отделениях Центрального Комитета под впечатлением появившихся в «Новом времени» сообщений о сделанных, будто бы, графом Витте заявлениях, что манифестом 17 октября не внесено никакого изменения

в основу нашего государственного строя и что государь император попрежнему остается неограниченным владыкою. Такие сообщения вызывали для «Союза 17 октября» необходимость обсудить и выяснить создавшееся для него положение, так как в своей программе «Союз» выражал готовность поддерживать правительство, исходя из уверенности, что правительство намерено искренно и в должной полноте осуществить провозглашенные 17 октября начала конституционной монархии. Хотя в настоящее время по поводу появившихся в газетах сообщений опубликовано официозное разъяснение, тем не менее вопрос об отношении «Союза» к тактике правительства необходимо обсудить в настоящем совещании. Затем на очереди стоят вопросы об общем съезде делегатов всех отделов «Союза» и об организации взаимодействия «Союза» с другими, близкими ему по своим программам, партиями при предстоящих выборах в Государственную Думу.

Комитет согласился с предложенной Д. Н. Ш и п о в ы м программой вопросов.

Бар. П. Л. К о р ф сообщил, что при приеме гр. Витте Петербургского Комитета «Союза», обратившегося к нему по поводу объявленного запрещения собраний, гр. Витте высказал, между прочим, что он в доверии со стороны общества не нуждается и сам знает способ спасти Россию. Затем гр. Витте сказал: «клянусь вам, что государь желает возможно скорее созвать Думу и осуществить начала, провозглашенные манифестом 17 октября». Бар. П. Л. Корф не имеет доверия к правительству, но перемена в настоящее время министерства очень затруднительна, и потому «Союзу» не следует содействовать падению кабинета, если последний не будет оттягивать созыва Думы. Желательно, чтобы «Слово» [23]) приняло это во внимание и не продолжало своих нападков на гр. Витте. Если же будет выясняться желание кабинета отложить созыв Думы до осени, то необходимо действовать и обратиться с петицией к государю императору. Желателен скорейший созыв съезда членов «Союза», так как такой съезд может импонировать на отношение правительства к вопросу о созыве Думы.

И. А. Л и х а ч е в полагает, что гр. Витте будет выжидать результаты выборов; если созыв Думы будет для него благоприятен, то Дума будет созвана в апреле; в противном же случае собрание Думы может быть отложено, под предлогом изменения избирательной системы на основе всеобщего голосования, в надежде на более благоприятный состав Думы.

Гр. В. В. Г у д о в и ч сообщил о своем разговоре с министром внутренних дел, который высказался очень неопределенно. П. Н. Дурново говорил, что не желает отсрочивать выборы, но понимает, что

объявленное во многих местах военное положение является препятствием для производства выборов; однако отменить военное положение он не считает возможным.

Ю. Н. Милютин думает, что у кабинета нет определенной программы и что в среде его бывают существенные разногласия. Официозное сообщение, о котором говорил Д. Н. Шипов, было составлено и опубликовано без ведома Совета Министров. Законопроект по аграрному вопросу, составленный Н. Н. Кутлером, не встретил сочувствия со стороны других министров, и государь поэтому не согласился принять его. Уход гр. Витте возможен и вероятен; это обстоятельство необходимо иметь в виду и подготовлять ему желательного преемника.

Н. Н. Перцов сообщил, что, насколько ему известно, около 18 января должно последовать обнародование закона конституционного характера, определяющего компетенцию Государственной Думы Государственного Совета, их взаимные отношения и отношения этих учреждений к государственной власти. Нападки «Слова» на гр. Витте были обусловлены достоверными сведениями о желании его попытаться встать на путь реакции. Нападки «Слова» сослужили свою службу и привели к желанному результату. Повидимому, сам гр. Витте теперь сознает, что его попытка не удалась, а в таком случае и «Слово» не будет иметь основания продолжать свои обличения.

Д. Н. Шипов констатирует, что все одинаково относятся с недоверием к политике гр. Витте, тем не менее Д. Н. полагает, что «Союзу» не следует содействовать падению кабинета. Рассчитывать в настоящее время на замену настоящего кабинета кабинетом прогрессивным нельзя, так как для него не может найтись людей из бюрократической среды, а из общественных деятелей едва ли кто-либо согласится составить кабинет до созыва Государственной Думы. В случае падения гр. Витте вероятна возможность назначения премьером П. Н. Дурново. Поэтому нужно, хотя скрепя сердце, поддержать кабинет, но необходимо постараться повлиять, чтобы созыв Думы не отсрочивался; для этого можно сделать представление или от предстоящего съезда членов «Союза 17 октября» или от делегатского совета умеренных партий, существующего в Петербурге; в последнем случае совет этот может быть усилен делегатами от московских партий.

Кн. Н. С. Волконский указывает, что в деревне мало читают газеты, особенно в последнее время, когда, вследствие забастовок, газет и вовсе не получали. Деревню мало волнуют газетные известия о политических беседах гр. Витте, и весь интерес сосредоточивается на вопросе земельном. Разъяснения этого вопроса крестьяне

ожидают от Думы, и в последнее время приостановились почти все сделки по покупке ими земли при посредстве Крестьянского банка. Необходимо возможно скорее приступить к выборам в Думу, особенно от крестьян. Правительство делает большую ошибку, испытывая так долго терпение населения. Если в начале апреля Дума не будет созвана, волнения снова могут усилиться. Многочисленные аресты людей, иногда ни в чем невиновных, вызывают недовольство населения.

Гр. П. А. Гейден полагает, что опасность переживаемого положения обусловливается отсутствием искренности в направлении деятельности правительства; от его репрессивных действий страдают большею часть невинные, а виновных они почти не захватывают. Нельзя доверять политике гр. Витте, и если к нему обращаться, то нужно точно определить и указать границы, в пределах которых «Союз» может поддерживать правительство.

А. И. Гучков думает, что ни поддерживать кабинета, ни содействовать его падению «Союз» не может, так как у него нет средств ни для того, ни для другого. Но «Союзу» необходимо теперь же, ввиду наступающего предвыборного периода, выяснить определенно свою физиономию, свое понимание манифеста 17 октября и свое отношение к предстоящим преобразованиям. Все это будет сделано на предполагаемом съезде, но, тем не менее, следует и в настоящее время формулировать определенно наше положение и огласить его во всеобщее сведение.

П. П. Рябушинский находит, что следует до съезда высказаться, что «Союз» стоит на конституционной почве.

Д. Н. Шипов предлагает поместить в газетах сообщение о происходившем соединенном заседании Петербургского и Московского Центральных Комитетов и изложить в нем, что совещание, обсудив вопрос, возбужденный газетными известиями о политических беседах гр. Витте и последовавшим по поводу их официозным разъяснением, считает необходимым подтвердить высказанное в программах «Союза» понимание манифеста 17 октября. «Союз» считает, что государь император по собственному соизволению ограничил свою власть в области законодательства, установив, «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы», и, следовательно, в наш государственный строй манифестом 17 октября введено новое начало — начало конституционной монархии. Развитие и укрепление этого начала составляет основное положение программы «Союза 17 октября», и «Союз» ставит главной своей задачей стремиться неизменно к осуществлению этого положения. Поэтому «Союз» будет содействовать министерству гр. Витте только в том случае, если кабинет будет последовательно

и в должной полноте осуществлять свободы, дарованные манифестом 17 октября.

Ю. Н. Милютин высказывает предположение, что правительство намерено до созыва Думы составить конституционный закон, утвердить его высочайшею властью и представить его Думе, как закон, не подлежащий ее обсуждению. Осуществление такого предположения весьма опасно; закон будет, вероятно, очень неудовлетворителен, а воспрещение его обсуждения вызовет раздражение и возбуждение членов Думы.

Гр. П. А. Гейден находит, напротив, что правительство обязано провести конституционный закон до созыва Думы, которая и будет действовать на основании этого закона, а без него она неизбежно превратится в Учредительное Собрание. Важно только, чтобы правительство при составлении этого закона действовало искренно и честно.

Д. Н. Шипов присоединяется к мнению гр. П. А. Гейдена и полагает, что обсуждение Думой конституционного закона и внесение в него тех или иных исправлений едва ли может встретить препятствие, так как манифестом 6 августа 1905 года предусмотрена возможность дальнейшего усовершенствования учреждения Государственной Думы.

Бар. П. Л. Корф в виду многочисленных запросов со стороны представителей отделов «Союза» считает необходимым обсудить и высказаться по вопросу: может ли государь император после манифеста 17 октября именоваться «самодержавным»? По мнению бар. П. Л., государь манифестом ограничил свою власть, но должен сохранить титул «самодержца».

Ф. Е. Енакиев полагает, что не следует возбуждать вопроса о словах и о терминах. Важно лишь установить определенное понимание акта 17 октября, как его понимает «Союз», т. е. в смысле ограничения верховной власти.

А. И. Генкерт говорит, что в представлении как народных масс, так и общества самодержавие служит выражением понятия о неограниченной власти, и потому, во избежание неясности и недоразумений, слово «самодержавный» следует исключить.

С. И. Четвериков сообщает справку, полученную им недавно в Петербурге из авторитетного источника, будто П. Н. Дурново держится упорно мнения, что манифест 17 октября есть добровольный акт царской милости, ничем не ограничивающий его самодержавной власти.

А. Я. Брафман — против исключения слова «самодержавный», признавая за этим термином историческое значение. Титул

этот в представлении народа связан с понятием о монархе, а не о неограниченной власти.

Гр. П. А. Гейден полагает достаточным определенно установить, что с 17 октября власть государя ограничена, слова же «самодержавный» лучше вовсе не касаться, не высказываясь ни за, ни против.

Ю. Н. Милютин указывает, что слово «самодержавие» понимается весьма различно. Первым самодержцем объявил себя Иоанн III, свергнув татарское иго. Иоанн IV также был представителем самодержавия, но понимал его по-своему; самодержавным же царем именовался и Михаил Федорович, который однако в значительной мере был государем с ограниченной властью и управлял страной при участии народного представительства. Ю. Н. высказывается за сохранение титула «самодержавный», отвергнув неограниченность.

Ф. Н. Плевако говорит, что в русском понимании слово «самодержавие» не отождествляется с понятием о деспотизме и самовластии. Согласно нашему основному закону император именуется монархом самодержавным и неограниченным. Помещение этих двух слов рядом свидетельствует, что они не синонимы. После манифеста 17 октября слово «неограниченный» должно быть из закона исключено, а титул «самодержавный» следует сохранить. Исключение этого титула, например, при богослужении может смутить многих и вызвать раскол.

Н. М. Перепелкин не согласен, что с 17 октября окончилось неограниченное управление государя; оно окончится лишь с момента созыва Государственной Думы, и до тех пор, во всяком случае, не следует поднимать обсуждаемого вопроса, но нужно категорически высказаться, что «Союз» наш против сохранения неограниченности власти.

После дальнейшего обмена мнений Комитет остановился на заключении, что сохранение титула «самодержавный» не противоречит манифесту 17 октября, которым отменяется лишь неограниченность власти монарха, и в этом смысле должно быть внесено изменение в основной закон.

Д. Н. Шипов сообщает, что некоторые представители отделов «Союза» обращались в Московский Комитет за разъяснением, как относится «Союз» к вопросу о том, должна ли быть государем императором по открытии Думы принесена присяга в сохранении дарованных им народу прав и свобод.

Гр. П. А. Гейден высказывается против принесения присяги государем, даровавшим конституцию. Предъявление такого требования было бы равносильно сомнению в искренности воли и намерений государя, но наследник престола должен принести присягу в сохранении конституции.

А. И. Геннерт находит, что и с юридической точки зрения конституция у нас является дарованной, а не договорной, и потому присяга ей со стороны государя излишня.

Комитет, разделяя высказанные гр. П. А. Гейденом и А. И. Геннертом мнения, единогласно согласился, что манифест 17 октября, являясь актом, выражающим добрую волю государя императора, исключает вопрос о принесении им присяги, и вопрос этот может относиться лишь к наследнику престола.

Бар. П. Л. Корф и С. И. Четвериков выражают пожелания, чтобы установленные совещанием точки зрения на «самодержавие» и на присягу были оглашены и получили свое разъяснение в прессе, вообще, и на страницах «Слова», в частности.

Совещание переходит к обсуждению вопроса об организации съезда, причем Д. Н. Шипов предлагает на разрешение следующие вопросы: 1) где должен быть созван съезд, 2) когда именно, 3) состав съезда и 4) программа его занятий.

Комитет постановил созвать съезд в Москве на 8 февраля, т. е. со среды на масленнице.

Д. Н. Шипов, переходя к третьему вопросу о составе съезда, предлагает обсудить: должны ли принять участие в съезде только члены «Союза», как члены партии, или же желательно, чтобы в нем приняли участие представители всех политических партий, программы которых мало чем отличаются от программы, опубликованной учредителями «Союза»? Д. Н. Шипов высказывается в пользу последнего разрешения вопроса, так как в настоящее время, в виду предстоящих выборов, нужно прежде всего содействовать объединению всех умеренно-прогрессивных партий, что одно может обеспечить благоприятный для умиротворения страны состав Думы.

Ю. Н. Милютин уверен, что петербургские партии не согласятся принять участия в съезде, если он будет созван под знаменем «Союза 17 октября».

А. Я. Брафман полагает, что съезд должен быть организован как съезд членов «Союза 17 октября», другим же партиям нужно предложить прислать своих делегатов в качестве гостей.

М. А. Стахович выясняет, что «Союз» при своем возникновении ставил себе главной задачей служить делу объединения всех умеренных партий, но до сей поры задача эта остается невыполненной. Организуя теперь съезд, нужно оставить в стороне всякие самолюбия; пусть съезд не называется съездом «Союза 17 октября», а пусть он называется съездом представителей умеренно-прогрессивных партий, но необходимо итти к первоначально намеченной цели.

Бар. П. Л. Корф согласен с М. А. Стаховичем и считает необходимым объединение всех умеренных партий перед выборами.

Гр. П. А. Гейден уверен, что каждая партия будет оберегать свою самостоятельность и едва ли согласится принять участие на съезде. Лучше поэтому организовать съезд только членов «Союза».

Ю. Н. Милютин опасается, чтобы на съезде представителей различных партий вместо объединения не создался раскол.

В. П. Рябушинский припоминает, что московская торгово-промышленная партия уже высказывалась против совместного съезда. Созыв такого съезда преждевременен, так как сам «Союз», как партия, еще недостаточно организован.

А. И. Гучков высказывается за съезд только членов «Союза»; по многим вопросам представители партий могут разойтись, и совместное заседание может внести нежелательное обострение. Следует обратиться к другим партиям с предложением прислать своих делегатов, и делегатам партий, которые пожелают их командировать, может быть предоставлен решающий на съезде голос.

Н. Н. Перцов присоединяется к этому мнению.

И. А. Лихачев говорит также за созыв съезда членов «Союза». Собрание всех партий может иметь значение только в том случае, если всем им придется встать на путь борьбы с правительством, вследствие направления, какое примет его политика.

Д. Н. Шипов не опасается возникновения разногласий и разлада на съезде представителей умеренно-прогрессивных партий. Разногласие и разлад возможны при обсуждении принципиальных программных вопросов, но это возможно и на съезде одних членов «Союза», если съезд займется детализировкой вопросов и положений, выставленных в программе «Союза». Д. Н. полагает, что пора оставить теоретическую разработку вопросов и по обстоятельствам времени необходимо перейти к разрешению практических, жизненных вопросов. На этой почве нельзя опасаться разногласий на съезде представителей различных партий, согласных между собою в основных положениях. Такой съезд должен поставить себе следующие задачи: 1) воздействие на правительство в целях недопущения дальнейшей отсрочки в созыве Государственной Думы и 2) организация взаимодействий всех умеренных партий при предстоящих выборах для проведения в нее людей, которые стремились бы к осуществлению мирным путем начал, возвещенных 17 октября. Разрешить удовлетворительно эти задачи возможно только путем объединения близких между собою партий. Нужно вопрос о созыве такого съезда внести на обсуждение делегатского совета партий в Петербурге, пополнив его представителями из Москвы, организовать съезд и разослать приглашения от имени совета.

М. А. Стахович поддерживает мнение Д. Н. Шипова и указывает на влияние и значение, которые будет иметь соединенный съезд.

Н. А. Хомяков видит фактическое затруднение, которое встретит организация такого съезда, в многочисленности делегатов, так как партий, близких к «Союзу» по своим программам, очень много и они имеют свои отделы в большинстве губерний. Первая задача для такого съезда, намеченная Д. Н. Шиповым, может быть, и не потребует своего разрешения, если правительство не даст для того повода своими действиями.

Ф. Е. Енакиев считает нужным созвать съезд членов «Союза» для обсуждения разных вопросов, вытекающих из программы его, а также в виду предстоящих выборов; например, каким путем можно провести в Думу представителей от рабочих. Если выяснится намерение правительства отсрочить выборы и созыв Думы, то соответствующее заявление от лица всех партий может быть сделано делегатским советом партий.

П. Н. Перцов настаивает, что созыв съезда членов «Союза» необходим в организационных целях, так как в провинции организация «Союза» еще довольно слаба. На съезде должны принять участие как делегаты всех отделов «Союза» на местах, так равно и партий, примкнувших уже к «Союзу»; члены же партий, не присоединившихся к «Союзу», должны участвовать также в качестве делегатов, а не гостей.

И. А. Лихачев стоит за созыв 8 февраля съезда «Союза» с организационной целью, но предлагает после 20 января сделать соединенное заседание Петербургского и Московского Комитетов, и, если по опубликовании ожидаемых законодательных актов выяснится необходимость съезда представителей всех умеренных партий, то созвать таковой на 10 февраля.

Бар. П. Л. Корф присоединяется к этому предложению.

Ю. Н. Милютин указывает на трудность формулировать в настоящее время, при составлении приглашений на съезд, первый вопрос, намеченный Д. Н. Шиповым, в виду невозможности предугадать направление, которое примет политика кабинета, и предвидит большие затруднения для созыва съезда делегатов различных партий.

П. П. Рябушинский находит более желательным и полезным съезд членов «Союза», считая в том числе и примкнувшие к нему партии.

Кн. Н. С. Волконский полагает, что еще недостаточно выяснено, следует ли делать заявление министерству от всех партий по первому пункту предлагаемой Д. Н. Шиповым программы.

Что касается выборов в Думу, то, чем раньше они произойдут, тем больше шансов для умеренных партий. Съезд членов «Союза» нужен.

Д. Н. Шипов недоумевает, какие вопросы могут подлежать обсуждению съезда только членов «Союза». Вопросы организационные обсуждать 8 февраля поздно, так как недели через две после этого времени начнутся уже выборы, а затем прекратится, вероятно, совершенно деятельность отделов на местах. Провести желательных «Союзу» лиц в выборщики можно рассчитывать только при содействии других партий, но как выяснить этот вопрос в отсутствии представителей этих партий? Указанный Ф. Е. Енакиевым очень важный вопрос о желательности проведения в Думу представителей от рабочих не может быть разрешен одним «Союзом», а только соглашением нескольких партий. Первый вопрос, который, по мнению Д. Н., должен подлежать обсуждению соединенного съезда, может быть формулирован так: отношение объединяющихся партий к политике министерства; вопрос этот будет разрешен в зависимости от условий и обстоятельств, которые выяснятся к тому времени. В заключение Д. Н. предложил решить обсуждаемый вопрос баллотировкой.

Большинством голосов постановлено: организовать съезд «Союза 17 октября» и партий, относительно которых имеются сведения об их присоединении к «Союзу».

Затем, согласно предложению Ф. Е. Енакиева, признано нужным созвать в Петербурге делегатский совет партий, с приглашением делегатов из Москвы, после ожидаемого обнародования закона конституционного характера, если закон этот или политика кабинета будут противоречить манифесту 17 октября, как его понимает «Союз».

На съезд должны быть приглашены: 1) от одного до пяти делегатов от каждого провинциального отдела «Союза» и от каждой партии, к нему примкнувшей, 2) все члены петербургского и московского отделений Центрального Комитета и 3) по два члена от отделов «Союза» в избирательных участках г. Петербурга и г. Москвы.

Рассылка приглашений возложена на московское отделение, но приглашения должны исходить от имени Центрального Комитета.

Выработка программы вопросов, подлежащих обсуждению съезда, отложена до следующего дня *).

Заседание 9 января.

Присутствовали члены Комитета: кн. Н. С. Волконский, А. И. Геннерт, гр. П. А. Гейден, гр. В. В. Гудович, А. И. Гучков, Ф. Е. Енакиев, бар. П. Л. Корф,

*) Далее следуют подписи участников совещания.

Ю. Н. Милютин, Н. Н. Перцов, П. П. Рябушинский, М. А. Стахович, Н. А. Хомяков, Д. Н. Шипов, секретарь Московского Комитета С. С. Подолинский, председатель отдела «Союза» в Мясницкой части г. Москвы П. Н. Перцов и председатель отдела «Союза» в г. Твери Н. М. Родионов.

Д. Н. Шипов просит высказаться относительно программы вопросов, которые желательно внести на обсуждение съезда «Союза».

П. Н. Перцов предлагает подразделить программу на два отдела. К первому отнести вопросы внешней политики «Союза»: а) высказаться за назначение правительством точного срока для созыва Думы и б) выяснить и определить отношение «Союза» к актам, опубликование которых ожидается около 20 января; во второй отдел должны войти вопросы внутренней политики, как-то: а) организация выборов, б) отношение к другим партиям, в) разъяснение некоторых пунктов программы «Союза» и г) обсуждение сообщений, которые будут сделаны провинциальными отделами.

Ф. Е. Енакиев намечает две цели, которые должен преследовать съезд: 1) сближение с провинциальными организациями отдела путем рассмотрения и обсуждения представленных отделами докладов и 2) выяснение сил «Союза» по отношению к другим партиям при предстоящих выборах и определение соответствующих мероприятий.

Ю. Н. Милютин, не считая полезным пересматривать программу, видит главную суть съезда в общении с членами провинциальных организаций и считает необходимым обсудить политическое положение, которое сложится ко времени съезда.

А. И. Гучков поддерживает мнение, высказанное Ю. Н. Милютиным, и думает, что съезду следует определенно установить отношение «Союза» к ожидаемым политическим актам. Желательно, чтобы доклады отделов были доставлены заблаговременно, о чем нужно их просить. Что касается разъяснения отдельных положений, заключающихся в воззвании «Союза», то А. И. признает необходимым выдвинуть вопрос окраинный, в частности, польский. Нужно обратиться к нашим членам, живущим на окраинах, дабы они ясно обрисовали положение дела; таким путем может быть получен весьма интересный и ценный материал. Затем было бы полезно поставить на съезде вопрос о конституционной монархии и выяснить точно нашу точку зрения на этот вопрос.

М. А. Стахович, соглашаясь в общем с предложением А. И. Гучкова, признает лишней постановку вопроса о конституционной монархии; вопрос этот достаточно ясно и определенно установлен программой «Союза». Со своей стороны М. А. предлагает поставить

вопрос о забастовках. Левые партии, в том числе и конституционно-демократическая, относятся к забастовкам сочувственно, тогда как «Союз» относится к ним отрицательно, исключая забастовок экономических. Определенное выяснение нашего отношения к этому вопросу в противовес отношению к нему левых партий, может иметь очень большое значение для предвыборной агитации, так как большинство населения исстрадалось от политических забастовок и опасается возможности их повторения.

А. И. Гучков считает вопрос о забастовках очень важным. Нашим отношением к этому вопросу, а также и к вопросу окраинному, мы отмежевываемся от левых партий, но «Союзу» необходимо отмежеваться и от правых, а это возможно при определенном выяснении различия с ними в нашем отношении к началам конституционной монархии.

Н. А. Хомяков, признавая важность вопроса о забастовках, указывает, что постановка этого вопроса и отношение к нему съезда едва ли будут полезны в целях предвыборной агитации, так как в таком случае бастовавшие чиновники не примкнут к «Союзу», хотя и будут, может быть, согласны с положениями нашей программы. Лучше поставить вопрос об отношении к вооруженному восстанию, так как к нему относится отрицательно огромное большинство.

Ф. Е. Енакиев считает необходимым ярко и рельефно подчеркнуть, что забастовки были политическим недомыслием, и выяснить с практической точки зрения весь тот вред и все громадные убытки, которые забастовки причинили стране и народному хозяйству.

С. С. Подолинский говорит, что на съезде должен быть непременно поставлен вопрос крестьянский; этот вопрос стоит теперь наиболее остро и касается большей части населения. От выяснения отношения «Союза» к этому вопросу будет зависеть отношение многочисленного крестьянского населения к нашей партии.

Гр. П. А. Гейден возражает против постановки вопроса о забастовках и находит, что они не могут быть безусловно осуждаемы, — так, например, октябрьские забастовки вызвали манифест 17 октября. Вопрос о крестьянских нуждах должен быть поставлен, но по этому вопросу во многом можно согласиться с программой конституционалистов-демократов.

Кн. Н. С. Волконский, присоединяясь вполне к предложению о постановке вопроса крестьянского, полагает, что вопрос этот сводится главным образом к вопросу земельному и что по нему нужно сказать больше, чем было высказано до сих пор. Необходимо самим себе выяснить всю трудность и сложность вопросов и разъяснить это крестьянам. Желательно, чтобы местными отделами «Сою-

за» были доставлены съезду точные сведения и фактический материал, освещающие положение вопроса в той или другой местности. Кроме земельного вопроса, князь Н. С., имея в виду, что воззвание «Союза» провозглашает всеобщее избирательное право, считает нелишним обсудить на съезде: каким путем могли бы быть при всеобщем голосовании обеспечены интересы меньшинства, т. е. владельцев частной земельной собственности.

П. П. Рябушинский, опасаясь, что постановка на съезде большого числа вопросов может отвлечь внимание съезда от неотложного разрешения ближайших его задач, предлагает ограничить программу только вопросами тактики, которой следует держаться «Союзу» как по отношению к политике правительства, так и по отношению предстоящих выборов.

Н. М. Родионов указывает на отсутствие в воззвании «Союза» церковного вопроса и считает желательным включение этого вопроса в программу съезда.

Н. А. Хомяков указывает на значение, которое имеет распространение в населении изданий «Союза», и, так как осуществление этой меры возможно лишь при содействии местных отделов, предполагает обсудить этот вопрос на съезде.

Д. Н. Шипов, резюмируя все сделанные предложения, ставит на первую очередь предложение П. П. Рябушинского, т. е. ограничиться рассмотрением на съезде вопросов тактики по отношению к политике правительства и к предстоящим выборам. Затем Д. Н. приводит перечень отдельных вопросов, предложенных членами Комитета, а именно: 1) окраинный, 2) о конституционной монархии, 3) о забастовках и вооруженном восстании, 4) крестьянский земельный, 5) об обеспечении интересов меньшинства при всеобщем голосовании, 6) церковный и 7) о распространении изданий «Союза». Д. Н. напоминает, что съезд будет происходить в Москве недели за две до начала выборов на местах, во время, назначенное для предвыборных собраний, и предлагает приступить к разрешению намеченных вопросов в указанном порядке.

Бар. П. Л. Корф поддерживает предложение П. П. Рябушинского.

Гр. П. А. Гейден полагает, что вопросы тактики без остальных вопросов представляют одну десятую того, что нужно сделать.

А. И. Гучков находит, что съезд нужен для того, чтобы усилить «Союз», и потому вопросы организационные имеют особенно важное значение. Постановка окраинного вопроса важна для получения от отделов необходимого материала в боевых целях; такое же значение имеет вопрос о стачках. Крестьянский вопрос лучше не вклю-

чать в программу съезда, так как едва ли можно притти к удовлетворительному его разрешению.

Ю. Н. Милютин отстаивает предложение П. П. Рябушинского, понимая под вопросом тактики все, что касается отношений «Союза» к правительственной политике, к другим партиям и к предстоящим выборам.

Д. Н. Шипов ставит на баллотировку предложение П. П. Рябушинского, которое большинством голосов отклоняется.

Председатель, отметив, что Комитет единогласно признает нужным включить в программу съезда вопросы тактики, понимая их широко, а также обсуждение представленных отделами сообщений, но что затем большинство находит нужным пополнить программу еще и отдельными вопросами, предлагает перейти к решению: какие именно из намеченных вопросов должны быть внесены в программу.

1. Вопрос окраинный.

Ю. Н. Милютин находит, что формулировка отношений партии к этому вопросу в воззвании «Союза» достаточно определенно отграничивает нас от конституционалистов-демократов, дальнейшее же подчеркивание этого вопроса может удалить от «Союза» многих, вполне согласных с остальными нашими основными положениями.

Гр. П. А. Гейден и А. И. Гучков возражают Ю. Н. Милютину, и Комитет большинством голосов (против 4-х) высказывается за включение окраинного вопроса в программу.

2. Вопрос о конституционной монархии.

А. И. Гучков не поддерживает сделанное им предложение, и вопрос снимается с очереди.

3. Вопрос о забастовках.

Большинством голосов признано желательным внести на съезд; вопрос же о вооруженном восстании, в виду несомненного отрицательного к нему отношения всех партий, исключая крайних левых, съезду не представлять.

4. Крестьянский и земельный вопросы.

Бар. П. Л. Корф считает преувеличенным значение, которое придается этому вопросу. Отношение «Союза» к аграрному вопросу достаточно выяснено в воззвании. Пересматривать этот вопрос на съезде не следует.

Ю. Н. Милютин полагает, что нужда крестьянская не столько земельная, сколько духовная.

Гр. П. А. Гейден не согласен с этим мнением и говорит, что крестьян не столько заботит вопрос о правах, сколько нужда в земле. Это — вопрос насущный. Если аграрный вопрос не будет поставлен на съезде, «Союз» наш потерпит неудачу в выборах, так как мы

будем иметь все крестьянские голоса против нас. Не нужно на съезде углубляться в рассмотрение и разрешение деталей вопроса, но необходимо установить главные принципы.

Бар. П. Л. Корф указывает, что основной принцип уже определенно поставлен в нашей программе и не следует итти дальше. Мы не можем гарантировать избирателям, что земельный вопрос будет поставлен на первую очередь в Государственной Думе.

Ф. Е. Енакиев высказывается за включение в программу съезда крестьянского земельного вопроса; это необходимо в целях тактики. В Государственной же Думе наши сторонники должны будут настаивать на неотложности в постановке и разрешении этого вопроса.

А. И. Гучков находит, что трудно будет выйти из этого вопроса с честью, т. е. дать ему на съезде всестороннее и надлежащее освещение. Можно поставить этот вопрос, чтобы подчеркнуть его значение, но не давать ему конкретного разрешения более детального, чем это сделано в воззвании.

М. А. Стахович предвидит затруднения и разногласия, которые могут встретиться при обсуждении аграрного вопроса на съезде; если съезд решит этот вопрос в одном смысле, то мы огорчим многих избирателей; если решение будет в обратном направлении, то мы дискредитируем самих себя и, пожалуй, расколемся.

Гр. П. А. Гейден отстаивает свою точку зрения и отмечает, что если признано нужным поставить вопрос окраинный, то нельзя пройти молчанием вопрос крестьянский.

А. И. Геннерт стоит за включение крестьянского вопроса только потому, что ставятся другие вопросы. По его мнению, надо исключить все отдельные вопросы, а в противном случае необходимо принять вопрос крестьянский.

Д. Н. Шипов напоминает, что он подал голос за предложение П. П. Рябушинского ограничить программу съезда вопросами тактики, но раз большинством голосов было решено внести на обсуждение съезда и отдельные вопросы, то Д. Н. считает, что в ряду таких вопросов крестьянский вопрос, как наиболее важный и стоящий наиболее остро, должен быть поставлен на первом месте.

Большинством семи голосов против шести признано желательным вопрос крестьянский-земельный включить в программу съезда.

5. Вопрос об обеспечении интересов меньшинства при всеобщем голосовании и

6. Церковный вопрос — были сняты с обсуждения возбудившими их кн. Н. С. Волконским и Н. М. Родионовым.

7. Вопрос о распространении изданий «Союза» при содействии его отделов.

Д. Н. Шипов выясняет, что распространение изданий «Союза» имеет своею целью воздействие на избирателей, и следовательно, вопрос этот может быть разрешен при обсуждении на съезде вопросов тактики по отношению к предстоящим выборам.

Комитет соглашается с этим разъяснением.

Н. А. Хомяков отмечает, что к вопросам тактики следует отнести и вопрос об отношениях между губернскими и уездными отделами «Союза».

Бар. П. Л. Корф останавливает внимание совещания на том, что из всех намеченных сначала вопросов в настоящее время Комитет признал нужным внести на обсуждение съезда только три: окраинный, крестьянский и о забастовках, причем за постановку некоторых из этих вопросов подавали голоса лица, высказывающиеся вообще против представления съезду отдельных вопросов, уже поставленных определенно в воззвании «Союза». В виду этого бар. П. Л. предлагает вернуться к первоначальному предложению П. П. Рябушинского и еще раз его обсудить.

Ю. Н. Милютин присоединяется к высказанному бар. П. Л. Корфом.

Ф. Е. Енакиев предлагает ограничить программу съезда тремя пунктами: 1) рассмотрение докладов Центрального Комитета и отделов об организации и положении дела «Союза»; 2) обсуждение политики правительства, насколько она выяснится ко времени съезда, и 3) разрешение вопросов тактики, которой следует держаться «Союзу» при предстоящих выборах. Затем отдельные вопросы могут быть подвергнуты обсуждению на съезде, если они будут вытекать из представленных отделами или членами докладов.

Гр. П. А. Гейден уверен, что если намеченные Комитетом вопросы не будут внесены в программу, и по ним не будет докладов от Комитета, то эти вопросы будут подняты на съезде делегатами.

М. А. Стахович стоит за принятую уже программу и просит не отступать от нее, чтобы не подрывать интереса к собранию. Местные отделы могут внести всевозможные предложения, и опасно, если Комитет окажется к ним неподготовленным. За бюро съезда следует сохранить первенство в возбуждении вопросов и в представлении докладов.

Бар. П. Л. Корф находит, что бюро должно быть подготовлено заблаговременно, чтобы давать заключение по всем вопросам, которые вытекают из программы «Союза» в случае возбуждения их делегатами на съезде, но в программу съезда от Комитета не следует вносить других вопросов, кроме намеченных П. П. Рябушинским и Ф. Е. Енакиевым.

Д. Н. Шипов, в виду заявления бар. П. Л. Корфа, предлагает решить баллотировкой — угодно ли Комитету обсудить вновь предложение П. П. Рябушинского, отклоненное в начале заседания.

Большинством девяти голосов против четырех решено вернуться к обсуждению предложения П. П. Рябушинского по существу.

Д. Н. Шипов докладывает программу, предложенную Ф. Е. Енакиевым, и говорит, что в круг вопросов тактики, между прочим, входят: предвыборная агитация, распространение печатных изданий, организация взаимодействия с другими партиями и т. п.

А. И. Гучков говорит, что окраинный вопрос можно было бы не включать в программу, но следовало бы в приглашениях на съезд просить отделы на окраинах доставить материал, освещающий этот вопрос.

М. А. Стахович указывает на неполноту программы, предлагаемой Ф. Е. Енакиевым, и на опасность созыва съезда при подобном условии; это тем более опасно, что нельзя предвидеть состав съезда. Нельзя, чтобы возбуждение и постановка вопросов на съезде застали бюро неподготовленным; необходимо, напротив, чтобы по каждому вопросу у бюро имелся подготовленный заранее проект резолюции, а для этого нужно сохранить намеченную программу вопросов и внести по ним доклады от бюро.

Ю. Н. Милютин обращает внимание на то, что в первый и третий пункты программы Ф. Е. Енакиева входят вопросы организационные, для обсуждения которых Комитет обязан собрать съезд по уставу. Рассмотрение и разрешение этих и других неотложных и существенно важных вопросов, заключающихся в этой программе, потребует очень много времени, и его нехватит для обсуждения еще и других вопросов, вытекающих из нашего воззвания.

Гр. П. А. Гейден полагает, что для разрешения организационных вопросов достаточно созвать представителей комитетов всех отделов; на съезде же нужно обсуждать вопросы принципиально.

Н. А. Хомяков находит нужным выяснить, для чего созывается съезд. Он созывается для того, чтобы усилить наш «Союз» и объединить возможно большее число лиц. Но если на съезде будут предложены на обсуждение разные общие вопросы для развития и детализировки основных положений нашей программы, то можно опасаться, что, вместо укрепления «Союза» и объединения, получится скорее разлад, так как относительно деталей прийти всем к единомыслию — мало вероятия. Программа «Союза» достаточно ясна, не страдает неопределенностью, и мы должны твердо стоять на наших основных положениях.

А. И. Гучков сожалеет, если из программы съезда будет исключен вопрос о забастовках. Важно получить от отделов материал, который мог бы выяснить весь вред, приносимый забастовками. Желательно, чтобы съезд имел возможность обсудить этот способ политической борьбы и рассеять последние иллюзии относительно пользы политических забастовок.

Ю. Н. Милютин признает важность вопроса о забастовках, но полагает, что и по этому вопросу на съезде может получиться раскол.

Ф. Е. Енакиев полагает, что в воззвании установлено ясно наше мнение о забастовках и ожидать разногласия по этому вопросу на съезде нет основания. Затем Ф. Е. говорит, что если предложенная им программа, состоящая из трех пунктов, будет принята Комитетом и если, по разрешении съездом всех заключающихся в ней вопросов, останется свободное время, то членами съезда могут быть представлены доклады по отдельным вопросам. Ф. Е. имеет намерение сделать доклад по окраинному вопросу, а М. А. Стахович, может быть, примет на себя представить доклад о забастовках.

Предложение Ф. Е. Енакиева принимается Комитетом большинством голосов.

Затем, по предложению Н. А. Хомякова, было постановлено просить все провинциальные отделы свои сообщения, предназначенные для доклада съезду, доставить в бюро съезда не позднее 1 февраля [1]).

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Брафман, А. Я., член Петербургского ЦК «Союза 17 октября», домовладелец и председатель наблюдательного комитета СПБ-го Городского кредитного общества.

[2]) Волконский, Н. С., кн., член Московского ЦК «С. 17 о.», помещик и земский деятель.

[3]) Геннерт, А. И., член Московского ЦК «Союза», гласный Московской гор. думы и Московского земства, председатель совета Московского международного торгового банка и член правления Московско-киево-воронежской жел. дороги.

[4]) Гейден, П. А., гр., член Московского ЦК «Союза», видный земец, президент Вольно-экономического о-ва, лидер октябристов в I Госуд. Думе, затем один из организаторов партии «мирного обновления».

[5]) Гудович, В. В., гр., член Петербургского ЦК «Союза», петербургский губернский предводитель дворянства, земский гласный, домовладелец и помещик.

[6]) Гучков, А. И., член Московского ЦК «Союза», после ухода (в 1906 г.) Шипова из «С. 17 о.» председатель ЦК, гласный Московской думы и земства, директор правления Московского учетного банка, впоследствии лидер октябристов в Думе 3 июня и одно время ее председатель; во время империалистиче-

[1]) Далее следуют подписи участвовавших в заседании.

ской войны — председатель Центрального Военно-Промышленного комитета, военный и морской министр первого Временного Правительства.

[7]) Енакиев, Ф. Е., член Московского ЦК «Союза», директор и член правления ряда крупных промышленных фирм: компании СПБ-го Металлического завода, Русско-Персидского горнопромышленного товарищества и Русско-Бельгийского общества.

[8]) Корф, П. Л., бар., председатель Петербургского ЦК «Союза», гласный Петербургского земства, директор О-ва освещения газом г. С.-Петербурга, председатель Петербургского отделения комитета о ссудо-сберегательных и пром. товариществах.

[9]) Лерхе, Г. Г., член Петербургского ЦК «Союза», домовладелец.

[10]) Лихачев, И. А., член Петербургского ЦК «Союза», гласный городской думы и земства, участник предприятия «Машиностроительный завод, б. К. А. Вейхельдт», член О-ва финляндского легкого пароходства.

[11]) Милютин Ю. Н., член Петербургского ЦК «Союза», начал свою общественную деятельность с редактирования правительственной шовинистической газеты «Кавказ».

[12]) Перепелкин, Н. М., член Московского ЦК «Союза», гласный Московской гор. думы, домовладелец, член ряда «попечительств» и т. п. организаций, председатель Московского гор. кредитного о-ва, участник Московского городского о-ва взаимного от огня страхования.

[13]) Перцов, Н. Н., член Петербургского ЦК «Союза», инженер-строитель.

[14]) Плевако, Ф. Н., член Московского ЦК «Союза», известный адвокат.

[15]) Рябушинский, В. П., член Московского ЦК «Союза», один из участников крупной мануфактурной фирмы Рябушинских, член правления т-ва Окуловских писчебумажных фабрик В. И. Пасбурга, примыкал в 1905—1906 гг., помимо «С. 17 о.», к торгово-промышленной партии.

[16]) Стахович, М. А., член Московского ЦК «Союза», крупный помещик Орловской губ., предводитель дворянства, впоследствии член партии «мирного обновления».

[17]) Рябушинский, П. П., член Московского ЦК «Союза», один из участников крупной мануфактурной фирмы Рябушинских, владелец типографии, лидер московских торгово-промышленных кругов, примыкал в 1905—1906 гг., помимо «С. 17 о.», к «умеренно-прогрессивной» партии.

[18]) Хомяков, Н. А., член Московского ЦК «Союза», домовладелец, член Московского о-ва сельского хозяйства, лидер «Союза 17 октября», впоследствии председатель III Госуд. Думы.

[19]) Шипов, Д. Н., председатель Московского ЦК «Союза», видный земец, до 1905 г. председатель Московского губернского земства, дважды приглашался в министры, вышел в связи с вопросом о военно-полевых судах из «Союза 17 октября» и стал одним из руководителей партии «мирного обновления». См. его «Воспоминания и думы о пережитом». Москва, 1918 г.

[20]) Подолинский, С. С., секретарь Московского ЦК «Союза».

[21]) Перцов, П. Н., председатель отдела «Союза» в Мясницкой части г. Москвы; директор страхового общества «Россия».

[22]) Четвериков, С. И., член Московского ЦК «Союза», член Московского отдела совета торговли и мануфактур, участник т-ва Даниловской камвольной прядильни и Промышленного и торгового т-ва «Влад. Алексеев».

[23]) «Слово» — орган октябристов. Впоследствии стал на платформу партии «мирного обновления».

Восстание в Бездне.

Либеральная легенда о Бездninском восстании 1861 г. начала создаваться в сущности на другой день после восстания. Одним из первых ее выразителей был Герцен. Им была сформулирована и документирована на страницах «Колокола» та концепция Бездninского восстания, которая прочно держалась в предреволюционной исторической литературе. Кратко эту концепцию можно формулировать так: собственно, никакого бунта в Бездне не было,— было лишь недоразумение; крестьяне по неграмотности неправильно истолковали «Положения 19 февраля», вычитав в них «чистую волю». Они не собирались восставать и не хотели обижать помещиков, а тем более итти против правительства. Царь был для них священным авторитетом. Если бы в Бездну для разъяснений послали либерального интеллигентного человека, все обошлось бы мирно. Но к ним послали ярого крепостника, представителя придворной камарильи гр. Апраксина, который неумело подошел к «народу», ничего толком не разъяснил, не испробовал «кротких мер», стал стрелять и устроил побоище.

Предпосылки классовой борьбы крестьянина и помещика в этой концепции, конечно, отсутствовали. На первое место ловко выдвигалось противопоставление царской бюрократии — «народу». Всячески подчеркивалось, что хотя «царская воля» и была очень плоха, но «народ» был вполне согласен на мировую с помещиками. Вопрос о «царизме» масс не подвергался классовому анализу — совершенно не вскрывался тот факт, что этот крестьянский «царь» был псевдонимом революционной борьбы с помещиками, свойственным крестьянской идеологии. Политически эта концепция прикрывала лишь аппетит к власти у либеральной буржуазии: царские чиновники не умеют обращаться с «народом», а мы, либералы, «умеем» — если не хотите революции, дайте нам возможность распоряжаться.

Эта концепция отчетливо формулирована в таких статьях «Колокола», как «Апраксин Бездninский», «Сказание о Бездninском побоище в Казанской губернии по случаю освобождения крепостных крестьян» и др. [1]). Своими корнями эта концепция уходила в

[1]) «Мартиролог крестьян. Гр. Апраксин Бездninский» (письмо к издателям) («Колокол», 1861, № 100); «Сказание...» (там же, 1862, № 122—125); «12 апреля 1861» («Апраксинские убийства») (там же 1861, № 101; ср. А. И. Герцен, Собр. соч. под ред. М. Лемке, т. XI, стр. 106—110); «Русская кровь льется» («Колокол» 1861, № 98—99, ср. ряд заметок о Бездне в отделе «Смесь» в «Колоколе» 1861, № 10); Герцен, Собр. соч. под. ред. М. Лемке, «Герой нашего времени» (т. XI, стр. III); «Русские женщины

буржуазно-интеллигентское противоправительственное движение внутри России; об этом говорят, кроме указанных публикаций в «Колоколе», еще и такие документы, как, например, письма о Бездне К. Н. Татаринова к своему брату А. Н. Татаринову, члену редакционных комиссий [1]), письма П. А. Мартьянова к Александру II и к Герцену [2]).

Либеральную концепцию развивала и позднейшая мемуарная литература о Бездне, исходившая от тех же классовых группировок — напр., воспоминания Ф. А. Половцева, Н. А. Крылова [3]).

Во власти этой концепции оказались и исследователи Бездны — П. Маслов, И. Игнатович, А. Попельницкий, а вслед за ними и популяризаторы, как Вл. Горн (В. Громан) и др. [4]). Концепция эта у указанных авторов несколько видоизменена и смягчена, но именно ею дана вся постановка изучения — отбирание фактов «мирного» настроения крестьян, игнорирование основного классового антагонизма крестьянина и помещика, оставление поля изучения вопросов внутренней организации восстания, внутренней борьбы его движущих сил и причин его поражения. «Мы привели описание типичного волнения крестьян при отмене крепостного права»,— заканчивает П. Маслов описание Бездинского восстания — «крестьян расстреливали потому, что они «упорно» стояли и «упорно» кричали. Разумеется, разъезжавшие по всей России флигель-адъютанты не могли терпеть, чтобы крестьяне, «быдло», могли позволить себе такую дерзость, тем более, что опасались более активного движения» [5]). О том, что восстание это было значительно более открытым, имело отчетливо-классовую установку, имело интересную внутреннюю организацию, что активная волна протеста низовой крестьянской массы, собравшейся в Бездну чуть не со всего среднего Поволжья, пере-

женщинам польским» (т. XI, стр. 161); «Выстрелы, раны и убийства» (т. XV, стр. 335); «Арнольдт Сливицкий и Ростковский» (т. XV, стр. 360); «Nouvelle phase de la littérature russe» (т. XVII, стр. 197 и русск. пер. стр. 238); «Письма к противнику», письмо 2-ое (т. XV, стр. 380).

[1]) «Русская мысль», 1911, IV.

[2]) Лемке, Мих. Дело П. А. Мартьянова (Очерки ист. освоб. движ. «шестидесятых» годов, Спб., 1908, стр. 349—350).

[3]) Половцев (Ф. А. П-в). Из воспоминаний 1859—1861 гг., гл. III—IV («Ист. вести.», 1907, XI); Крылов Н. А. Воспоминания мирового посредника первого призыва («Русск. ст.», 1892, IV, VI).

[4]) Маслов П., Аграрный вопрос в России, т. II, Спб., 1908, стр. 35—37; Игнатович И., Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г. («Мин. годы», 1908, №№ 5 — 11); она же — Бездна (Великая реформа, т. V, стр. 211—219). И. Игнатович наиболее тщательно из всех исследователей изучила Бездну и собрала огромный фактический материал, хотя в ее руках были не все документы о восстании. Наиболее ярко выражена либеральная концепция в первой из упомянутых работ, вторая уже шаг вперед; отметим, что во второй статье несомненны цензурные пропуски. Попельницкий А., Панихида по убитым крестьянам в селе Бездне («Гол. мин.», 1917, № 9—10); он же — Первые шаги крестьянской реформы по донесениям свитских ген.-майоров и флигель-адъютантов с марта по июль 1861 («Великая реформа», т. V, стр. 179—211; о Бездне см. стр. 205—206). Горн Вл. (Громан В.), Крестьянское движение за полтора века. Книгоиздательство «Польза», 1909.

[5]) Цит. соч., стр. 37.

растала руководящую сектантскую верхушку движения, что «народ», восставший в Бездне, вовсе не был тем народнически-монолитным целым, каким его хотят изобразить исследователи, — об этом, конечно, не сказано ничего, эти вопросы даже не поставлены у авторов, специально изучавших Бездну.

Между тем уже в те же шестидесятые годы возникла в зародыше другая концепция Бездны, гораздо более близкая к истине и подчеркивавшая основной классовый антагонизм — борьбу помещика и крестьянина: это новое понимание Бездны заметно уже в известной речи А. П. Щапова [1]). Но гораздо дальше Щапова пошел П. Зайчневский: в своей агитационной работе среди крестьянства он сумел раскрыть Бездинские волнения как урок вооруженного восстания. Это понимание в 60-е годы так и осталось лишь в революционной агитации, не перейдя по понятным причинам в область научного исследования [2]).

Специального марксистского исследования Бездны по архивным материалам еще нет, но общая марксистская концепция «революционной ситуации» 60-х годов бьет и по либеральной концепции Бездны [3]).

Окончательно же утвердить правильное марксистское понимание Бездинского восстания можно, лишь обратившись к архивам. Между тем, после 60-х годов из документальных материалов о Бездне не было, в сущности, ничего опубликовано, если не считать речи Щапова [4]). Все эти причины, а также и интерес к изучению массового движения эпохи 60-х гг., заостренный юбилеем Чернышевского, делают своевременной публикацию важнейших документов о восстании, изучение которых помогает разрушению либеральной концепции. Особенно важно не вырывать Бездну из «контекста» окружавшего ее движения, изучить их взаимную связь. Публикуемые ниже документы (особенно №№ 17—18) дают для этого богатый материал.

Первый по времени комплекс документов, отразивших Бездинское восстание, находится в 1 томе «всеподданнейших донесений флигель- и генерал-адъютантов об обнародовании и приведении в действие положения 19 февр. 1861 г.», хранящихся в делах Государственного Совета (ЛОЦИА). Это — рапорты и телеграммы царских посланцев с места происшествия, иногда сопровождаемые добавочными материалами, иллюстрирующими Бездинское восстание. Этот комплекс, целиком публикуемый ниже, — ценнейший источник изучения Бездинского восстания. Ряд документов, входящих в него, совершенно не был известен исследователям, ряд других использовался в черновиках, отдельных отрывках или искаженных цензурой публикациях, но полностью не публиковался ни разу. Так, черновики первых двух рапортов Апраксина были известны Гер-

[1]) Речь А. П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам (с приложением фотокопии рукописи) см. «Красный архив», т. IV, 1923, стр. 407—410.

[2]) Дело Зайчневского (сб. «О минувшем». Спб., 1909, стр. 126—127); Лемке М., Политические процессы в России 1860-х гг. по арх. документам. Гиз, М. — П., 1923, стр. 17, 510, ср. стр. 7, 139, 173, 175 и 543.

[3]) М. Н. Покровский, Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. Он же — Чернышевский и крестьянское движение конца 1850-х гг. («Историк-марксист», т. X, 1928).

[4]) «Красный архив», т. IV, 1923 г.

цену. Эти черновики и приводились в обширных извлечениях, перемежаемых рассуждениями очевидца-корреспондента, в «Сказании о Безднинском побоище»... Подлинники же беловых рапортов ниже публикуются впервые. Ценнейшее письмо очевидца Н. А. Крылова («Раненько утром 9 апреля...», см. док. № 17) в изуродованном цензурой виде было опубликовано в «Русской старине» [1]: цензура выкинула около 30% текста письма, да кроме того и редакция «поработала» над текстом, «исправляя слог», — поэтому опубликовать его полностью совершенно необходимо. Во время следствия по делу Щапова один рапорт Апраксина был изъят из «всеподданнейших донесений» и присоединен к делу № 51 того же фонда: «Об участии студентов Казанского университета и тамошней духовной академии в панихиде, происходившей на Казанском кладбище по убитым в с. Бездне крестьянам». Мы извлекли его оттуда и поставили на прежнее место.

Документы о Бездне разбросаны и в других архивных фондах, — главным образом в фонде министерства внутренних дел. Сюда входит дело следственной комиссии, командированной губернатором для расследования причин Безднинского волнения под председательством советника губернского правления К. П. Перцова (члены: Швецов, Ларионов, Пупарев, Половцев) и дело следствия о панихиде на Казанском кладбище по безднинским жертвам и речи Щапова. Комиссия по этому делу была возглавлена Собещанским. К материалам следствия под председательством Перцова надо отнестись с особой осторожностью: Половцев и Перцов — яркие представители тогдашних либералов, поставщики материала для «Колокола» Герцена [2], снимавшие показания уже п о с л е расстрела Антона Петрова со смертельно перепуганных крестьян. Записки Половцева ярко свидетельствуют о том, что следствие приступило к делу с заранее поставленной целью — доказать, что в Бездне бунта не было [3]. К этому примешивается еще и личная склока: Половцев был ранее Апраксина назначен для усмирения Бездны, был уверен, что усмирит ее «кроткими мерами» и прославится, но Апраксин «перебил».

Таким образом, из документальных материалов о Бездне публикуется наиболее ценный комплекс.

М. Нечкина.

[1]) Страничка из истории освобождения крестьян («Рус. ст.», 1904, № 5, стр. 451—454). Ср. Н. А. Крылов, Воспоминания мирового посредника... («Рус. ст.», 1892, IV, VI).

[2]) За это говорит, прежде всего, сопоставление воспоминаний Половцева («Ист. вестн.», 1907, XI) и «Сказания о Безднинском побоище» («Колокол», № 122—125, 1862); ряд фактов, приведенных в последнем, был известен только Половцеву. Достать же черновики апраксинских донесений, брошенных в доме Мусина-Пушкина сейчас же после отъезда Апраксина, могли легче всего оставшиеся в доме члены следственной комиссии, т. е. в первую голову Перцов и Половцев. К тому же Константин Петрович Перцов был другом Половцева и братом известного Эраста Петровича Перцова, связанного с «Колоколом». Э. Перцов, доносом в августе 1860 г., был обвинен в сношениях с Герценом, а через год «в августе 1861 было перехвачено несколько толстых пакетов из Казани в Петербург на имя Э. П. Перцова с подробным изложением истории крестьянских волнений в с. Бездне» (А. Санин. См. «Кр. архив», т. XVI, 1926, стр. 121). За свой либерализм в следственном деле и Перцов и Половцев понесли наказания: первый был перемещен в Вятку, второй — принужден подать в отставку. Возможно, что посылка Герцену «Сказания» и была ответом на эти кары.

[3]) Ф. А. П-в, Из воспоминаний («Ист. вестн.», 1907, XI.)

№ 1.

Рапорт гр. Апраксина [1]) Александру II от 15 апреля 1861 г. *)

Его императорскому величеству

свиты вашего величества генерал-майора
гр. Апраксина рапорт.

Со дня обнародования манифеста и до получения утвержденного Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, в Казанской губернии все казалось спокойным, хотя помещики уже несколько жаловались на ленивое производство работ крестьянами, говоря однако, что это замечено ими еще с самого начала вопроса об уничтожении крепостного права. Общая безграмотность помещичьих крестьян так велика, что людей, хорошо читающих и понимающих смысл печатных статей, между ними, можно положительно сказать, что нет, и большая часть таких, которые едва читают по складам. Получив Положение, они сначала обратились для объяснения к помещикам, дворовым людям, священникам и местным начальствам, но, видя, что мечтаемой ими воли в Положении никто не вычитывает, т. е. что барщина не уничтожена и земля должна оставаться во владении помещиков, они стали не доверять образованному сословию и искали чтецов между грамотными крестьянами. Эти толкователи, получая за это от крестьян деньги и из видов корыстолюбия, некоторые же, как можно предполагать, из ненависти противу помещиков, поняли, что могут воспользоваться при настоящих обстоятельствах невежеством крестьян и начали делать самые нелепые толкования нового узаконения; один из главных таких толкователей села Бездны Спасского уезда крестьянин Антон Петров сделался у них каким-то пророком, возбудил даже фанатизм, увлекая крестьян своими рассказами, сообразуясь с господствующей в умах их идеею и понятиями о воле, подкрепляя все доводы свои именем вашего величества и всемогущего бога, даровавшего ему право объявлять крестьянам свободу и избавление от помещиков; к чему сделал применение одного из пунктов образца уставной грамоты, в котором сказано: «после десятой ревизии отпущено на волю столько-то». Он им растолковал, что это значит, что государь дал вам волю уже в 1858 году, а помещики это скрывали, поэтому вся земля вам принадлежит, и весь хлеб, собранный и проданный в продолжение двух лет, должно взыскать

*) На рапорте резолюция Александра II: «Не могу не одобрить действий гр. Апраксина, как это не грустно, но нечего было делать другого».

с помещиков. Другой пример подобного же объяснения относится к правилам о порядке приведения в действие Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, где сказано в пункте втором, что со дня обнародования высочайше утвержденных Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, прекращаются: и затем, не читая, что далее следовало, он объяснял им эту статью так: что слово «прекращается» значит — все прекращается или чистая воля: выражение, под которым они понимали совершенную свободу от всех повинностей и обязанностей и право на всю землю. Кроме этих двух примеров, было множество других, которых всех исчислить невозможно, но которые произвели совершенное неповиновение крестьян к учрежденным от правительства властям и лицам, могущим иметь на них влияние. Жалобы помещиков об отказе крестьянами исполнять работы начали беспрестанно поступать от предводителей дворянства к губернатору, так что, по совещании с ним 8 апреля, я отправился в Спасский уезд, где предводитель дворянства жаловался на важные нарушения порядка. Приехав в г. Спасск 9-го числа, я послал просить к себе предводителя и исправника, которые находились тогда в одном из самых больших имений Спасского уезда, села Бездны, помещика действительного тайного советника Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, состоящего в числе 831 души при 10 639 десятин земли. Крестьяне же вообще этого селения все весьма зажиточные. В 5-м часу утра 10-го числа приехал ко мне в г. Спасск предводитель дворянства и передал следующее: в селе Бездне явился толкователь из крестьян той же вотчины Антон Петров, который отыскал в Положении чистую волю и начал проповедовать об этом во всех окрестностях. К нему съезжались крестьяне со всех сторон даже из довольно дальних селений, днем и ночью охраняли его дом и никого туда не впускали, так что, не имея никакой силы, невозможно было взять проповедника или пророка, как они его почитали. В Спасском уезде считается около 23 000 душ помещичьих крестьян. Войск резервной дивизии в этом уезде не расположено, и только в г. Спасске находится одна инвалидная команда. К тому же Волга и Кама отделяют этот уезд от других той же губернии и препятствуют к скорым сообщениям, в особенности во время распутицы. Предводитель, передав мне, что никакие увещания его, ни даже священника не послужили к убеждению крестьян села Бездны, и как только кто начинал вразумлять крестьян, толпа поднимала крики: «воля, воля»!, желая уничтожить этим всякую возможность привести к повиновению даже тех из них, которые могли бы образумиться. Видя такое положение дел, я немедленно написал предписание командиру 4 резервного батальона Тарутинского пехотного полка, расположенного в г. Тетюшах, прислать 2 роты в с. Никольское, отстоящее от

с. Бездны в 7 верстах, сам же с уездным предводителем дворянства отправился в с. Бездну, чтобы испробовать меры кротости и увещания. Приехав в контору, я послал сказать собравшейся в деревне толпе, чтобы она пришла в контору селения, куда приехал адъютант государя императора, обязанный разъяснить им все встретившиеся недоразумения, на что они отвечали: «не пойдем, а пусть сюда идет сам», и потом по обыкновению начался общий крик: «воля, воля!». После чего отправился к ним уездный предводитель дворянства и также убеждал их без сопротивления итти за ним для объяснений к приехавшему адъютанту государя, представляя им все ужасные последствия их неповиновения властям и средства, к которым должно будет прибегнуть правительство для приведения их в повиновение; но получив от крестьян тот же ответ, что они не пойдут, предводитель дворянства объявил им, что адъютант государя, гр. Апраксин, будет их ждать еще полчаса, и если они не одумаются, то он примет строгие меры к обузданию их непослушания. Ответом на это было повторение крика: «воля, воля!». Прождав безуспешно более часа, я поехал в с. Никольское, решившись не предпринимать ничего противу крестьян с. Бездны до прибытия требуемого мною войска, между тем как из полученных мною известий, я узнал, что в с. Бездне собралось и собирается еще огромное число крестьян из окрестных деревень, почему для усиления ожидаемых двух рот я сейчас [же] послал предписание к начальнику инвалидной команды г. Спасска привести в село Никольское 11 числа вечером всех свободных от служебных занятий людей. Собрав таким образом 11 числа вечером 231 человек войска, я решился действовать с ними на другой же день, потому что прибытие еще двух рот из г. Чистополя, двинутых по распоряжению начальника губернии, я не мог ожидать ранее 4 или 5 дней; оставлять же в таком положении дело было опасно, потому что скопище людей в с. Бездне возрастало с неимоверною быстротою, властей никаких уже не признавали, назначив своих распорядителей по указанию Антона Петрова из крестьян, хвалились, что выгнали из деревни исправника и уездного предводителя дворянства и в продолжение всей ночи на 12 число толпы крестьян, конные и пешие, направлялись в с. Бездну, где тот же Антон Петров давал волю, землю, назначал начальствующих лиц, говоря, что в скором времени он совершенно освободит тридцать четыре губернии. Вновь прибывающим толпам его не показывали, говоря, что он занят перепискою с вашим величеством. 12 числа утром были в его толпе уже люди, приехавшие даже из Симбирской и Самарской губерний — из казенных крестьян и татар. Видя это, я двинул собранную мною команду в 5 часов утра в с. Бездну; при мне находились в это время уездный предводитель дворянства, исправник и два

адъютанта губернатора — поручик Половцев [2]) и ротмистр Златницкий. Во все время перехода войск толпы народа продолжали собираться в с. Бездну. При входе в начале селения мы увидали небольшой стол с хлебом и солью и двух стариков, стоящих без шапок, которых я спросил, для кого этот хлеб и соль приготовлены, на что они отвечали нерешительно: «для вас по приказанию начальства» (начальство же было назначено бунтовщиками), но, между прочим, впоследствии объяснилось, что это было сделано для встречи всех приезжающих записываться в соучастники Антона Петрова. Я приказал убрать стол и старикам итти домой. Дойдя до церкви, стоящей в средине села, я призвал священника, чтобы еще раз испытать меры кротости, причем он объяснил мне, что неоднократно увещевал народ, но безуспешно, и что упорство, возбужденное в нем, так сильно, что едва ли остается какая-нибудь надежда к вразумлению его словами и убеждением. Но я хотел испытать еще раз те же меры и лично убедиться в бесполезности их, рассчитывая при настоящем случае на моральное действие присутствия войск, почему и просил его итти с отрядом. Впереди нас, почти что на конце улицы около дома Антона Петрова и во всю ширину оной стояла сплошная масса, числом до пяти тысяч человек. Подойдя на расстояние 180 шагов, я остановил команду, и для первого увещевания послал двух адъютантов губернатора, которых слова толпа старалась заглушить криком: «воля, воля!». Адъютанты возвратились, предупредив крестьян, что если они не выдадут Антона Петрова и не разойдутся по своим домам, то по ним будут стрелять. Тогда послал я священника, который с крестом в руках увещевал их долго и говорил, что если не повинуются, то, чтобы расходились, иначе будут стрелять. Они и после этого увещания священника продолжали свои крики. Тогда я сам подъехав к толпе, объяснил им возложенное на меня поручение и приказывал выдать Антона Петрова или разойтись, но ничто не могло подействовать на ужасное упорство и убеждение этих людей; они кричали: «Нам не нужно посланного от царя, но самого царя, давай нам! стреляйте, — но стрелять вы будете не в нас, а в Александра Николаевича!» Тогда заставил я их замолчать и сказал им: «Жаль мне вас, ребята, но я должен и буду стрелять; те, которые чувствуют себя невиновными, — удалитесь» [3]). Но видя, что никто не уходит, и толпа продолжает кричать и упорствовать, я отъехал и приказал одной шеренге сделать залп, после которого снова было сделано увещание, но толпа все то же кричала; тогда я вынужден был сделать несколько залпов, — к этому побудило меня более то, что крестьяне, заметив значительный промежуток между залпами, начали в большом количестве выходить из дворов с криком: «за кольями» и угрожали окружить и задавить малочисленную мою команду; наконец, толпа рассеялась,

и послышались крики о выдаче Антона Петрова, который между тем хотел скрыться из селения задами, но был предупрежден двумя казаками, захватившими приготовленную для него лошадь. Тогда Антон Петров вышел из дома перед войско, неся Положение о крестьянах над головою, и тут был взят вместе с выданными им мне сообщниками и отправлен под конвоем в острог г. Спасска. После выдачи Петрова приступлено было к уборке тел и подании помощи раненым; по поверке оказалось убитых 51 человек и раненых 77 [4]).

Решительная эта мера была принята мною по малочисленности войска и ежеминутно возрастающего возмущения, принимающего огромные размеры: она была необходима для водворения спокойствия не только в этой деревне, но и во всем населении нескольких уездов Казанской губернии, вышедшего из совершенного повиновения всякой власти и дошедшего до такой степени дерзости, что прикавшего в свою деревню Щербеть помещика, штабс-ротмистра лейб-гвардии гусарского вашего величества полка, крестьянин на сходке схватил за грудь и сказал ему: «Убирайся отсюда, тебе здесь нечего делать». В селах Никольском и Трех Озерах при разговоре моем с крестьянами, где я объяснял им, что послан от государя для разъяснения недоразумений и водворения порядка, отойдя от меня несколько шагов, толпа говорила, что я не настоящий адъютант вашего величества, а переодетый в мундир помещиками, в серебре *). Вообще в это время положение не только гг. помещиков, но даже и начальствующих лиц земской полиции было невыносимое, и без употребления решительных мер, предпринятых мною, могло произойти общее восстание в Казанской губернии. Ныне же волнение несколько подавлено, за работы принялись, прежние власти восстановлены, но злонамеренные люди распускают еще слухи, что освобождение крестьян с. Бездны совершенно окончено, и что посланный от государя граф, потрепав по плечу пророка Антона, надел на него золотое платье и шпагу и отправил к государю, откуда он скоро возвратится уже с совершенною волею [5]).

По моему мнению, для водворения совершенного спокойствия в Казанской губернии остается необходимым несколько усилить число войск, там расположенных, и примерно казнить главных виновников, над которыми вместе с сим учреждается военно-судная комиссия.

Ген.-майор гр. Апраксин.

№ 1. 15 апреля 1861 года. С. Бездна.

---

*) Так в подлиннике. Из других источников известно, что ходили слухи о том, что Апраксин — переодетый в мундир садовник одного помещика.

№ 2.

Рапорт гр. Апраксина Александру II от 19 апреля 1861 г.

Его императорскому величеству

свиты вашего императорского величества
генерал-майора гр. Апраксина рапорт.

Казанский военный губернатор отношением от 15 сего апреля за № 744 сообщил мне повеление вашего императорского величества судить главного преступника возмущения, произведенного в Спасском уезде, по полевому уложению, и приговор привести немедленно в исполнение.

Вследствие сего 16 апреля учрежден был мною при отрядной квартире в с. Бездне над крестьянином Антоном Петровым полевой военный суд, которому вменено было в обязанность окончить военно-судное дело в 24 часа.

По суду крестьянин Антон Петров признан виновным в возмущении нескольких тысяч человек крестьян превратным толкованием высочайше утвержденного Положения об освобождении крестьян от крепостной зависимости, в распространении ложных слухов о свободе, в склонении крестьян к явному неповиновению противу владельцев и сопротивлении местным властям и вооруженной силе, последствием чего было то, что при усмирении крестьян с. Бездны убито 51 человек и ранено 77, посему полевой военный суд, принимая в соображение важность произведенного подсудимым волнения и гибельные его последствия, на основании 93, 608 и 609 ст. I кн. военно-уголовного устава приговорил: крестьянина Антона Петрова казнить смертию (расстрелять).

Приговор военного суда, состоявшийся 17 апреля, утвержден мною того же числа, а 19 приведен в исполнение по правилам, изложенным в 545 ст. II кн. военно-уголовного устава, при собрании жителей с. Бездны и селений всего Спасского уезда.

В дополнение первого моего рапорта нужным считаю изложить обстоятельства, принятые в соображение как военным судом, так и мною при утверждении приговора над крестьянином Антоном Петровым.

По получении в деревнях высочайше утвержденного Положения о крестьянах подсудимый крестьянин Антон Петров был приглашен в деревню Болховскую для прочтения Положения. Превратно толкуя и искажая смысл его, он в течение 2 дней успел совершенно подчинить своему влиянию жителей этой деревни и, вместе с ними прибыв в с. Бездну, обратился к сельскому священнику с требованием дать

им присягу в том, что они совершенно свободны; когда же священник решительно отказался исполнить его требование, он предложил своим сообщникам собственными силами отыскивать свободу, понимая под этим словом совершенную независимость не только от помещиков, но и от местных властей, внушал крестьянам, чтобы они не ходили на барщину, не платили оброков, не давали подвод и даже не препятствовали краже помещичьей собственности и не оказывали никакой помощи в случае каких-либо общественных бедствий, как-то: пожаров, наводнений, прорыва плотин и т. п., подкрепляя все эти толкования именем вашего императорского величества. Такими рассказами Антон Петров в самом непродолжительном времени успел привлечь на свою сторону всех крестьян с. Бездны и окрестных деревень и, чтобы более увеличить число своих приверженцев, рассылал по разным отдаленным деревням и даже другим уездам Казанской губернии выбранных им эмиссаров, распуская для привлечения народа разные нелепые слухи, например: что будто бы великий князь Константин Николаевич содержится в оковах в селе Бездне и просит крестьян освободить его, а дабы более увеличить ненависть крестьян к помещикам, обвинял последних в смерти покойного государя Николая Павловича и в неисполнении воли вашего императорского величества. Таким образом, 12 апреля он успел собрать в селе Бездне и ее ближайших окрестностях до десяти тысяч человек крестьян и возмутил до 90 деревень Спасского уезда, жители которых толпами стекались в с. Бездну, так как им было объявлено, что кто к 15 апреля не соберется в с. Бездну, останется в вечном рабстве. Буйство доходило до того, что в некоторых селениях крестьяне прибили своих сельских начальников и выбрали новых, отобрали книги из контор и требовали отчеты. По донесению Спасского инвалидного начальника — в селении Щербеть произведено было два выстрела по команде при следовании ее в село Никольское для присоединения к 2-м ротам 4 резервного батальона Тарутинского пехотного великого герцога Ольденбургского полка, но, к счастью, выстрелы эти не имели дурных последствий.

Приняв во внимание всю крайность положения и видя, что малейшее промедление могло иметь гибельные последствия, я должен был прибегнуть к решительным мерам, о которых мною было всеподданнейше донесено вашему императорскому величеству.

К числу главных обвинений Антона Петрова, кроме возмущения огромной массы жителей и склонения их к явному неповиновению властям, относится еще то, что он во время ружейного огня, находясь сам вне опасности, не только не остановил сопротивление толпы, имея над нею огромное нравственное влияние, но даже подстрекал ее упорствовать и не выдавать его до последней крайности, говоря им,

что после трех залпов стрельба прекратится, и народу объявлена будет совершенная свобода. Последствием такого упорства крестьянина Антона Петрова была большая потеря в людях; сведения эти извлечены частию из собственного сознания подсудимого, а частью из верных фактов, обнаруженных мною и военным судом.

Исполнение приговора в присутствии народа имело огромное нравственное влияние, и участь Петрова не только не возбудила никакого сочувствия, но народ, сознавая всю важность его преступления, выразил это полным раскаянием и криками: «по-делом ему, он виною всех наших бедствий!» [6]).

В настоящее время край покоен, но я предполагаю, что для окончательного водворения порядка, особенно теперь, при начале полевых работ, необходимо иметь в продолжение лета один батальон в сборе при городе Спасске, а другой, расположенный по-ротно, в более значительных имениях. Роты нахожу нужным не оставлять постоянно на одном месте, но переводить из одного имения в другое, чтобы не слишком обременять жителей довольствием и постоем.

Копия с конфирмации моей, изложенной на приговоре военного суда, при сем представляю.

Ген.-майор гр. Апраксин.

№ 2. 19 апреля 1861 г. С. Бездна Спасского уезда.

№ 3.

Сентенция по делу Антона Петрова.

Копия.

По указу его императорского величества комиссия военного суда, учрежденная вследствие особого высочайшего повеления по полевым уголовным законам над крестьянином с. Бездны, Спасского уезда помещика Мусина-Пушкина Антоном Петровым, сужденным за возмущение помещичьих крестьян противу своих владельцев и местных властей, находит: подсудимый крестьянин Антон Петров по обнародовании высочайше утвержденного Положения о крестьянах, освобожденных из крепостной зависимости, из видов корысти, принял на себя обязанность читать крестьянам Положение, перетолковывая смысл его превратно, сообразуясь с общим направлением умов крестьян, мечтавших о совершенной свободе; впоследствии же, когда увидел общее сочувствие крестьянского населения, начал внушать крестьянам неповиновение помещикам и местным властям и до того увлек крестьян своими рассказами, что они отказались от работ в пользу помещиков, стали оказывать непослушание и буйство противу владельцев. Большие массы народа ежеминутно стали стекаться в с. Бездну слушать его толкования, так что к 12 апреля настоящего

года толпа собралась около пяти тысяч человек из разных, даже отдаленных деревень и уездов, и угрожали общим восстанием Казанской губернии. Для прекращения беспорядков уездный предводитель дворянства и земский исправник несколько раз делали увещание, внушая крестьянам всю важность их преступления, но крестьяне, подстрекаемые подсудимым Антоном Петровым, прогнали предводителя дворянства и исправника из деревни, и, наконец, оказали ослушание свиты его императорского величества генерал-майору гр. Апраксину, хотя он и объявлял им, что послан от государя императора. Влияние, произведенное подсудимым Антоном Петровым на умы крестьян, было так сильно, что они не соглашались выдать Петрова по прибытии в село Бездну военной команды и неоднократных в виду ее увещаний и предупреждений о том, что в случае дальнейшего сопротивления по них будут стрелять. Эти предупреждения и увещания сделаны были сначала находившимися при свите его величества ген.-майора гр. Апраксина двумя адъютантами казанского военного губернатора, потом священником села Бездны и, наконец, лично самим графом. На все это крестьяне отвечали криком: «воля, воля!». Такое противодействие и ежеминутно увеличивающиеся толпы крестьян вынудили генерал-майора гр. Апраксина прибегнуть к оружию. Залп одной шеренги, сделанный по приказанию его, по толпе, не мог образумить крестьян, и только после нескольких залпов они, потеряв 51 человек убитыми и 77 ранеными, стали разбегаться, и послышались крики о выдаче Антона Петрова, который во все время продолжения стрельбы находился в избе и через окошко убеждал крестьян не сдаваться, говоря, что более уже стрелять не будут, а станут читать волю. Наконец, Петров вышел перед войском, неся над головою Положение о крестьянах, где и был взят под арест. При производстве полевого уголовного суда подсудимый сознался в склонении крестьян к неповиновению помещикам и местным властям, в ложном толковании высочайше утвержденного Положения о крестьянах, объясняя, что он делал это по неправильному пониманию смысла настоящего Положения, а собирал около себя значительные толпы народа с тою целью, чтобы скорее освободиться от крепостной зависимости. Равномерно подсудимый Петров сознался также и в том, что во время стрельбы убеждал крестьян не сдаваться с намерением, как объясняет, удержать волю. Кроме того, по показанию 150 человек волновавшихся крестьян села Бездны, подсудимый Антон Петров распускал разные нелепые слухи о смерти покойного государя императора, в чем обвинял помещиков, запрещал крестьянам говеть у священника, говорил, что он еретик и может намешать в причастке яду, чрез выборных им сотских собирал с крестьян деньги [7]) и обращался к священнику, прося

его дать присягу, что они действительно вольные. Но подсудимый Антон Петров признал такие обвинения несправедливыми, сознавшись только в том, что он действительно просил священника дать им присягу. По соображении вышеизложенных обстоятельств дела полевой уголовный суд находит подсудимого виновным в возмущении нескольких тысяч крестьян чрез неправильное толкование высочайше утвержденного Положения об освобождении крестьян от крепостной зависимости, разглашении между крестьянами ложных слухов о свободе и смерти покойного государя, в склонении их к явному неповиновению противу владельцев и в сопротивлении местным властям и вооруженной силе, последствием чего при усмирении крестьян села Бездны было убито 51 и ранено 77 человек, а потому полевой военный суд, имея в виду важность произведенного подсудимым Петровым волнения и гибельное его последствие, применяясь к 93, 608 и 609 ст. I кн. военно-уголовного устава приговорил: подсудимого крестьянина Антона Петрова 31 года за вышеизложенные преступления казнить смертию — расстрелять. Приговор этот согласно 762 ст. II кн. военно-уголовного устава прочесть при открытых дверях присутствия, а военно-судное дело представить свиты его величества генерал-майору гр. Апраксину.

Заключено 17 апреля 1861 г. в селении Бездне.

Подписали ассесоры: прапорщики Мейснер, Печьковский. Подпоручики Круглов и Яблочков. Штабс-капитан Ложников. Капитан Катанский. Президент майор Рубанов. Скрепил обер-аудитор Перфильев.

На подлинном написано: «Основываясь на высочайшей воле, я, как главный отрядный начальник, утверждаю приговор военного суда 17 апреля 1861 года. Свиты его величества ген.-майор гр. Апраксин».

Верно. Ген-майор гр. Апраксин.

№ 4.

Телеграмма ген.-ад. Бибикова [8]) Александру II от 30 апреля 1861 г. *)

Его императорскому величеству.

Имею счастие всеподданнейше донести: в Пермской губернии повсеместно совершенно спокойно, порядок водворен. В Казанской в день

*) На телеграмме пометы: 1) резолюция Александра II: «Дайте знать г.-а. Бибикову, чтобы он непременно оставался на месте, пока порядок совершенно не восстановится, донося еженедельно о всем происходящем, Щапова в Москве не задерживать, а препроводить сюда в III отдел[ение].»; 2) рукой кн. Долгорукова: «К ген.-ад. Бибикову отправлена уже телеграмма, с коей копия у сего приложена. Относительно Щапова распоряжение сделано. Кн. Долгоруков. 1 мая».

моего приезда донесено из имения Лаишевского уезда: крестьяне, ложно понимая законоположение, отказались работать; поэтому я сделал распоряжение водворить порядок, причины беспорядков я буду иметь счастие лично доложить вашему величеству по прибытии в Петербург. Я нашел вредным пребывание в Казани преподавателя истории Щапова и потому на другой же день по приезде своем отправил его негласным образом в Петербург при офицере жандармском, где он представит его в III отделение канцелярии вашего величества.

Ген.-ад. Бибиков.

№ 5.

Телеграмма шефа жандармов кн. Долгорукова [9]) ген.-ад. Бибикову от 1 мая 1861 г.

Генерал-адъютанту Бибикову. Казань.

Государю императору угодно, чтобы вы не возвращались до совершенного восстановления порядка в Казанской и Пермской губерниях и доносили его величеству еженедельно.

Кн. Долгоруков.

№ 6.

Телеграмма ген.-ад. Бибикова Александру II от 4 мая 1861 г. *).

Его императорскому величеству

ген.-ад. Бибикова всеподданнейший рапорт.

В имении помещика Козина Казанской губернии, о котором я доносил вашему императорскому величеству, порядок водворен растолкованием высочайшего Положения, подстрекатель выдан крестьянами, — дворовый человек, — предан военному суду, приговор и исполнение оного будут приведены в двадцать четыре часа. Прошу ваше величество разрешить мне выдать из имеющихся при мне примерных прогон по одному рублю серебром на человека Тарутинского полка и инвалидам, действующим в числе двухсот сорока, один противу тридцати, под начальством гр. Апраксина; смею просить разрешить мне по телеграфу на выдачу нижним чинам от имени вашего величества, ибо убежден, что скорое награждение заслуженного принесет двойную пользу. Не смею ходатайствовать за гр. Апраксина, ибо имеет счастие

*) На телеграмме ре олюция Александра II: «О ден[ежных] награ[адах] ниж[ним] чин[ам дано] приказание чрез воен[ного] мин[истра]. Гр. Апраксину назначил Влад[имира] 3 ст.».

служить при лице вашего величества, но свидетельствую, что он благоразумными и решительными действиями внушил в губернии уважение к войску, что и облегчило меня в исполнении высочайше возложенного на меня поручения. Крестьяне помещичьи принялись за полевые работы — важное свидетельство о водворении душевного спокойствия и покорности.

Ген.-ад. Бибиков.

№ 7.

Всеподданнейшая записка кн. Долгорукова Александру II от 7 мая 1861 г.*).

Представляя при сем вашему императорскому величеству депешу, полученную мною от ген.-ад. Бибикова, я считаю долгом напомнить, что наблюдению его поручена и Пермская губерния, а потому не соизволите ли ваше величество телеграфировать ему прямо, чтобы он донес вам, какие он имеет об означенной губернии известия и не сочтет ли он полезным, если здоровье его позволит, удостовериться о состоянии оной лично.

Притом, не благоугодно ли будет вашему величеству приказать ему, чтобы, возвращаясь в С.-Петербург, он в Нижнем Новгороде узнал подробно от ген. Муравьева и от кн. Шаховского о действительном положении крестьянских дел в Нижегородской губернии.

Кн. Василий Долгоруков.

№ 8.

Телеграмма ген.-ад. Бибикова Александру II от 7 мая 1861 г.).**

Его императорскому величеству

ген.-ад. Бибикова всеподданнейший рапорт.

Прибыв в Нижний, я не нашел никакого сообщения с Казанью сухим путем, а разливы рек и сильный лед по Волге в продолжение трех дней прекратили отправление пароходов; для выиграния времени просил я телеграфом начальника Казанской губернии послать нароч-

---

*) На записке резолюция Александра II: «Я уже вам отвечал по телеграфу на счет ответа Бибикову. Не понимаю, что он ничего не доносит о Пермской губ., а уже возвращается. На полученной мною от него депеше я сделал то же замечание».

**) На телеграмме резолюция Александра II: «Странно, что он про Пермскую губ. не говорит ничего, а между тем уже возвращается назад».

ного от моего имени к начальнику Пермской губернии, дабы он донес мне в Казань о положении дел в губернии, беспорядках в оной и мерах, принятых к прекращению оных. По прибытии в Казань, я нашел, что гр. Апраксин усмирил уже селение Бездну, но кроме того, я вынужден был принять скорые меры в семи помещичьих имениях для водворения спокойствия, что и было исполнено в присутствии войск убеждением и разъяснением Положения; подстрекатели в числе пяти были выданы самими крестьянами, суждены полевым уголовным судом, приговор которого я, руководствуясь неограниченным милосердием вашего императорского величества, смягчил, прогнав осужденных сквозь строй и сослал их в Сибирь на поселение, чем без пролития крови, водворив совершенно спокойствие в Казанской губернии, ныне возвращаюсь в С.-Петербург. Не могу не свидетельствовать пред вашим императорским величеством, что в сем случае начальник Казанской губернии ген.-майор Козлянинов оказал большую деятельность и усердие.

Ген.-ад. Бибиков.

№ 9.

Телеграмма кн. Долгорукова ген.-ад. Бибикову от 8 мая 1861 г.

Ген.-ад. Бибикову. Нижний Новгород.

Государь удивляется, что вы ничего не донесли его величеству о Пермской губернии, в которую мы полагали, что вы также поедете. Кроме того, узнайте в Нижнем от губернатора и от кн. Шаховского о действительном положении крестьянских дел в Нижегородской губернии.

Кн. Долгоруков.

№ 10.

Телеграмма ген.-ад. Бибикова кн. Долгорукову от 7 мая 1861 г.

Петербург. Шефу жандармов ген.-ад. Долгорукову.

Прошу доложить его императорскому величеству, что, водворив совершенный порядок в Казанской губернии, возвращусь я в Петербург медленно по причине моего нездоровья, будучи принужден каждую ночь ночевать. Желательно, чтобы семейство мое не знало о расстройстве моего здоровья, важных последствий не предвижу в моем нездоровьи.

Ген.-ад. Бибиков.

№ 11.

Телеграмма кн. Долгорукова ген.-ад. Бибикову *).

Ген.-ад. Бибикову.

Государю угодно, чтобы вы донесли его величеству, какие имеете известия из Пермской губ. и не сочтете ли нужным удостовериться о состоянии оной лично. В Нижнем узнайте подробно от губернатора и кн. Шаховского о действительном положении дел в Нижегородской губернии.

Кн. Долгоруков.

№ 12.

Телеграмма Александра II кн. Долгорукову от 8 мая 1861 г.

Г.-а. к[н.] Долгорукову.

Отвечайте г.-а. Бибикову согласно тому, что вы мне написали **).

А[лександр].

№ 13.

Телеграмма казанского губернатора Козлянинова кн. Долгорукову от 8 мая 1861 г.*).**

Петербург. Шефу корпуса жандармов.

Ген.-ад. Бибиков выехал обратно в Петербург. Содержание депеши вашего сиятельства передано мною в Нижний телеграфом, где его еще может застать депеша. Пермский губернатор доносил генералу Бибикову, что спокойствие в губернии совершенно восстановлено. В Казанской также покойно.

Губернатор Козлянинов.

№ 14.

Телеграмма нижегородского телеграфа кн. Долгорукову от 9 мая 1861 г.

Петербург. Главная станция.

Телеграмма № 1806 ген.-ад. Бибикову не доставлена по случаю выезда его 8 мая в Петербург.

Штабс-капитан Гульдман.

---

*) В подлиннике даты нет.

**) В подлиннике помета: «Исполнено 8 мая».

***) На телегр. служебная отметка: «Замедлена по непонятию Москвою».

№ 15.

Рапорт гр. Апраксина Александру II от 14 мая 1861 г.*).

Его императорскому величеству

свиты вашего императорского величества
генерал-майора гр. Апраксина рапорт.

В прошлом месяце во время нахождения моего в селе Бездне для усмирения там крестьян, возмущенных Антоном Петровым, студенты университета и духовной академии произвели демонстрацию. По улицам и на площадях они собирали народ, превратно толковали ему происшедшее в Спасском уезде и потом толпой пошли на городское кладбище, где публично отслужили панихиду по павшим крестьянам, коих они называли невинноубиенными. В городе ожидали, что зачинщики демонстрации подвергнуты будут суду, и из синода в духовную академию командирован следователь; между тем поступки таковых же виновников беспорядка, т. е. студентов университета, доселе оставлены без всякого последствия.

В доказательство того, что студенты университета по участью своему в подстрекательствах народа весьма вредны и что они даже в уездах бывают в сношении с крестьянами, я повергаю вашему величеству то обстоятельство, что двое из них отосланы были мною в Казань из Бездны, куда [sic!] студенты те мне объявили, что заехали будто бы из любопытства, для свидания с Антоном Петровым. Легковерие народа не имеет границ; чем нелепее слух, тем сильнее действует он на мужика, новое положение так мало ему понятно, а срочно-обязанная зависимость его от помещика кажется ему столь тягостной, что за спокойствие трудно отвечать; от непослушания до явного упорства и возмущения один шаг; необходимость же употреблять силу оружия для восстановления повиновения — крайность столь тяжкая, что для избежания оной не должно пренебрегать никакими мерами предосторожности, клонящимися к предупреждению зла. В губернии уже известно, что на городском кладбище студентами беспрепятственно отслужена панихида, из чего крестьяне выводят заключение, что павшие были точно невинны, а злонамеренными людьми пущен слух, что Антон Петров был не преступник, а мученик, что над могилой его светится огонь, что ангел в белой одежде виден ночью и что он должен скоро воскреснуть. Смертная казнь Антона Петрова вселила страх в народе; но, к прискорбью, страх этот начинает уменьшаться вестью об отправлении

*) На рапорте пометы: 1) резолюция Александра II: «Потребовать от г.-а. Бибикова формальное донесение об участии в сем деле студентов Каз[анского] университета»; 2) сверху: «20 мая. Москва».

панихиды в Казани. В настоящее же время умы в народе до того взволнованы, что всякий безнаказанный поступок, нарушивший общественное спокойствие или дающий пищу к перетолкам, может повлечь за собою самые дурные последствия.

Генерал-майор гр. Апраксин.

№ 3. Казань. 14 мая 1861 г.

№ 16.

Телеграмма Козлянинова мин. вн. дел от 30 мая 1861 г.

Петербург. Мин. вн. дел.

На депеши мои о панихиде и речи Щапова, в которых объяснено, что студенты, бывшие на оной, известны, мин. вн. дел дал знать телеграфом, что высочайше повелено распорядиться ген.-ад. Бибикову, который отправил Щапова в Петербург; за тем следствие о панихиде гражданским начальством не производилось.

Губернатор Козлянинов.

№ 17.

Копия письма Н. А. Крылова [10]) помещице Ермоловой *).

Раненько утром 9 апреля перешел я Волгу, взял у часовни тройку вплоть до Майны, к обеду был там. В Майне только что получили Положение. Мужики меня уверяли, что это оттого так поздно, что Самарская губерния моложе Казанской. Полковник, который привез, вероятно им речь держал. Речь они поняли так, что 19 числа им привезут новую волю, третью. Я усумнился, меня уверяли, что сами слышали и доказывали тем, что в Симбирской и Казанской по три воли читали: действительно, у нас сперва читали манифест, потом извлечение из Положений и, наконец, самое Положение. Понятно, что [и] в Самарской вправе третьей воли ждать.

Ночевать я проехал в Волостниковку к помещику Горлову. К сумеркам приехал в Кокряты. — «Сидора дома нет!» — «Где он?» — «В конторе к воле приписывается. Истинную волю мужики доискались, так теперь все в конторе собрались, — сказала мне баба, — помещиков, слышь, рубить велено». Пошел я в контору. Толпа, шум, гам, толкотня, какое-то зверское ухарство на лицах. Сходка о том, как делить барскую рожь и как — молотить кладь барскую или по себе снопы прямо разде-

*) «Эта копия снята с записки, доставленной из земского отдела частным образом». *(Прим. в подлиннике.)*

лить. Решили обмолотить кладь барскую миром. Прислушиваюсь к толкам — резать, вешать, рубить дворян топорами, топоры насадить на длинные колья. Вообще размер пугачевщины. Ключника [и] старосту прогнали. Какой-то грамотный записывает поименно мужиков в истинную волю, а толпа сортирует: «этого, — кричит, — не пиши: он все с господами знакомится, ему и земли не давать». Тут же из разговоров со многими личностями я узнал, в чем сила.

В селе Бездне какой-то старовер Антон Петров в Положении доискался истинной воли, которую до него, хотя и немногие видели, но никто понять не мог. Именно, в Положении, где напечатано: «образец уставной грамоты» написано: «дворовых 00, крестьян 00, земли 00» и т. д. Эти нули Антона не привели в смущение, он растолковал, что это есть истинная воля и запечатана она крестом св. Анны. А крест св. Анны — переверните назад страницу: прямо против «дворовых —00» стоит 10%. Это, говорит, и есть крест св. Анны, которым потайным образом запечатана истинная воля.

Сидит Антон в избе в Бездне, смотрит на эти нули, читает без запинки: «помещичьи земли — горы да долы, овраги да дороги и песок да камыш, лесу им ни прута. Переступит он шаг с своей земли — гони добрым словом, не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду».

Народу такая воля нравилась, со всех сторон стекались толпы слушать истинную волю и приносили с собой Положения, в которых он отмечал, где находить истинную волю. Так проповедывал Антон пять дней сряду. Потом Антон распустил слух, что получил от царя грамоту и дочитался в Библии до пророчества, смешал то и другое и проповедывал, «что истинную волю тогда только получите, когда сохраните того человека, который найдет вам ее. Истинная воля до тех пор не двинется, пока не прольется много крови христианской. Крепко, накрепко царь приказал того человека к[а]раулить, и денно и нощно, и конным и пешим, сохранять от всякой напасти и не допускать до него ни господ, ни попов, ни чиновников. А паче того его не выдавать и от избы его не отходить. Если зажгут село, с одного конца, — не отходите от избы, если зажгут село с другого конца, — не отходите от избы. Будут к вам приходить и старые и младые, не допускайте до меня и не выдавайте меня. Будут вас обманывать, говорить, что от царя пришли, — не верьте им. Придут к вам с соблазнами старые, придут и средние, придут лысые и власатые и всякие чиновные, — не выдавайте меня. А когда прийдет час, приедет сюда от царя младый юноша 17 лет, на правом плече золотая медаль, а на левом серебряная, — тому поверьте и меня выдайте. Станут вас стращать войском, не бойтесь, никто не смеет бить народ православный без царского при-

каза. А если дворяне подкупят и будут в вас стрелять, то и вы рубите топорами тех царских ослушников».

Речь Антона Безднинского передаю вам слово в слово, как я слышал ее в Кокряти.

На сходке решили на другой день на барщину не выходить; слышал несколько выходок такого рода, что по бревнам нужно растащить барские усадьбы, потому что Антон говорит, что все вольные с 10-й ревизии уже, а до сих пор дворяне крали волю и несправедливо заставляли работать, следовательно, с них надо взыскать.

Отыскал я на сходке Сидора. Пока он мне приготовлял лошадей, я любовался на пугачевщину и восхищался нашим начальством. Некоторые мужики представили мне в лицах, как из Бездны прогнали исправника и предводителя, говорили, что предводителя сожгут и что царь велел дворян не миловать, а головы рубить.

Сидор лошадей запрег, поехал я в Мурасу. Сани чуть двигаются по сухой земле, холодненький вечер освежил мою голову. Страшно стало мне за Молоствова. Стал я Сидора расспрашивать, и он от души верил вздору. Жалеет помещиков, испугался, что его не записали в истинную волю к Антону по имени: «пожалуй, говорит, земли теперь не дадут, за то, что я знался с господами». Я его урезонивал сколько умел, не подействовало. Лег было спать в сани, не спится... У Молоствова люди тоже взбунтовались, даже дворовые все, как я слышал в Кокряти, Сидор то же говорит. Молоствов человек отличный, принял меня хорошо... теперь, быть может, один в этой передряге, боится и за семью и за целый уезд. Кто знает, — пожалуй, и пригожусь, у меня шесть выстрелов в револьвере, силы довольно... Сидор едет лесом, а мне все не спится, все бунт у Молоствова на уме... кто знает, — быть может, буду не лишним и удастся отблагодарить за внимательный прием. А буду лишний — уеду, пятьдесят верст крюку не много... А как что-нибудь задержит?.. да в Мурасу опоздаем?.. Э, думаю, доверительница поймет, простит, — ведь не для глупостей еду. «Ворочай, Сидор, назад». — «Куда?» — «В Три Озера, брат, письмо забыл там».

Нехотя Сидор поворотил лошадей, отъехали хоть и не так много, а в Кокряти пришлось переночевать.

11-го утром Сидор снаряжает. Я толкую с мужиком, вошел сотник на двор: «Ну уж, кажись, добра нашим не будет. Положим — господское дело не следует работать, а вот теперь никто не хочет рассыльного отвезти: ведь это дело казенное. Хоть на своей лошади вези».

Приехал я к Молоствову. «Я вас, Вадим Владимирович, приехал спросить, какие принимать меры, если крестьяне откажутся от барской работы. В окрестных селах здесь перестали ходить на барщину;

бунт разливается и дойдет до Мурасы, — настаивать или оставить?» — «Оставьте!» — «Но ведь тогда начнется грабеж, и вспыхнет барская усадьба!» — «Что же делать? Я этого жду каждый день, мы бессильны».

Не утешительно, думаю, слушать это от предводителя, вдобавок от очень умного. Должно быть, в самом деле бессильны. От Молоствова узнал я, что все это правда, что слышал я в Кокряти. Бунт поднялся не на шутку. Хоть и следовало бы, да жаль мне было его попрекнуть «кроткими мерами», о которых он мне читал так недавно.

К нему в эту ночь приехал гр. Апраксин, а к утру прибыла рота солдат. Крестьяне, увидя солдат, без наряду вышли на барщину. Я приехал очень кстати: действительно, Молоствов был один. Просили меня помочь их горю — отвезти депешу в Казань к генерал-губернатору. Я это принял с большим удовольствием. Подали закуску, пришел ротный командир, начался маленький военный совет. Ротный командир хотел 6 тысяч народу окружить ста человеками. Генерал хотел подождать еще войско. Я спросил ротного командира, ручается ли он за свою роту, что она будет действовать против мужиков. «Теперь такое время, что можно ручаться только за самого себя». Этот ответ ротного командира до сих пор звучит у меня в ушах. Эти слова наполняли мою голову 26 часов времени безвыходно. Взгляните широко на этот предмет, — эти слова может сказать ротный командир только тогда, когда решительно не имеет надежды на свою роту.

Плохо, думаю, дело, все упование возложил на револьвер. Покатил в Казань. По распоряжению властей в Спасский [уезд] отправлено 13 рот и две пушки. Не знаю, сумеют ли распорядиться, но этой силой порядок можно водворить отличный и тогда, пожалуй, действуй кроткими мерами.

Однако пора добраться до кротких мер. 12 апреля утром пришла рота в Бездну, прибыл гр. Апраксин, Молоствов, Шишкин, несколько адъютантов. Собрались все против дома Антона в шагах в полутораста. Дом Антона, двор, крыша, вся улица перед домом шагов на пятьдесят были наполнены народом. Стали народ усовещевать, просить, чтобы разошлись или выдали Антона, долго их просили, но кроме крику и грубых выходок, ничего от толпы не добились. Стал поп речь держать, он их умолял сперва разойтись, его обругали. Переменил поп речь, объявил им, что их будут расстреливать за неповиновение, что кто не хочет, пусть тот отойдет. «Если же ваше затмение такое упорное, то не желает ли кто умереть, по крайней мере, по-христиански; быть может, кто желает приобщиться, покаяться в грехах, — выйдите, приобщитесь. Не умирайте бусурманами...» и т. д. Попа обругали опять. Снова начали толпу усовещевать, уговаривать, чтобы разошлись, долго толковали, ничего, кроме брани, не добились.

— «Командуйте, кацитан!» Раздался залп из нескольких ружей, в средине толпы свалилось три человека. — «Отбой!» Опять начались усовещевания, так же долго им толковали, как и прежде. Ничего, кроме брани из толпы.

— «Командуйте!» Опять залп, человек пять убито. — «Отбой!» Снова усовещевание и опять безуспешно. Число ружей увеличили, после залпов падало по 15 и больше и на толпу не производило заметного влияния. За каждым залпом уговаривали крестьян разойтись или выдать виновного Антона, но кроме дерзких криков и угроз, из толпы ничего не слыхали. Велели стрелять целой ротой, человек сорок от залпа упало, — толпа осталась непокорна. Еще залп ротой, все засуетилось, побежало, а кому от давки нельзя было бежать, завопил: «выдадим, выдадим!» Пальбу остановили; мужики бежат, куда попало, много бросилось через реку, друг друга давят, бегут по задам, через плетни и повети. Из избы вывели Антона, с двора толпа народа за ним: у него на голове Положение. Апраксин закричал, чтобы народ остановился, чтоб один Антон шел. Только что Антон отделился, подъехали казаки и взяли его.

Антону лет 35 [11]), худой, маленький, бледный как полотно, страшно перепугался, — он думал, что его будут тотчас же расстреливать. Толпа рассеялась, мертвых вместе положили, раненых в больницу отнесли. Убитых и раненых 150 человек.

Тотчас же нарядили 50 человек рыть могилу мертвым, расставили караулы, все утихло. Через час поднялся плач и причитанье, под вечер наехали за убитыми из сторонних деревень. Нанесли сторонним холста, свечей. Поздно вечером из Бездны я выехал, — все село какой-то могилой пахло. Холодом охватывает душу при взгляде на цифру, но не вините никого. Два дня промедли — и все погибло. Кто был на месте, тому виднее, как дело могло разыграться. Можете судить из того, что все присутствующие остались довольны счастливым окончанием. Тронут только Молоствов, его мне жалко; благородная душа, но и он сознает необходимость. Ему нужно быть наиболее благодарным. Сколько раз он с опасностью жизни входил в толпу и уговаривал.

Если в Симбирске не будут помешаны на кротких мерах, то не лягут сотни.

Ночевал я в Гусихе, 3 версты от Бездны. Антона считают святым, мертвых — мучениками. Бунт хотя и утих, но бредни из головы не вышиблены. «Слава богу, говорят, теперь воля христианской кровью облилась, будет много уже легче ее взять».

13-го к полдню приехал в Мурасу. Узнаю, что вчера приезжали агенты из Бездны бунтовать народ. Остановились у сотника, сотник сходку собрал, назначили ходоков за волей, Елхов и Леваков,

разумеется, в числе их отправились. Агентам нарядили подводу и повезли дальше бунтовать народ. Хочу об них писать к Молоствову. Из Мурасы отправились четверо, из Ерыклы 15 человек.

Наши хожаки до Бездны не дошли, на дороге узнали последствие бунта, вернулись назад. Рассказывают, что на Антона граф надел свое платье, ордена свои, посадили в карету и повезли к царю. Говорят, что для дворян, которые народ стреляли, готовы смоляные кибитки, чтоб везти их в Сибирь; что где-то народ резал дворян, вдруг приехал Константин: «Дети мои, тише, тише, что вы делаете?» — «Дворян рубим, ваше высочество»... — «Ну, спасибо, что исполняете службу царскую, собаке — собачья смерть».

Всех басен вам не пересказать. Все они потешны, все глупы до нельзя и... все это рассказывается и верится свободными гражданами, с которыми нам придется делать п о л ю б о в н ы е сделки.

№ 18.

Рапорт казанского губ. прокурора упр. мин. юстиции от 8 мая 1861 г.*)

С е к р е т н о.

Его превосходительству господину управляющему министерством юстиции тайному советнику и кавалеру Дмитрию Николаевичу Замятнину.

Казанского губернского прокурора

рапорт.

После донесения моего вашему превосходительству от 15 истекшего апреля за № 51 о происшествии, случившемся Спасского уезда в селе Бездне помещика Мусина-Пушкина, по случаю неповиновения крестьян, вышедших из крепостной зависимости, главный возмутитель Антон Петров, на основании высочайшего повеления предан полевому уголовному суду и по решению комиссии, по этому предмету учрежденной, расстрелян. Для обнаружения же причины волнения и открытия других виновных, по распоряжению г. казанского военного губернатора, назначена следственная комиссия под председательством советника губернского правления Перцова [12]). При Бездне убито крестьян по достоверным сведениям не до 70, как адъютант начальника губернии г. Половцев словесно донес и как я имел честь донести вашему превосходительству, а 51, ранено 90 человек.

*) Сопроводительное отношение к этому рапорту опущено, так как не содержит сведений о Бездне. — *Ред.*

О происходивших же в разных уездах Казанской губернии происшествиях по крестьянскому делу, со дня обнародования всемилостивейшего манифеста 19 февраля сего года, имею честь представить вашему превосходительству краткую записку, составленную из сведений, по канцелярии г. начальника губернии имеющихся.

Губернский прокурор Унтилов.

Краткая записка о всех происшествиях по крестьянскому делу в Казанской губернии со дня обнародования всемилостивейшего манифеста о даровании крепостным людям прав свободных сельских обывателей, по 4 мая 1861 года [13]).

1) Лаишевского уезда, деревень Кармачей и Карташихи, принадлежащих помещикам Покровскому, Угонищеновой [14]) и Тебельковой, срочно-обязанные крестьяне в марте месяце отказались от исполнения господских работ и не выходили на оные по наряду старосты. Причинами этого неповиновения были неправильные толкования как манифеста, так и высочайше утвержденных Положений приходскими священниками. Порядок в имениях водворен лаишевским земским исправником, при содействии уездного предводителя дворянства. Действия священников сообщены на рассмотрение Афанасия архиепископа казанского и свияжского, которым они вызываются для истребования от них объяснений и определения наказания.

2) Свияжского уезда, села Теньки [15]) с деревнями, принадлежащими помещику кн. Гагарину, крестьяне в марте месяце вышли из повиновения, отказались платить государственные подати и оброк помещику. Порядок водворен свияжским земским исправником.

3) Свияжского уезда в селах: Косякове — помещика Левашева, Албабы [16]) — г. Еремеева, Панове — г. Леонтьева, Муратове — гг. Лохтиных, деревни Кирееве [17]) — г. Юматова, селах: Введенской слободе и Бурнашеве — г. Бестужевой, селе Кониках — г. Лаптева крестьяне в марте месяце, по уведомлению свияжского уездного предводителя дворянства, отказались будто бы от исполнения господских работ и производили порубку господских лесов. Для водворения порядка во всех имениях командирован был состоящий при штабе г. казанского военного губернатора для особых поручений [майор] Вержбицкий, которым везде разъяснены крестьянам их настоящие права и обязанности, причем оказалось, что во всех имениях крестьяне не выходили из повиновения, но в селе Муратове женщины не принесли

пряжу, отданную на зиму, в селах Введенской слободе и Бурнашеве крестьяне брали из помещичьего леса хворост на отопление изб, в селе Кониках делали то же без дозволения управляющего, и когда управляющий, встретив обоз с хворостом, приказал везти оный на господский двор, то два брата крестьянина не исполнили этого. Эти два брата наказаны розгами. В деревне Кирееве крестьяне нуждались в хлебе. О снабжении их предводитель дворянства сообщил помещику Юматову, но ответа не получил, а так как хлеб, как сделалось известным по уведомлению уездного предводителя дворянства, весь продан помещиком, то действия его переданы на рассмотрение губернского правления.

4) Того же уезда деревни Набережных Моркваш — помещика Тиле [18]) крестьяне в марте месяце отказались от исполнения господских работ и произвели незначительную порубку господского леса. Порядок водворен свияжским земским исправником, виновные в самовольной порубке наказаны в присутствии прочих крестьян.

5) Лаишевского уезда в деревнях Княжей, Худяшеве [19]) и сельце Юнусове — помещиков Обухова, Маньковской, Асановой, княгини Ухтомской и г. Львовой крестьяне в апреле месяце отказались от исполнения господских работ, объявив, что они совершенно свободны. Для водворения порядка командирован был состоящий при штабе г. военного губернатора для особых поручений майор Вержбицкий, которым крестьяне деревни Княжей и Худяшевой приведены в повиновение. Более упорства встречено в сельце Юнусове, куда назначена 1 рота резервного батальона Азовского пехотного полка; по прибытии роты порядок водворен. Главными подстрекателями оказались: солдат Александр Кузьмин, отправленный для арестования в г. Лаишев, и крестьяне г. Львовой — Осип Игнатьев и Ефим Афанасьев, о поступках которых произведено следствие майором Вержбицким. Крестьяне эти по распоряжению ген.-ад. Бибикова подвергнуты суждению комиссии военного суда, под председательством состоящего при штабе г. военного губернатора для особых поручений майора Рубанова. По отъезде майора Вержбицкого из сельца Юнусова прибыл в сельцо это крестьянин казанского уезда деревни Черноценье Николай Алексеевский, который, назвавшись посланником государя императора, начал неправильно толковать крестьянам высочайше утвержденное Положение, был схвачен крестьянами и представлен к г. казанскому военному губернатору. Следствие о поступках его произведено старшим чиновником для особых поручений при военном губернаторе Киселевским при губернском штаб-офицере корпуса жандармов и стряпчих палаты государственных имуществ; предан по распоряжению ген.-ад. Бибикова военному суду.

6) Лаишевского уезда деревни Чемодуровки — помещицы Кеслер крестьяне отказались от исполнения господских работ, из коих 14 ушли без дозволения помещицы в г. Казань. Порядок водворен старшим адъютантом штаба г. военного губернатора поручиком Половцевым, которым внушены крестьянам их прямые обязанности. Неправильно толковавший Положение крестьянин села Короблян Петр Степанов Мещеряков бежал и разыскивается.

7) Чистопольского уезда села Дмитровское [20]) — помещицы Жуковой крестьяне в апреле месяце отказались от исполнения господских работ и оказали неповиновение. Порядок водворен состоящим при штабе г. военного губернатора для особых поручений майором Рубановым; на некоторое время в имении оставлена команда из 25 человек от резервного батальона Украинского пехотного полка; крестьяне совершенно раскаялись и прощены по просьбе помещицы.

8) Чистопольского уезда села Изгор — помещицы Жуковой крестьяне в апреле месяце объявили управляющему, что вся земля принадлежит им, что они возьмут господский немолоченный хлеб, разделят его между собою, не будут исполнять господских работ, так как они совершенно свободны. Порядок водворен чистопольским земским исправником, крестьянам внушены их права и обязанности, и они, оказав раскаяние, изъявили повиновение.

9) Спасского уезда села Мурасы — помещицы Ермоловой [21]), крестьяне вечером в марте месяце пришли к господскому дому, требовали от управляющего отчета, почему именно он наказал крестьянина Агеева. Порядок водворен спасским земским исправником, а о принятии мер к предупреждению на будущее время беспорядков сообщено спасскому уездному предводителю дворянства с тем, чтобы он обратил внимание на крестьян Петра Сергеева, Степана Левакова и Софрона Сидорова, более других буйствовавших.

10) Спасского уезда села Полянок — гг. Лихачевых [22]) крестьяне отказались от исполнения господских работ. Порядок водворен спасским земским исправником. Подстрекавший и неправильно толковавший высочайше утвержденные Положения крестьянин города Тетюш Максим Павлов Кузнецов представлен к г. военному губернатору и отослан для производства следствия о поступках его в спасский уездный суд 14 апреля; следствие производится.

11) Свияжского уезда деревни Асяняковой [23]) — помещика Деларю крестьяне вышли из повиновения, отказались от исполнения господских работ и прибили старосту. Порядок водворен свияжским земским исправником. Более других виновные крестьяне наказаны розгами.

12) Лаишевского уезда деревни Вержейтий, — помещицы Дебосбр и наследников г. Казембек крестьяне отказались от повиновения

и исполнения господских работ, произвели самовольные порубки господского леса. Порядок водворен лаишевским земским исправником. Затем по получении от лаишевского уездного предводителя дворянства уведомления о новом неповиновении крестьян, 28 апреля командирован туда начальник штаба резервной дивизии 4 армейского корпуса подполковник Молоствов с 1-й ротой резервного батальона Азовского пехотного полка; порядок водворен. Главный подстрекатель крестьянин деревни Надеждиной помещицы Красицкой Гаврил Миронов взят. Следствие о поступках его произведено подполковником Молоствовым. Миронов предан по распоряжению ген.-ад. Бибикова военному суду комиссии, утвержденной над крестьянами Игнатьевым, Афанасьевым и Алексеевским.

13) Казанского уезда села Усады [24]) — помещицы кн. Ширинской-Шихматовой [25]) крестьяне отказались от исполнения господских работ. Подстрекатели и неправильные толкователи были: священник Иоанн Черкасов, дьячки Мамадышский и Александров. Порядок в имении, как оказалось по удостоверению казанского земского исправника и уездного предводителя, не нарушен, крестьяне не выходили из повиновения. Священник Черкасов совершенно оправдан и по отзыву уездного предводителя дворянства, не только не толковал превратно крестьянам законоположений, но едва разъяснены им все их прямые обязанности, а дьячки Мамадышский и Александров удалены от должностей по распоряжению епархиального начальства.

14) Лаишевского уезда деревни Чемерцов — помещика Знатковского крестьяне произвели порубку леса, отзываясь, что как лес, так и земля должны принадлежать им безраздельно. О водворении порядка предписано лаишевскому земскому исправнику при содействии лаишевского уездного предводителя дворянства. По получению донесения о следствии виновные будут преданы суду.

15) Чистопольского уезда села Большого Красного Яра — помещика Бутлерова крестьяне отказались от уплаты недоимочного хлеба и от возврата пряжи. Порядок водворен чистопольским земским исправником.

16) Свияжского уезда села Кичкеево [26]) — помещицы Сединкиной [27]) крестьяне произвели порубку леса; порядок водворен свияжским земским исправником.

17) Того же уезда села Косякова — помещицы г. Левашевой крестьяне опустошили господский лес, вырубив лучшие деревья. Производство следствия об этой порубке поручено свияжскому земскому исправнику, по окончании коего виновные преданы суду.

18) Чистопольского уезда села Четвертей помещик Лукьянов жаловался, что крестьяне не исполняют своих обязанностей. По при-

бытии земского исправника крестьяне оказали полную покорность и раскаяние.

19) Того же уезда села Сосновки — помещика Чегодаева крестьяне не хотели исполнять господских работ совершенно. Порядок водворен чистопольским земским исправником. Дворовый человек Петров и крестьянин Бабин, неправильно толковавшие крестьянам их обязанности, были вызваны в г. Чистополь, где им сделано надлежащее внушение, и они вполне убедились.

20) Того же уезда деревни Михайловки — помещика Аристова и села Большого Красного Яра — помещицы Сазоновой крестьяне уклонялись от исполнения господских работ. Порядок водворен чистопольским земским исправником. Причиною ослушания было неправильное понимание Положений.

21) Того же уезда сельца Аверьянова — помещицы Крыловой и наследников Стрижевских крестьяне отказались от исполнения господских работ. Порядок водворен чистопольским земским исправником. Главный подстрекатель крестьянин слободы Петровской Афанасий Бибиков представлен к г. начальнику губернии и препровожден для производства следствия и суда в чистопольский уездный суд. Крестьяне Степан Огарев и Прокофий Никифоров, оказавшие более других непослушание, наказаны розгами.

22) Того же уезда деревни Служилой Шепталы — помещицы Балахонцовой и деревни Андреевки — помещика Савинич крестьяне оказали неповиновение: отказались от исполнения господских работ. Порядок водворен чистопольским земским исправником. Более других виновные в ослушании: староста деревни Андреевки Афанасий Кузьмин, крестьяне Степан Павлов и дворовый человек Иван Михайлов наказаны розгами и раскаялись.

23) Лаишевского уезда села Байтерянова — помещиков Козиных и Янушкевич, деревни Некрасовой — помещика Филиппович и деревни Пановой — помещика Смирнова крестьяне, подстрекаемые юнкером Варламовым и крестьянином деревни Малой Некрасовой Ильей Кузьминым, оказали полное неповиновение. Внушение земского исправника не имело успеха. Порядок водворен начальником штаба резервной дивизии 4-го армейского корпуса подполковником Молоствовым, бывшим в означенных селениях с 2 ротами резервного батальона Азовского пехотного полка. Следствие о поступках юнкера Варламова и крестьянина Кузьмина произведено подполковником Молоствовым. Крестьянин Кузьмин предан по распоряжению ген.-ад. Бибикова военному суду комиссии, учрежденной под председательством майора Рубанова, и по конфирмации ген.-ад. Бибикова приговорен к наказанию шпицрутенами через 100 чело-

век 3 раза и ссылке на жительство в Томскую или Тобольскую губернии.

24) Чистопольского уезда сельца Сухой Лебедки — помещицы Спижарной и деревни Новопоселенных Полянок — помещика Аристова крестьяне оказали неповиновение и отказывались от работ и от посевов и сделали порубку помещичьего леса. Порядок водворен чистопольским земским исправником. Действия священника села Новотроицкого Тринитатова, неправильно истолковывавшего Положение крестьянам села Сухой Лебедки, переданы в рассмотрение архиепископа казанского, которым священник удален.

Губернский прокурор У и т и л о в.

№ 19.

Рапорт ген.-ад. Бибикова Александру II от 23 мая 1861 г. *)

Его императорскому величеству

ген.-ад. Бибикова всеподданнейший рапорт.

На сообщенный мне статс-секретарем тайным советником Бутковым рапорт свиты вашего величества ген.-майора гр. Апраксина от 16 сего мая № 3 [sic!], имею счастие всеподданнейше донести, что по прибытии моем в г. Казань я получил телеграфическую депешу, в коей сообщена мне была высочайшая вашего императорского величества воля об исследовании поступка профессора Казанского университета Щапова. Вследствие чего я тотчас обратился как к начальнику губернии, так равно и к ближайшему начальству университета, не могут ли они мне указать кого-либо из студентов, присутствовавших при панихиде. Получил ответ от начальника губернии и от попечителя учебного округа, что они никого назвать не могут и что даже учащиеся и само университетское начальство узнало об этом событии тогда, когда уже было все кончено.

По день моего отъезда начальник губернии на все мои вопросы относительно поведения студентов отвечал, «что они все спокойны, но что направление умов их одобрить нельзя».

После таких отзывов ближайшего начальства я уже не мог приступить к исследованию поступков неизвестных мне лиц.

Ген.-ад. Б и б и к о в.

---

*) На рапорте резолюция Александра II: «Ответ этот нахожу неосновательным, ибо ему поручено было исследовать поступок Щапова, к которому были причастны студенты университета, за неисполнение чего нахожусь вынужденным сделать ему замечание.»

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Антон Степанович Апраксин, гр., ген.-м. свиты е. и. в., один из крупнейших помещиков.

[2]) См. его воспоминания: Ф. А. П.-в. «Из воспоминаний 1859—1861 годов», гл. III—IV («Ист. вестн.», 1907, XI).

[3]) В черновике рапорта сохранились следующие варианты речи, позже зачеркнутые и заменекные текстом беловика:

а) «И сказал им, что начальство, которому они подчинены и вверены самим государем, истощило уже все способы и меры кротости, прибегая к увещанию их и стараясь вразумить и вывести их из заблуждения, в каком они находятся, подчиняясь обману, рассеиваемому между ними из своих выгод Антоном Петровым, а потому ежели они не послушаются и теперь еще сделанных им наставлений, то вынудят меня прибегнуть к последнему средству, на которое дано мне право государем, и я прикажу войску стрелять»...

б) «И сказал им: вы уничтожили [sic!], какое у вас повиновение к царю, когда вы не признаете властей, им установленных, — причем напомнил, что мне дана власть силою принудить их подчиниться узаконениям в. в.».

в) «И последний раз старался их вразумить и сказал, что буду в них стрелять, и, наконец, объявил, что буду стрелять и чтоб те, которые не чувствуют себя виновными, уходили — отошли». («Колокол» 1862, № 124, стр. 1033.)

[4]) Этот подсчет убитых и раненых не может быть верен уже по одному тому, что многие раненые бежали и скрывались от полиции, зная, что рана — прямое доказательство участия в восстании. Уже в рапорте казанского губернского прокурора (см. док. № 18) даны другие цифры: убито 51, ранено 90 человек. Подсчеты же частных лиц давали еще более высокие цифры. Так, в «Колоколе» («Колокол», 1862, № 124, стр. 1035) приведены такие цифры:

Убитых на месте	51	чел.
Умерших от ран до прибытия врача.	32	»
Раненых	89	»
Из них умерло и безнадежных . . .	25	»

Н. А. Крылов, управляющий имением Мурасы, также собирал сведения об убитых и раненых и привел их в своих «Воспоминаниях» («Русск. ст.», 1892, № 6), но цензура вычеркнула эти сведения. Их приводит И. Игнатович, пользовавшаяся полным текстом, предоставленным ей Крыловым. Эти сведения были крайне разнообразны: один офицер, участвовавший в усмирении, определяет число убитых в 300 чел. «Казак, который укладывал трупы у церкви, сказал мне цифру в 107 убитых. Становой считал по подводам и сказал, что более сотни отправлено. В. В. Молоствов сказал, что похоронено 57 человек. Исправник Шишкин через месяц после происшествия сказал, что убитых не более 100 человек, но «скверно то, что все раненые скрывали свои раны, лечились дома и более 200 уже умерло»... («Мин. годы», 1908, № 8, стр. 202—203).

[5]) Н. А. Крылов в «Воспоминаниях» передает следующую легенду, позже вычеркнутую цензурою из его воспоминаний: между крестьянами носился слух, что А. Петрова подменил в остроге верный царю человек, так что застрелили другого, а А. Петрова видели проехавшим в карете (И. Игнатович, см. «Мин. годы», 1908, № 8, стр. 205).

[6]) Это утверждение решительно отвергается как письмом Крылова (док. № 17), так и рядом мемуарных свидетельств.

[7]) Деньги собирались для отправки в Казань ходоков для собирания сведений о воле («Колокол», 1862, № 124, стр. 1032).

[8]) Бибиков, Илья Гаврилович (1794—1867), бывш. виленский военный губернатор, посланный Александром II для расследования беспорядков в Казанской и Пермской губ. В «Колоколе» о посылке Бибикова сказано: «Из Петербурга привезли дряхлого Бибикова, а уж известно, что Бибиковых возят из Петербурга в Казань только в случаях крайней опасности» («Колокол», 1862, № 122—123, стр. 1018). Это намек на ген.-анш. А. И. Бибикова, бывшего деятельнейшим «усмирителем» пугачевщины.

[9]) Долгоруков кн., Василий Андреевич, шеф жандармов, главный начальник III отделения собств. е. и. в. канцелярии.

[10]) Автор этого письма — Н. А. Крылов, управляющий именнем с. Мурасы, ранее принадлежавшим П. Н. Ивашеву, а затем перешедшим к его дочери, в замужестве — Ермоловой. Авторство Крылова легко установить сопоставлением письма и позже опубликованных «Воспоминаний» Н. А. Крылова («Русск. ст.», 1892, IV и VI). Кроме того, мы имеем об этом прямое свидетельство автора (см. И. Игнатович, «Волнения помещичьих крестьян», «Мин. годы», 1908, № 8, стр. 188—189). Бросается в глаза разница настроений письма и позднейших «Воспоминаний»: последние находятся во власти либеральной концепции, чего никак нельзя сказать о письме.

[11]) По официальным данным, Антону Петрову было 31 год (см. док. № 3).

[12]) Константин Петрович Перцов, брат Эраста Петровича Перцова, литератора, автора записок о 1861 годе, заподозренного в сношениях с А. И. Герценом (см. «Красный архив», 1926, т. XVI, стр. 118—164).

[13]) Фамилии помещиков и названия деревень, находящиеся в этой сводке, сверены с данными «Приложений к трудам редакционных комиссий для составления Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях», т. I, СПБ, 1860 (Сведения по Казанской губернии). Ниже в примечаниях даны разночтения подлинника, где очень многие названия и фамилия перепутаны. Заметим, что в результате этой сверки с несомненностью устанавливается высокий процент крестьянских волнений в имениях мелкопоместных (ниже 100 душ креп. крестьян) владельцев.

[14]) В подлиннике — Угоницеловой — Прил. т.I.

[15]) В подлиннике — Теньков.

[16]) В подлиннике — Албабе.

[17]) В подлиннике — Киреевой.

[18]) В подлиннике — Тилле.

[19]) В подлиннике — Ходяшевой.

[20]) В подлиннике — Дмитриевки.

[21]) Управляющим этим имением и был Н. А. Крылов, письмо которого к помещице Ермоловой приведено под № 17.

[22]) По Прил. I сельцо Полянки принадлежало помещице Лобачевской.

[23]) В подлиннике — Асеняковой.

[24]) В подлиннике — Усаб.

[25]) В подлиннике — Ширинской-Шахматовой.

[26]) В подлиннике — Кичнеева.

[27]) В подлиннике — Седникиной.

Из записной книжки архивиста.

Николай Романов об убийстве П. А. Столыпина.

Публикуемое ниже письмо Николая Романова к матери, Марии Романовой, представляет двоякий интерес: во-первых, в нем сообщаются некоторые не появлявшиеся до сих пор в печати подробности покушения Богрова на Столыпина; во-вторых, письмо дает материал для суждения о том, как царь отнесся к гибели крупнейшего (если не считать Витте) из своих министров, которых он имел и которых ему еще суждено было иметь. «Аликс» (жена Николая) приняла известие об убийстве П. А. Столыпина «довольно спокойно»; потеря Столыпина, повидимому, не вызвала и у самого Николая особенно сильных «эмоций» (словечко, употреблявшееся им в моменты острых душевных переживаний!). Между парадами и смотрами он занят был обдумыванием выбора достойного преемника убитому по должности министра внутренних дел, так как понимал, что дело не в лицах, а в сохранении системы, — умер Столыпин, но осталась столыпинщина. В частности, напр., надо было довести до конца столыпинскую «аграрную реформу», укреплявшую режим с помощью «крепкого единоличного хозяина», а для этого нужно было твердое полицейское руководство. Естественно поэтому, что выбор царя, после некоторого раздумья, выпал на А. А. Макарова, знатока полицейского дела, того самого, который через несколько месяцев произнес в Госуд. Думе знаменитую фразу по поводу расстрела рабочих на Ленских золотых приисках: «Так было и так будет впредь».

Письмо воспроизводится с подлинника, хранящегося в Особом отделе Древлехранилища Московского Центрального Исторического Архива.

А. Сергеев.

---

10 сентября 1911 г. Севастополь.

Милая, дорогая мама.

Наконец нахожу время написать тебе о нашем путешествии, которое было наполнено самыми разнообразными впечатлениями, и радостными и грустными.

Начну по порядку.

Последние недели в Петергофе были переполнены: встречи, официальные приемы, две свадьбы и маневры — все это проходило, как кинематограф. Тебе, наверное, описали обе свадьбы — в Петергофе и в Павловске. Потом в Царском Селе я осматривал почти четыре часа подряд очень интересную выставку в память 200-летия Царского, устроенную в парке около Большого Дворца и вокруг озера. Наконец, в самый день нашего отъезда я был в Петербурге на спуске «Петропавловска», который был чрезвычайно эффектный и привел меня в такое умиление, что я чуть-чуть не разрыдался, как дитя.

В тот же вечер, 27 августа, мы поехали в Киев, куда прибыли 29-го утром. Встреча там была трогательная, порядок отличный. Сейчас же начались у меня приемы. Из Болгарии был при-

слан Борис [1]) для возложения венка от его отца и народа на памятник апапа [2]). Освящение состоялось 30-го авг[уста] при хорошей погоде; мы приехали с холодом и дождем. Следующие три дня 31-го, 1-го и 2-го сентября я проводил на маневрах и большом параде, а эти вечера были заняты в городе.

Я порядочно уставал, но все шло так хорошо, так гладко, подъем духа поддерживал бодрость, как 1-го вечером в театре произошло пакостное покушение на Столыпина. Ольга и Татьяна [3]) были со мною тогда, и мы только-что вышли из ложи во время второго антракта, т[ак] к[ак] в театре было очень жарко. В это время мы услышали два звука, похожие на стук падающего предмета; я подумал, что сверху кому-нибудь свалился бинокль на голову, и вбежал в ложу.

Вправо от ложи я увидел кучу офицеров и людей, которые тащили кого-то, несколько дам кричало, а прямо против меня в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и благословил воздух левой рукой.

Тут только я заметил, что он побледнел и что у него на кителе и на правой руке кровь. Он тихо сел в кресло и начал расстегивать китель. Фредерикс [4]) и проф. Рейн [5]) помогали ему.

Ольга и Татьяна вошли за мною в ложу и увидели все, что произошло. Пока Столыпину помогали выйти из театра, в коридоре рядом с нашей комнатой происходил шум, там хотели покончить с убийцей [6]); по моему — к сожалению, полиция отбила его от публики и увела его в отдельное помещение для первого допроса. Все-таки он сильно помят и с двумя выбитыми зубами. Потом театр опять наполнился, был гимн, и я уехал с дочками в 11 час. Ты можешь себе представить, с какими чувствами?

Аликс [1]) ничего не знала, и я ей рассказал о случившемся. Она приняла известие довольно спокойно. На Татьяну оно произвело сильное впечатление, она много плакала, и обе они плохо спали.

Бедный Столыпин сильно страдал в эту ночь, и ему часто впрыскивали морфий. На след[ующий] день, 2 сент[ября], был великолепный парад войскам на месте окончания маневров — в 50 верстах от Киева, а вечером я уехал в гор. Овруч, на восстановление древнего собора св. Василия XII века.

Вернулся в Киев 3 сент[ября] вечером, заехал в лечебницу, где лежал Столыпин, видел его жену, кот[орая] меня к нему не пустила. 4 сент[ября] поехал в 1-ю Киевскую гимназию — она праздновала свой 100-летний юбилей. Осматривал с дочерьми военно-исторический и кустарный музей, а вечером пошел на пароходе «Головачев» в Чернигов. В реке было мало воды, ночью сидели на мели минут 10 и вследствие всего этого пришли в Чернигов на полтора часа позже. Это небольшой город, но также красиво расположенный, как Киев. В нем два очень древних собора. Сделал смотр пехотному полку и 2 000 потешных, был в дворянском собрании, осмотрел музей и обошел крестьян всей губернии. Поспел на пароход к заходу солнца и поплыл вниз по течению.

6 сент[ября] в 9 час. утра вернулся в Киев. Тут на пристани узнал от Коковцова [2]) о кончине Столыпина.

---

[1]) Борис, сын болгарского царя Фердинанда, наследник престола.

[2]) Александр II (1818—1881), дед Николая Романова.

[3]) Ольга и Татьяна Николаевны, вел. кн., дочери Николая Романова.

[4]) Фредерикс, В. Б., гр., министр имп. двора и уделов.

[5]) Рейн, Г. Е., почетный лейб-хирург.

[6]) Богров, Д. Г., сотрудник киевского охр. отделения.

---

[1]) Александра Федоровна (1872—1917), императрица.

[2]) Коковцов, В. Н., мин. фин., с 11 сент. 1911 г. председатель Совета Министров.

Поехал прямо туда, при мне была отслужена панихида. Бедная вдова стояла, как истукан, и не могла плакать; братья ее и Веселкина находились при ней. В 11 час. мы вместе, т. е. Аликс, дети и я, уехали из Киева с трогательными проводами и порядком на улицах до конца. В вагоне для меня был полный отдых. Приехали сюда 7 сент[ября] к дневному чаю. Стоял дивный теплый день. Радость огромная попасть снова на яхту!

На следующий день, 8 сентября, сделал смотр Черноморскому флоту и посетил корабли: «Пантелеймон» [1]), «Иоанн Златоуст» и «Евстафий». Последние два совсем новые. Действительно блестящий вид судов и веселые молодецкие лица команд привели меня в восторг, такая разница с тем, что было недавно. Слава богу!

Всего на рейде стоит: 6 броненосцев, 2 крейсера, 20 больших миноносцев и 2 транспорта. В этом составе эскадра обошла все Черное море и также заграничные порты.

Тут я отдыхаю хорошо и сплю много, потому что в Киеве сна нехватало: поздно ложился и рано вставал.

Аликс, конечно, тоже устала: она в Киеве много сделала в первый день и кое-кого там видела, в другие дни хотя никуда не выезжала, кроме, конечно, освящения памятника. Она сама находит, что чувствует себя лучше и крепче, нежели два года тому назад, при приезде в Севастополь.

11 сентября.

Утром ездил с детьми к обедне на Братское кладбище, которое теперь приведено в большой порядок благодаря Комитету Севастопо[льской] обороны Сандро [2]) и его помощника ген. Зайончковского. — Третьего дня был шторм, и как раз попала в него на переходе сюда из Одессы бедная Ирина [1]). Она долго не могла встать утром и приехала к нам перед завтраком зеленая и молчаливая. Позже она развеселилась и уехала в Айтодор на моторе.

Многие из господ ездят в Ливадию и привозят очень приятные известия о новом доме; его находят красивым снаружи, уютным и удобным внутри. Мы придем туда к 20-му, как просил нас архитектор Краснов; раньше не стоит, т[ак] к[ак] Аликс лучше отдохнет на яхте, чем в доме с неустроенными комнатами!

Я нахожусь в переписке с Коковцовым относительно будущего министра внутренних дел. Выбор очень трудный. Надо, чтобы вновь назначаемый знал хорошо полицию, кот[орая] сейчас в ужасном состоянии. Этому условию отвечает государственный секретарь Макаров [2]); он был товарищем при Столыпине и год тому назад составил законопроект о полиции. Я еще думаю о Хвостове [3]), бывшем вологодским губернатором [4]), теперь он в Нижнем. Не знаю, на ком остановиться.

Теперь пора кончать.

Христос с тобою! Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама. Поклон всем.

Сердечно тебя любящий твой

Ники.

---

[1]) Бывш. «Кн. Потемкин-Таврический», переименованный после восстания на нем матросов в 1905 г.

[2]) Александр Михайлович, вел. кн.

[1]) Ирина Александровна, дочь вел. кн. Александра Михайловича.

[2]) Макаров, А. А. (1857—1919), госуд. секретарь, б. председатель высоч. учр. комиссии по реформе полиции; с 20 сентября 1911 г. по 16 декабря 1912 г. министр внутренних дел.

[3]) Хвостов, А. Н. (1872—1918), нижегородский губернатор, был министром внутр. дел в 1915—1916 гг.

[4]) Так в подлиннике.

Тактика высшего командования в Февральскую революцию.

История публикуемого ниже письма ген. Лукомского такова: под давлением рабочих и солдатских масс, а отчасти с целью парализовать революционизирующее значение изданного в первые дни Февральской революции приказа № 1, военный министр Гучков издал ряд приказов, отменяющих наиболее унизительные ограничения в правах солдат. И вот даже эти робкие реформы вызвали недовольство реакционного офицерства, не сумевшего понять истинного соотношения сил в тылу. В Питер, в ставку посыпались протесты командного состава. В частности, обратились с рапортом-протестом к командующему VIII армией по поводу мероприятий Гучкова и старшие начальники 32-й дивизии [1]).

В рапорте не только критиковался один из приказов военного министра, который, по мнению подписавших рапорт, «возник и издан под давлением Совета Рабочих Депутатов в духе социал-демократической партии, поставившей себе целью уничтожить армию путем разложения нравственных устоев ее», но и предлагалась целая программа мероприятий как в отношении армии, так и общего характера. Отметим из них следующие требования: «внутренний уклад жизни армии оставить неприкосновенным, не допуская в нее политики, агитации политических партий... В участившихся побегах к противнику солдат совершенно необходимо от лица правительства подтвердить смертную казнь, по возвращении после заключения мира, тем изменникам, которые добровольно переходят к противнику. Побеги из армии в тыл... должны быть прекращены самыми суровыми мерами: за первый побег физическое наказание, за второй — смертная казнь... Обсуждение таких вопросов, как образ правления, земельный, сословный, равноправие народностей и пр., отложить до окончания войны... Также несвоевременно нормирование рабочего дня 8 часами и т. д.». Мы нарочно привели выдержки из этой программы разнуздавшегося офицерства, чтобы четче выявить ту тактику, которую в ответном письме командующему VIII армией рекомендовал Лукомский. С самого начала, во избежание недоразумений, он подчеркивает, что с принципиальной точки зрения вполне присоединяется к мнению, выраженному старшими офицерами 32-й пехотной дивизии. Но, к сожалению, власть не в наших руках, — жалуется он. «Они [офицеры] не совсем правильно рисуют себе обстановку, при каких условиях возникло и принуждено в настоящее время работать Временное Правительство». Далее идет описание революции, как она рисуется Лукомскому.

Он правильно подчеркивает полную зависимость правительства от Совета Р. и С. Д. («Союза» — по его терминологии). В свете этих признаний лишний раз убеждаешься в предательском поведении соглашательского большинства Совета, упорно отказывавшегося от власти в пользу контроля.

Обрисовав истинное положение вещей, Лукомский указывает, какой тактики надлежит, по его мнению, держаться и какой тактики держатся само правительство и военный министр.

«В настоящее время [разрядка наша.—*С. Р.*] встать в явную оппозицию и принять какие-либо решительные меры против Союза Рабочих и Солдатских Депутатов было бы крайним абсурдом». Иначе говоря, надо

---

[1]) Этот рапорт упоминается А. Шляпниковым в его книге «Семнадцатый год», т. III, стр. 82—83; текст рапорта дан там же на стр. 297—300; цитирую по этому тексту.

подождать более благоприятной обстановки, когда соотношение сил изменится не в пользу Совета (Союза — по терминологии Лукомского). Пока же «необходимо действовать крайне осторожно и путем морального воздействия успокоить армию». А «когда угар пройдет, то, естественно, нужно будет принять ряд мер для укрепления в армии дисциплины». Но самое интересное сообщалось в заключении письма: «Временное Правительство, а в частности, военный министр, отлично понимают положение и, делая уступки в изменениях уклада внутренней жизни армии, делают лишь то, чего избежать теперь нельзя». Другими словами: все реформы вынуждены, правительство не берет их всерьез, как только будет возможность, армию снова возьмут в ежовые рукавицы.

Тактика буржуазии: обещать реформы, если вынудят — дать, при первой же возможности — отобрать, отражена в письме ген. Лукомского совершенно отчетливо и откровенно. И в этом его значение.

С. Рабинович.

Письмо генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем ген. Лукомского ком. VIII армией ген. Каледину от 20 марта 1917 г. № 2387 [1]).

Секретно.

В собственные руки.

Милостивый государь
Алексей Максимович.

Вполне присоединяясь, с принципиальной точки зрения, к мнению, выраженному старшими офицерами 32-й пехотной дивизии, должен сообщить вам, что, повидимому, они не совсем правильно рисуют себе обстановку, при каких условиях возникло и принуждено в настоящее время работать Временное Правительство.

Деятельность прежнего правительства за вторую половину 1916 года и начало 1917 года восстановила против него положительно все классы населения.

Полное пренебрежение мнением страны и Государственной Думы, стремление потушить деятельность общественных организаций и устранить их от работы в действующей армии, упорные слухи о стремлении к сепаратному миру и открытые заявления бывшего министра внутренних дел Протопопова, что нет оснований опасаться проявления каких-либо революционных выступлений, ибо он в этом случае зальет кровью страну, привело к тому, что нарастало общее негодование, и все громче и громче раздавались просьбы и требования о создании ответственного перед народом министерства.

Ответом на это являлись лишь еще более пренебрежительные и суровые меры, клонящиеся к тому, чтобы заставить всех замолчать.

Когда в последних числах февраля начались волнения в Петрограде, лозунгом как общества, так и уличных манифестаций было первоначально требование ответственного министерства, так как репутация представителей прежней власти была настолько подорвана, что искать спасения или выхода из создавшегося кризиса только одной переменой лиц, входящих в состав правительства, представлялось совершенно недостаточным.

Ответом на это, вопреки мнению самого Кабинета Министров и, повидимому, вследствие настояний бывшей императрицы Александры Федоровны, было указание подавить волнения самым решительным образом и отказ в каких-либо уступках.

---

[1]) Моск. Военно-Историч. Архив. Управление ген.-квартирмейстера при верх. главнокомандующем. Дело № 256, 999: «Переписка, связанная с переходом к новому строю».

Между тем события в Петрограде начали развиваться с стихийной быстротой, и принятые старым правительством меры, как, например, снабжение, по распоряжению военного министра, полиции пулеметами, число коих было обнаружено на крышах зданий и церквей в Петрограде в общей сложности более четырехсот, окончательно дискредитировали прежнюю власть в глазах даже умеренных элементов населения и вызвали взрыв общего негодования.

Когда же войска, неудачно направляемые на тушение народного движения, слились с народом, старая власть, окончательно растерявшись, выпустила какое-либо руководство из своих рук. В это время улица вступила в свои права, и столице начала угрожать анархия.

Сама жизнь предъявила потребность к созданию новой власти, которая внесла бы успокоение, но для этого необходимо было действие сплоченной, организованной массы, а таковой явились рабочие, заранее успевшие организоваться.

Власть перешла в руки рабочих, к коим присоединились и представители революционных войск, и таким образом основался Союз [1]) Рабочих и Солдатских Депутатов, к которому, за присоединением заводов, работающих на оборону, всех железных дорог, почты и телеграфа, перешла фактическая власть по управлению страной.

Одновременно с возникновением Союза Рабочих Депутатов образовался Исполнительный Комитет Государственной Думы, объявивший Временное Правительство, каковое не могло не столкнуться с вышеуказанным Союзом Рабочих Депутатов и, конечно, не имея в первое время своего существования под руками никакой силы, на которую могло бы опереться, самым ходом событий поставлено было, если не в подчиненное, то, во всяком случае, в зависимое от Союза Рабочих и Солдатских Депутатов положение.

И в настоящее время встать в явную оппозицию и принять какие-либо решительные меры против Союза Рабочих и Солдатских Депутатов было бы крайним абсурдом со стороны Временного Правительства, и последнему необходимо согласовать свои распоряжения с требованиями момента.

Бесспорно, что мероприятия Временного Правительства, касающиеся взаимоотношений между офицерами и солдатами, как резко нарушающие вековой уклад внутренней жизни армии, не могут болезненно не отразиться на последней.

Задача переживаемого момента настоятельно требует, чтобы этот болезненный процесс армии прошел постепенно, без сильных потрясений и в соответствии с новым государственным строем.

Чрезвычайно полезно и в деле правильного понимания и объяснения событий текущего момента государственной жизни организовать особые комитеты из выборных офицеров и солдат, в коих офицеры, входя в нужный контакт с солдатскою массою в лице ее доверенных представителей, не стесняемых в эти моменты совместного обсуждения дисциплиною, могли бы нравственно на них воздействовать и в полной мере проявить силу своего морального, умственного и чисто военного авторитета.

Выдвигать же в настоящий переходный момент, ввиду предстоящих операций и неспокойного положения тыла, какие-либо лозунги, идущие вразрез с политикой Временного Правительства, было бы актом политического безумия, свидетельствующего лишь о том, что обстановка, ныне создавшаяся в стране, не ясна.

Всякие резкие меры и требования в настоящее время могут погубить все и создать лишь кошмарное крова-

[1]) Так в подлиннике.

вое междоусобие и, как следствие, подчинение Германии.

Ныне необходимо действовать крайне осторожно и путем морального воздействия успокоить армию.

Только этим армия может быть спасена, а с ней спасена честь и будущность России.

Особенно трудно теперь командному составу, но необходимо, рядом разумных для данного момента уступок, создать доверие солдат к офицерам и искренно итти на укрепление нового строя.

Когда угар пройдет, то, естественно, нужно будет принять ряд мер для укрепления в армии дисциплины, но пока надо напрягать все силы к тому, чтобы армия перенесла тяжелую болезнь и окончательно не развалилась.

Временное Правительство, а в частности военный министр, отлично понимают положение и, делая уступки в изменениях уклада внутренней жизни армии, делают лишь то, чего избежать теперь нельзя.

Прошу принять уверения в совершенном уважении и преданности

Покорный слуга

А. Лукомский.

Л. Н. Толстой под ударами цензуры.

I.

Преследование Толстого-литератора цензурой началось с того момента, как в «Современник» Некрасова и Панаева попало первое его произведение «Детство», превращенное редакцией журнала в «Историю моего детства» и подписанное инициалами «Л. Н.» («Современник», 1852 г., № 9). Редакционный трепет перед цензурой и приспособляемость, с одной стороны, и цензурное вмешательство,— с другой, сделали то, что все произведение было искажено. Автор — возмущенный и негодующий — признал свою повесть «жалкой и изуродованной» и в своем дневнике (за 31 окт. 1852 г.) отметил: «Прочел свою повесть, изуродованную до крайности». Редактору же Некрасову написал письмо (правда, не посланное, так как оно было им найдено «слишком жестким»), в котором заявлял: «Или редакция положила себе задачею: как можно хуже изуродовать этот роман, или бесконтрольно поручила корректуру его совершенно безграмотному сотруднику». В повести Толстого была выпущена «история» Натальи Савишны, показавшаяся цензурному оку предосудительной, и сделаны были мелкие исправления и замены: вместо «образка моего ангела» появился «портрет моей матери», «чугунная доска», в которую бьет караульщик, была сделана «медной» и т. д.

Все последующие повести и рассказы Толстого неминуемо искажались в цензурном застенке. «Набег» («Современник», 1853, № 3) просто «пропал от цензуры», как писал об этом с возмущением Толстой своему брату С. Н. Толстому с Кавказа в мае 1853 г.; «Рубка леса», «Отрочество» и «Севастопольские рассказы» подверглись той же участи. Отношение к ним обскурантов из цензурного ведомства было исполнено прямого невежества. Но мотивы, которыми они руководствовались «при исполнении своих служебных обязанностей», были ясны и определенны: это был патриотический отбор годных к печати фраз и слов и дворянско-бюрократическая оценка всего публикуемого материала.

Особенно циничное отношение проявили цензурные патриоты к «Севастопольским рассказам», о чем свидетельствует вся длинная и темная цен-

зурная история последних. Отметим самый разительный факт: «Севастополь в мае», появившийся в «Современнике» (1855 г., № 9) под заглавием «Ночь весною 1855 года в Севастополе», — вместо известного конечного абзаца о главном герое повести Толстого «Правде», — содержал в себе такую заключительную сентенцию Панаева (желавшего, видимо, угодить цензуре): «Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие. Мы защищаем только родной кров, родную землю и будем защищать ее до последней капли крови».

Лев Николаевич три раза в корректурах вымарывал эти пошлые строки. Ничего не помогло: так они и пролезли на свет в некрасовском журнале.

Позже, при переиздании рассказа, Толстой позаботился об уничтожении этой панаевско-цензурной отсебятины и писал Е. Коршу, что он согласился бы всякий раз, как читает эти строки, «лучше получить 100 палок, чем видеть их» [1]).

Но если до шестидесятых годов цензурное ведомство знало Толстого только как литератора, позволяющего себе вольно рассуждать и писать о дворянах и офицерах, то начиная с шестидесятых годов, т. е. с эпохи педагогической деятельности Толстого, на него было обращено внимание охранительных органов как на писателя, уже противоречившего всей тогдашней русской «общественности» и русскому государственному строю.

Писание Толстым педагогических статей (с декабря 1861 г.), приближение его к крестьянскому быту, увлечение школьной работой и журналом «Ясная Поляна» — все это постепенно приобретало в глазах цензуры угрожающий для самодержавия характер.

Впрочем, графский титул, от которого Толстой далеко еще не отрешился, его «связи» и его дворянский герб тогда еще сдерживали напор на него реакционных сил. Это и сказалось на любопытной перебранке между министерствами внутренних дел и народного просвещения по поводу журнала «Ясная Поляна».

Нужно заметить, что министром нар. просвещения стал в то время Головнин, который немножко «либеральничал», водил знакомства в литературном мире (они, впрочем, не мешали ему усиливать цензурный пресс) и старался вводить в школы какую-то «гуманность», пока не был, по настоянию известного усмирителя Муравьева, смещен.

Когда Московский цензурный комитет, рассматривая статью «Воспитание и образование» («Ясная Поляна», 1862, № 7), обратился за разъяснениями (письмом от 5 сентября за № 564) в министерство народного просвещения, то последнее, за подписью Головнина, ответило, что из этой статьи надо исключить только то, что «порицает учебные заведения, не состоящие в ведомстве министерства народного просвещения». «Что же касается критики учреждений сего министерства, то я признаю возможным оставить оную в статье графа Толстого, так как многие из лиц, принадлежащих к университетам и гимназиям, будут отвечать автору и объяснят, в чем он ошибается» [1]).

Этот своеобразный взгляд далеко не разделяло министерство внутр. дел. Стоявший во главе его Валуев распорядился 3 октября 1862 г. циркулярно известить министерство народ-

[1]) О цензурных вмешательствах в «Севастопольские рассказы» см. ст. Н. К. Гудзия: «Молодой Толстой и цензура» в «Известиях Таврич. о-ва ист., археол. и этногр.». Симферополь, 1928 г., т. II, стр. 55 и сл.

[1]) Дело Моск. ценз. комитета, 1862 г., № 240. Документы, приводимые в настоящей статье, хранятся в ленинградских и московских архивохранилищах Центрархива РСФСР.

ного просвещения, что, по его мнению, журнал Толстого проповедует «вредные идеи». Ст.-секретарь Валуев обращал внимание на «направление и дух этого журнала, нередко низвергающего самые основные правила религии и нравственности...» «Продолжение этого журнала в том же духе, по моему мнению, должно быть признано тем более вредным, что издатель, обладая замечательным и, можно сказать, увлекательным литературным дарованием, не может быть заподозрен ни в злоумышленности, ни в недобросовестности своих убеждений. Зло заключается именно в ложности и, так сказать, в эксцентричности этих убеждений, которые, будучи изложены с особым красноречием, могут увлечь на этот путь некоторых неопытных педагогов и сообщить неправильное направление делу народного образования» [1]).

Головнин 24 октября ответил министерству внутр. дел, что им снова пересмотрены все книги журнала «Ясная Поляна» и что «в направлении помянутого издания нет ничего вредного и противного религии, но встречаются крайности педагогических воззрений, которые подлежат критике в ученых педагогических журналах и никак не запрещению со стороны цензуры. Вообще я должен сказать, что деятельность графа Толстого по педагогической части заслуживает полного уважения, и министерство народного просвещения обязано помогать ему и оказывать сочувствие, хотя и не может разделять всех мыслей, от которых после многостороннего обсуждения он и сам, вероятно, откажется».

Надеждам Головнина однако не суждено было сбыться. Толстой не только не «отказался» от тех своих мыслей, которые он вынашивал в шестидесятые годы, но к концу семидесятых годов углубил их до еще более крайних понятий, ставших основными в его мировоззрении.

Перевалив через «Войну и мир» и «Анну Каренину» и в процессе созидания этих своих центральных произведений уяснив себе свои взгляды на искусство, на задачи общественности и народной литературы и др., Толстой подошел к тому рубежу в своей жизни, который именуется его «кризисом».

Толстой вышел на с в о ю дорогу, и новые его мысли и взгляды, резко критиковавшие весь строй жизни православно-самодержавной России, неминуемо должны были встретить резкий отпор со стороны правительственных кругов, отражавших волю и надежды дворянско-буржуазной России, и со стороны синодских сфер, боявшихся, как бы «врата адовы» не одолели их жирное церковно-монастырское бытие.

Толстой проверил догматы церкви, догматы науки, укреплявшей эксплоататорский строй жизни, догматы педагогики, служившей этому строю, и все те «общепризнанные истины», к которым прирос весь быт России, и понял всю их ложь и лицемерие.

Началась вторая половина деятельности Толстого, ознаменовавшаяся, говоря словами Ленина, «беспощадной критикой капиталистической эксплоатации и разоблачением правительственных насилий».

«Исповедь» и ближайшие за ней работы Толстого над евангелием: «Соединение, перевод и исследование 4-х евангелий», «Исследование догматического богословия» и «В чем моя вера» — уже в достаточно определенных чертах наметили основные взгляды Толстого на тот строй жизни, какой его окружал и от которого он с давних пор «инстинктом» отталкивался.

В «Исповеди» Толстой заявил о себе: «Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка,

[1]) Архив деп. полиции, 1862 г., дело № 283.

в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, — того, который делает жизнь...»

Отречение от «нашего круга», от дворянского класса, т. е. вообще «незанятых» людей, как Толстой квалифицировал еще в 1862 г. всех тех, кто питался чужими трудами, происходило одновременно с отречением его от государства и церкви. В очерке «В чем моя вера» и «Исследование догматического богословия» Толстой обосновал причины этого отречения.

Вопросы и ответы, касавшиеся основных сторон жизни России, были поставлены Толстым в этих произведениях с весьма большой искренностью.

Для русского самодержавия, нераздельно жившего с церковью, жандармерией и цензурой, это было прямым вызовом.

Царские чиновники, а вместе с ними и все охранительно настроенные дворяне и купцы, вдохновляемые синодскими чиновниками, начали борьбу с новым видом «крамолы», и эта борьба продолжалась до самой смерти Толстого.

Опасность для государства, которую они видели в писаниях Толстого, увеличивалась тем, что Толстой-художник был окружен в то время уже огромной популярностью, о Толстом начинал говорить Запад, как о великом художнике и моралисте, наконец, его статьи, особенно народные рассказы, которым он отдал много сил и времени в восьмидесятых годах, стали проникать в рабочую и крестьянскую гущу, и под влиянием их происходили акты явного неповиновения «начальству».

Эти обстоятельства заставили самодержавных чиновников быть «осторожными» с Толстым и обдумывать способы пресечения его влияния. Главная роль в этой ответственной борьбе с Толстым выпала на охранные отделения и цензурные органы.

В архивохранилищах Центрархива сохранились многочисленные следы охранной и цензурной работы, направленной против Толстого.

На обложке одного «дела» департамента полиции (под № 349 по описи 1898 г.) имеется красноречивая надпись какого-то чиновника: «Хранить вечно», которая была поставлена вместо перечеркнутой, ранее стоявшей: «Хранить 15 лет». Это обстоятельство свидетельствует об особом внимании к Толстому департамента [1]).

Первое философское произведение Толстого, писанное им как предисловие к задуманному большому сочинению на религиозную тему, посвященную разбору евангелия, вызвало серьезные «затруднения» цензурного ведомства. В апреле 1882 г. это произведение под заглавием «Что я?» взял у Толстого редактор «Русской мысли» С. А. Юрьев, чтобы напечатать его в пятой книге журнала. Статья была уже набрана и даже напечатана в очередной книге «Русской мысли», но в это время состоялось постановление духовной цензуры (по представлению цензора прот. Сергиевского) о запрещении ее. Под наблюдением инспектора типографий из книги были вырезаны страницы статьи Толстого и препровождены в главное управление по делам печати [2]).

---

[1]) Извлечения из этого дела, охватывающего период с 1888 г. по 1905 г. и являющегося только частью материалов, относящихся к этому времени, даны в ст. Б. Н-ского «Л. Н. Толстой и департамент полиции» в «Былом», 1918, № 3.

[2]) Н. Б-в. (Н. Н. Бахметьев). «Толстой и цензура в 80-х годах».—(«Новое время», 1908, 1 окт.) Цензор Сергиевский (письмо его от 21 июня 1882 г. из Сергиева Посада) дал неодобрительное заключение об «Исповеди», упрекая автора в «гордости» и т. п. «С исступленным отчаянием он высказы-

Эта статья, появлявшаяся в прессе в значительных выдержках в начале 80-х гг., полностью (хотя и в небрежном виде) напечатана была М. Элпидиным в Женеве в 1884 г. под заглавием «Исповедь графа Толстого», и с этого времени за ней утвердилось название «Исповеди».

Но еще в 1880 г. стали ходить по рукам списки ее и гектографированные издания. Толстой относился к этому способу распространения положительно и хотя сам никогда и никого не наставлял заниматься таким распространением своих изданий, тем не менее никогда ему и не препятствовал, давая полную свободу действий всем лицам, интересовавшимся его писаниями.

В письме к жене, С. А. Толстой (31 июля 1881 г.) он заметил: «Списывать есть вернейший и законнейший способ распространения. Говорят, «Горе от ума» ходило в десятках тысяч списках. Если нужно оно, то найдет путь»[1]).

И обнаружения списков «Исповеди», ходивших нелегально по рукам, и поездки Толстого к Сютаеву и Сютаева к Толстому, и все прочие «подозрительные» факты жизни Толстого привели к тому, что в 1882 г. министерство внутренних дел циркуляром от 11 сентября за № 1202 установило «негласное наблюдение» за Толстым, о чем были разосланы «совершенно доверительные» бумаги в Москву, Тулу и Крапивну по жандармской линии [2]).

С этих пор каждый шаг Толстого из Ясной Поляны регистрируется подлежащими органами охраны. По следам Толстого, куда бы он ни направлялся, мчались депеши тульского охранного отделения с извещением о выезде «находящегося под негласным наблюдением графа Л. Толстого» в такое-то место и о необходимости установления наблюдения за ним со стороны местных органов охраны.

Новое «положение» Толстого в глазах охранительных органов вызвало со стороны цензурного ведомства еще более крутое отношение к его новым писаниям.

С начала восьмидесятых годов цензурная летопись буквально пестрит именем Толстого. Из месяца в месяц цензорские протоколы и постановления регистрируют «отказы» и «запрещения» толстовских произведений.

Проследим главнейшие факты этого порядка.

Осенью 1883 г. в типографии Кушнерева в Москве набиралась отдельной книгой «В чем моя вера». Корректурные гранки ее попали в руки председателя Московского цензурного комитета В. Федорова, который по ознакомлении с ними написал 14 января 1884 г. свое заключение на имя начальника главного управления по делам печати известного Е. М. Феоктистова: «Сочинение читается с большим интересом и возбуждает полное внимание», писал этот казенный рецензент. «По существу же оно должно быть признано крайне вредной книгой, так как подрывает основы общественных и государственных учреждений и вконец рушит учение церкви. По получении книги я полагал бы немедленно задержать выпуском из типографии и экземпляр отправить в духов-

---

вает признание: я хотел убить себя...», о вере «просвещенных людей» дает «эпикурейски легкомысленный и непростительный по отношению к св. писанию отзыв». (Архив гл. управл. по делам печ., дело № 36.)

[1]) Письма Толстого к жене, изд. 1913 г., стр. 140.

[2]) А. С. Пругавин («О Льве Толстом и толстовцах», М. 1911, стр. 75—76) приводит один из многочисленных губернаторских циркуляров (саратовского губернатора Зубова) «с предписанием исправникам» следить о всяких сношениях Толстого и др. лиц с сектантами. Такие циркуляры издавались по всем губерниям тотчас после распоряжения министерства вн. дел от 11 сентября 1882 г.

ную цензуру; что же касается до судебного преследования, то предоставляю вопрос этот благоусмотрению вашего превосходительства; с своей стороны, я бы думал, что судебное преследование по такому сочинению невозможно».

После этого оттиски «В чем моя вера» были переданы в Моск. комитет духовной цензуры. За подписью прот. М. Боголюбского этот последний сообщил Моск. ценз. комитету (7 февраля 1884 г.), что новая книга Толстого, по его мнению, развенчивает всех «исказителей евангелия», в том числе и ап. Павла, и порицает все церковные и государственные установления. «Все самые вредные направления мысли, как то: социализм, коммунизм и пр., по мнению Толстого, суть «части учения Христова, приносимые церковью»... «По мыслям, явно противным духу и учению христианства, разрушающим начала нравственного учения его, устройство и тишину церкви и государства, книга Льва Толстого «В чем моя вера» принадлежит к числу сочинений, о которых говорит 239-я статья ценз. устава» [1]).

Получив заключения Моск. комитета духовн. цензуры и Моск. ценз. комитета, Феоктистов 14 февраля отношением № 785 распорядился «о безусловном запрещении означенного сочинения» с тем, чтобы все его экземпляры были доставлены в главное управление по делам печати. 18 февраля инспектор по типографиям Москвы арестовал 39 экземпляров в типографии Кушнерева (печаталось всего 50 экз.) и препроводил по указанному адресу.

Как это нередко бывало в практике высшего цензурного органа, конфискованные экземпляры попали в руки «великосветских» читателей (это была просто «любезность» цензоров, даривших заманчивую нелегальщину сановным начальникам). В конечном результате, эти экземпляры пошли по рукам. Кроме того, стали распространяться и рукописные и гектографированные комплекты «В чем моя вера», и жандармерии пришлось их по обыкновению «вылавливать», привлекая всех «замеченных» к ответу и доискиваясь до «первоисточников».

После «В чем моя вера», где Толстой подводил итоги своим исканиям в области религиозной, началась его работа над очерками, подсказанными участием его в переписи и хождением по «Ржановым крепостям» Москвы. Таким образом созревало большое сочинение Толстого «Так что же нам делать?», в котором автор произвел анализ общественного и государственного строя и быта России.

«Так что же нам делать?» печаталось отдельными очерками в «Русском богатстве» и «Русской мысли» («Жизнь в городе», «Из воспоминаний о переписи», «Деревня и город»), в сокращенном виде издавалось Элпидиным в Женеве («Какова моя жизнь» 1886—1887 и «Что же нам делать?» 1889 г.) и вошло в XII часть издававшегося тогда собрания сочинений Толстого (под заглавием «Мысли, вызванные переписью»), но в полном виде это сочинение появилось только в 1902 г. в издании В. Г. Черткова «Свободное слово» в Christchurch.

Работа над «Так что же нам делать?» протекала параллельно с увлечением Толстого народной литературой, подготовлявшейся им и В. Г. Чертковым для основанного недавно ими «Посредника». Толстой, создавая свои народные рассказы, хотел, как он выражался, «отплачивать за свои 50-летние харчи».

Такой же «отплатой» была тогда его работа «Так что же нам делать?».

Распространение как рукописных, так и гектографированных изданий «Так что же нам делать?» достигло огромных размеров. Помимо их появились и оттиски, произведенные на печатном станке. Так, напр., киевский цензор донес 12 ноября 1886 г. в главное управ-

[1]) Дело Моск. ценз. комитета 1884 г. № 22.

ление по делам печати, что в Киеве при обысках найдены у некоторых «подозреваемых в принадлежности к преступным сообществам» лиц оттиски «Так что же нам делать» в 2 выпусках вместе с отпечатанными таким же шрифтом прокламациями «Вестника Народной Воли». Эти оттиски дошли и до Москвы, где инспектором по типографиям были произведены тщательные разведки.

Найти место распространения «заразы» никак не удавалось. Начали ходить самые разнообразные слухи и предположения. Инспектор по типографиям Москвы донес 27 марта 1886 г. московскому ген.-губернатору, что слухи эти указывают на самого Толстого, который является и тайным издателем и распространителем своих противоправительственных сочинений и вместе с тем руководителем в этом деле среди своих последователей и революционеров [1]).

Департамент полиции напрягал все усилия к тому, чтобы обнаружить источник распространения нелегальных сочинений Л. Н. Толстого.

Наконец, в начале 1886 г. П. Н. Дурново узнал, что преступная типография, печатавшая толстовскую нелегальщину, находится в доме... самого Льва Николаевича, в Москве, в Хамовниках, по Хамовническому пер., № 15. 8 апреля он шлет «совершенно конфиденциальный» запрос московскому обер-полицеймейстеру Козлову: «Департаментом полиции из совершенно негласных источников получены сведения, будто бы в доме проживающего в Москве гр. Льва Толстого устроена тайная типография для печатания его тенденциозных произведений, состоящая в непосредственном управлении неблагонадежных в политическом отношении лиц. Сообщая о сем совершенно доверительно вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить не отказать в распоряжении о проверке самым секретным образом, в какой мере изложенное известие заслуживает вероятия» [1]).

Полицеймейстер Козлов, однако, несмотря на произведенные им разведки, должен был рассеять все «вероятия», насчет типографии в доме Толстого. «Путем негласного наблюдения и секретных разведок известия эти не подтвердились», ответил он разочарованному Дурново.

Столь широкое распространение Толстовской «нелегальщины», всякие слухи о деятельности самого Толстого, вовлеченного, в представлении охранных органов, в орбиту чисто революционной деятельности, еще более усилили репрессии против писаний Толстого со стороны главного управления по делам печати. Там неистовствовал сам Феоктистов, имевший верных помощников, из которых особым предубеждением против Толстого отличался С. Коссович, браковавший все поголовно статьи и рассказы Толстого.

В 1885 г. фактически началась работа «Посредника», и были выпущены в свет некоторые народные рассказы Толстого («Чем люди живы», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Кавказский пленник»).

Цензурная политика в отношении Толстого сосредоточивается на следующих принципах: она пропускает произведения Толстого в журналах и сборниках, особенно малотиражных, всячески препятствуя отдельным изданиям тех или иных статей и рассказов Толстого. «Чем люди живы» в «Детском отдыхе» (1881, № 12), и «Крестник» в «Книжках недели» (1886, № 4) были пропущены без особых затруднений, но когда «Посредник» возбудил вопрос об отдельном дешевом издании «Крестника», цензура стала на дыбы. В журнале заседаний Петербургского цензурного комитета от 23 апреля

[1]) Архив главн. комитета по делам печати, 1886 г. д. № 23.

[1]) «Былое», 1917, № 2, стр. 289.

1886 г. приведено содержание «Крестника» и заключение цензора, который нашел, что «крайне опасно распространение в народе такого грубого реального изображения обители бога на земле, противного учению православной церкви». Комитет постановил: «Крестник» — «отдельным изданием к напечатанию не дозволять», и «Посреднику» было отказано [1]).

Через некоторое время тот же «Посредник» возбудил вопрос об отдельном издании всех написанных Толстым «народных рассказов». Это предприятие вызывает в комитете по делам печати исключительные опасения. 3 июня 1887 г. состоялось специальное заседание комитета, посвященное данному вопросу. Цензор Лебедев в своем докладе находил, что народные рассказы Толстого «предназначены для чтения простого народа, почему издание может составить своего рода евангелие, несогласное во многом с учением православной церкви». Комитет, ввиду возникших недоумений и опасений, касающихся духовной цензуры, постановил препроводить собрание рассказов Толстого на усмотрение комитета для духовной цензуры в Петербурге, одновременно задержав книгу выпуском в свет в типографии Евдокимова в Петербурге, где она была уже напечатана в количестве 10 тысяч экземпляров. Комитет по делам духовной цензуры 19 июня ответил, за подписью архим. Тихона, подробным письмом, в котором заявил, что рассказы Толстого «проникнуты одним и тем же тенденциозным балагурством, и хотя, повидимому, имеют нравоучительный характер, но скорее вносят в душу читающего не назидание, а разрушение нравственного благоустройства. Напр., какое может быть назидание для простолюдина от рассказа «Как чертенок краюшку выкупал», в котором главным действующим лицом является чертенок, научивший мужика вино курить, пить и других поить вином, последствием чего между хозяином, угощавшим своих гостей вином, и гостями произошла сначала ссора, а потом брань и, наконец, драка. Неужели этим рассказом можно в мужике возбудить отвращение к пьянству? Нет, учить трезвости нужно трезвыми словами, а не такой безобразной сказкой. Кроме того, читающему этот рассказ приходится много раз поминать чертенка, и потому, если дьяволу приятно, когда его поминают, то смело можно сказать, что рассказ этот написан для его удовольствия, но никак не с целью нравоучительною для читающего. Или другой рассказ «Много ли человеку земли нужно», в котором, как и в вышеприведенном рассказе, является на сцену также дьявол, который, чтобы вернее и скорее ввести человека в грех и довести его до гибели, помогает человеку богатеть, землей его обогащает и этим способом забирает его в руки. Таким образом, рассказ этот, вместо того, чтобы поощрять человека к трудолюбию перспективой зажиточности и обнадеживать, что труды его бог благословит успехом и достатком, страшит угрозой дьявола погубить человека, желающего приобрести побольше земли. И такое ли должно быть нравоучение? Рассказ «Три старца», уже разобранный печатью, как непригодный, прямо проводит мысль, противную вере и христианской нравственности, что можно де достигнуть высокой степени святости без церкви, без св. таинств, без строителей и служителей и достаточно произносить: «Трое нас, трое вас, помилуй нас»... В рассказе «Чем люди живы» является какой-то полупадший ангел, каких не знает христианское учение. Ангел этот, как рассказывается, в наказание за ослушание воли божьей, лишен был крыльев и упал на землю; упавшего ангела, издрогшего от холода и совсем нагого, поднял случайно про-

[1]) Архив Петербургского цензурного комитета, д. № 8.

ходивший сапожник, у которого ангел потом жил в работниках, научился сапоги тачать и, живя у этого доброго бедняка, узнал, чем люди живы — они живы тем, что любят друг друга и делают друг другу добро. Все это не есть ли кощунственное искажение православного учения об ангелах?.. «Зерно с куриное яйцо» проводит чисто социалистическую идею, а именно: по рассказу старик поясняет, что в старину земля не была ничьей собственностью, своим считали только труд и чужим трудом никто не пользовался, оттого хорошо жили, и хлеб хорошо родился. А «Сказка об Иване Дураке и его двух братьях»... проводит, можно сказать, принципиальную мысль о возможности быть царству без войска, без денег, без науки, без купли и продажи, даже без царя»... Выводы, к которым приходило заключение комитета, были для Толстого весьма неутешительны. Книга его оказывалась «непригодной для чтения народа» и «вредной».

Получив такое «заключение», цензурный комитет циркуляром за подписью Феоктистова от 20 августа 1887 г. за № 3119 запретил народные рассказы Толстого и на дальнейшее предлагал: «Не дозволять более печатания и выпуска в свет никаких рассказов графа Л. Н. Толстого как появившихся, так и могущих быть им вновь написанными, без представления заключения о них на окончательное решение управления по делам печати» [1]). Книга же «Посредника» была арестована в типографии Евдокимова [2]).

Цензурная история произведений Толстого, рассчитанных на широкие «народные» массы, весьма любопытна и в дальнейшие годы его деятельности. Многие рассказы Толстого данного жанра претерпели длительные мытарства, прежде чем выбились на свободу из-под цензурного ярма: эти «достижения» относятся главным образом уже к девятисотым годам.

На основании данных официальной переписки между главным управлением по делам печати и цензурных комитетов (Петербургского, Московского и др.) приводим краткую сводку злоключений рассказов Толстого при прохождении через цензуру (с указанием на номера отношений гл. управления по делам печати):

Бог правду видит, да не скоро скажет — запрещено 10 октября 1887 г., № 3821 (ранее было напечатано в «Беседе», 1872, № 3).

Чем люди живы — запрещалось 10 октября 1887 г., № 3821, 19 мая 1888 г., № 2136, 27 февраля 1891 г., № 1077, 4 ноября 1893 г., № 5198.

Где любовь, там и бог — запрещалось 10 октября 1887 г., № 3821 (разрешено было 18 сентября 1887 г., № 3448, т. е. за несколько дней до запрещения в отдельном сборнике народных рассказов Толстого).

Три старца — запрещалось 10 октября 1887 г., № 3821, после разрешения к печати 18 сентября 1887 г., № 3448.

Много ли человеку земли нужно — запрещалось 10 октября 1887 г., № 3821, разрешено 30 апреля 1888 г., № 1906, потом снова запрещ. 9 июня 1889 г.

Зерно с куриное яйцо — запрещалось 10 октября 1887 г., № 3821, 9 июня 1889 г.

Как чертенок краюшку выкупал — запрещено 9 июня 1889 г.

Первый винокур — запрещено 10 октября 1887 г., № 3821, потом было неоднократно разрешаемо к печати.

Два старика.

Упустишь огонь — не потушишь.

Девченки умнее стариков.

Вражье лепко, а божье крепко.

---

[1]) Архив главного комитета по делам печати, д. № 78, ч. I.

[2]) Любопытно, что комплекты этой книги, запрещенной в России, были выданы для распространения в славянских странах одному книжному комиссионеру хорвату Крунославу Геруцу (как сообщил нам И. И. Горбунов-Посадов).

Ильяс.

Два брата и золото — запрещено 10 октября 1887 г., № 3821.

Свечка—запрещено 10 октября 1887 г. № 3821, 10 ноября 1900 г., № 6260.

Крестник — запрещено 23 апреля, 1886 г.

Вместе с систематическими запрещениями этих рассказов цензурное ведомство морило и многие другие, выходившие из-под пера Толстого, произведения, были ли то беллетристические вещи или статьи или какие-нибудь «пословицы на каждый день», которые запрещались вместе с «Календарем с пословицами на 1887 г.», а потом в отдельных изданиях 9 мая 1888 г. (№ 2196) и 4 ноября 1893 г. (№ 5198.)

Укажем отдельные факты этого порядка.

Прежде всего в 1886 г. главное управление по делам печати несколькими инструкциями наставило своих цензоров на местах особенно внимательно читать все, что относилось к Толстому. (Потом, как мы уже знаем, в 1887 г. цензурование всех произведений Толстого было сосредоточено в самом главном управлении.) 15 октября 1886 г. Феоктистов известил Делянова: «по цензурному ведомству сделано распоряжение о том, чтобы все вообще рассказы гр. Л. Н. Толстого, предназначенные для народного чтения, дозволялись к печати с особой строгостью». Значит, в эти годы для Толстого был уже установлен твердый цензурный курс, с особой настойчивостью преследовавший «народные» писания Толстого [1]).

Московский духовный цензурный комитет 12 декабря 1885 г. (вернемся на год раньше) письмом за № 1416 донес «святейшему правительствующему синоду» о том, что ему представлены С. А. Толстой «Исповедь» и «Как я понял учение Христа» в корректурных листах. Этот комитет рассмотрел новые сочинения Толстого («Исповедь» уже была, как мы знаем, вырезана однажды из «Русской мысли») и нашел, что в них «по местам излагаются мысли, подвергающие сомнению важнейшие истины веры православной церкви, дерзкие кощунства, неверия и столько же дерзкие суждения о существующем строе государственного управления, представленные в выражениях сильных и картинных, каковые суждения, будучи распространены в среде православного народа, могут произвести немалый соблазн и волнения в умах и нарушить тишину церкви и государства». На этом основании комитет «благопочтительнейше представляет при сем означенное сочинение на усмотрение святейшего синода». Синод 14 мая 1886 г. «по указу его императорского величества» все это дело «слушал» и «приказал» к печати «Исповедь» «не разрешать» [1]).

В сентябре 1885 г. Толстой написал «Сказку об Иване Дураке» и, зная, что она споткнется о порог цензурного управления, хотел, было, напечатать ее или в «Неделе» или в XII части «Произведений последних годов», выпускавшихся тогда С. А. Толстой (о чем он писал В. Г. Черткову 24 октября 1885 г.).

К удивлению автора, эту сказку цензура пропустила и в полном собрании сочинений и в отдельном издании «Посредника» в 1886 г. Произошло это потому, что анархический смысл этого памфлета на государство просто не был узнан цензорами. 30 апреля 1888 г., за № 1906, главное управление по делам печати снова разрешило «Сказку об Иване Дураке».

И только через два-три года главное управление вчиталось в «Сказку» Толстого и решило сперва циркуляром от 20 января 1892 г. за № 429 запретить розничную продажу ее, а затем циркуляром от того же числа за № 430 вос-

[1]) Архив гл. управл. по дел. печати, д. № 4.

[1]) Архив канцелярии синода, д. № 2255.

претить на будущее время перепечатывание брошюры гр. Л. Н. Толстого [1]).

После этого во многих местах начались «изъятия» крамольной сказки Толстого из продажи.

Начатый писанием в сентябре 1886 г. большой труд Толстого «О жизни» и частично вошедший в XIII часть его печатавшегося в те годы собрания сочинений, был сдан в набор в типографию Мамонтова в середине 1887 г. В конце этого года, в виде печатного экземпляра, он попал в Московский цензурный комитет. Этот последний, рассмотрев, представил его синоду, заявив в своем заключении (25 января 1888 г., № 126), что Толстой в этой книге выставил руководством «не слово божие, а единственно и исключительно человеческий разум», что эта книга внушает недоверие к догматам и порицает любовь к отечеству и потому на основании ст. ст. 4 и 265 цензурного устава «подлежит безусловному запрещению». 5 апреля 1888 г. синод «слушал» и, согласившись с заключением цензурного комитета, постановил «запретить» выпуск в свет «О жизни» и обязать типографию сдать в архив комитета цензуры все 600 экземпляров [2]).

Оконченная в марте того же года «Смерть Ивана Ильича», хотя и была напечатана в XII части собрания сочинений Толстого («Произведения последних годов», М. 1886), тем не менее произвела «тяжелое» впечатление на цензурных сыщиков, выражавших недовольство ироническим отношением автора к чиновничьей жизни.

Любопытно, что, после неоднократных перепечаток, этот рассказ Толстого все же тревожил цензурное ведомство, вызывая неодобрительные отзывы цензоров. Так, напр., в 1898 г. цензор Пантелеев, перечитав «Смерть Ивана Ильича», в своем заключении заявил, что в этой повести есть «неприятный вывод, что строй наш — бюрократический, иссушает душевные стороны человека, делает людей сухими формалистами», но, тем не менее, этот рассказ Толстого не до того «тенденциозно-вредный», чтобы его нужно было запрещать.

«Власть тьмы», написанная в октябре-ноябре 1886 г. и претерпевшая много мытарств, прежде чем дождалась публичного представления в сентябре 1895 г. (в Александринском театре), была напечатана в собрании сочинений Толстого в 1886 г. и отдельно «Посредником» в 1887 г., но сейчас же после ее выхода в свет цензурное ведомство, 7 апреля 1887 г., циркуляром за № 1435, запретило «Власть тьмы» в розничной продаже. 21 октября 1895 г. (после «высочайшего» разрешения к представлению этой пьесы) снова была разрешена перепечатка ее (циркуляр № 6060), но в 1898 г. после нового рассмотрения ее Петербургский цензурный комитет циркуляром от 10 сентября 1898 г. за № 2159 признал ее «непригодной для народного чтения» и запретил новым изданием (в издательстве О. Поповой).

Систематически запрещалась перепечатка отдельным изданием статьи Толстого «Для чего люди одурманиваются» (она была в 1891 г. напечатана как предисловие к книге д-ра П. С. Алексеева «О пьянстве», в изд. «Русской мысли»). Запрещаема она была 23 октября 1891 г., 5 августа 1892 г. и, наконец, 17 октября 1898 г., и главной причиной такого гонения на нее служили, как сказано в отзыве Петербургского цензурного комитета от 17 октября 1898 г., «резкие места, касающиеся военного сословия и правящих сфер» [1]).

---

[1]) Этот последний циркуляр приведен в ст. С. М. Брейтбурга «К цензурной истории «Сказки об Иване Дураке» в сб. «Толстой и о Толстом», М., 1924, вып. 1.

[2]) Архив синодальной канцелярии, д. № 2264.

[1]) Архив Петербургского ценз. комитета, д. № 36.

В мае 1888 г. Петербургский цензурный комитет запрашивал главное управление о возможности переиздания некоторых народных рассказов Толстого. Феоктистов 19 мая ответил, что «Два старика», «Чем люди живы», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Пословицы на каждый день» запрещаются, а можно пропустить только «Кавказского пленника» [1]).

В 1890 г. в петлю цензурного ведомства попали даже «Севастопольские рассказы», которые предполагало переиздать Петербургское общество грамотности под заглавием «Рассказы о Севастопольской обороне». Сущность дела выясняется из доклада цензора С. Коссовича Петербургскому цензурному комитету. На основании этого доклада означенный комитет 9 октября 1890 г. известил главное управление по делам печати, что «маститый автор в предполагаемом новом издании, не вставляя ничего нового, старается изменить патриотический тон рассказов многими исключениями. Все исключения сделаны с явной тенденциозностью. Так, напр., выкинуты: 1) на стр. 3—4 строки о геройстве при обороне Севастополя и о мотивах войны, как поднятой за угнетенных на востоке христиан, 2) на стр. 5 о воодушевленном героизме населения, даже арестантов, и о подвигах первых начальников гарнизона, 3) на стр. 6 эпитеты «многострадальный» и «достославный», обращенные к Севастополю, 4) на стр. 9 фраза «о геройском подъеме духа всех» и т. п. В таком упрощенном виде рассказы о Севастопольской обороне теряют совершенно патриотический склад. Фаталистически умирают люди неведомо зачем, неведомо про что...»

Феоктистов, рассмотрев это заключение Коссовича, согласился с ним и уведомил 5 ноября 1890 г. за № 4653 Петербургский цензурный комитет о том, что «рассказы о Севастопольской обороне могут быть допущены к перепечатке новым изданием в первоначальной редакции, без исключений» [1]).

В этом же году много хлопот цензурному ведомству и придворным канцелярским кругам доставили «Крейцерова соната» и «Плоды просвещения».

«Крейцерова соната», написанная в 1889 г., предназначалась Толстым для книги «В память С. А. Юрьева» (сборник, изданный друзьями покойного в 1890 г.), но 25 апреля 1890 г. последовало со стороны главного управления по делам печати запрещение этой повести — «в виду стремления означенного сочинения дискредитировать церковный брак и нравственность современного высшего общества». Тогда Н. И. Стороженко, принимавший ближайшее участие в издании сборника памяти С. А. Юрьева, обратился к Толстому с просьбой о «замене» этой повести другим произведением [2]). Как раз к этому времени поспели «Плоды просвещения» («Исхитрилась»), исполненные с таким успехом в домашнем спектакле в Ясной Поляне 30 декабря 1889 г., и Толстой согласился дать эту пьесу в сборник.

С выпуском сборника памяти Юрьева надо было торопиться, и Стороженко обратился с письмом к Феоктистову о скорейшем разрешении печатать «Плоды просвещения» [3]). Разрешение не очень задержалось, и книга вышла с «Плодами просвещения» вместо «Крейцеровой сонаты».

Тем временем «Крейцерова соната» распространилась в неисчислимом количестве гектографированных списков и рукописей. Н. Н. Страхов в письме Толстому от 24 апреля 1890 г. вы-

[1]) Архив гла ного управл. по делам печати, д. № 78, ч. I.

[1]) Архив гл. управл. по делам печати, д. № 78, ч. I.

[2]) Архив гл. управл. по делам печати, д. № 36.

[3]) Архив III отд. гл. управл. по делам печати, д. № 9.

разился так: «Вы знаете, что целую зиму только об ней и говорили и что вместо:—«Как ваше здоровье?»—обыкновенно спрашивали: «Читали вы «Крейцерову сонату?» Цензура очень вам услужила, задержавши печатание» [1]).

В течение года «Крейцерову сонату» напечатали два раза за границей: в типографии А. Островского в Берлине и в издательстве М. К. Элпидина в Женеве. На русское же издание «Крейцеровой сонаты» («Произведения последних годов», часть XIII, 1890) главное управление по делам печати наложило свою лапу, и только благодаря хлопотам С. А. Толстой, ездившей в апреле 1891 г. в Петербург лично к Александру III просить о снятии ареста, книгу удалось выпустить в свет. 3 мая 1891 г. последовало «высочайшее» разрешение на издание «Крейцеровой сонаты» в полном собрании сочинений, а вдогонку за этим разрешением главное управление по делам печати 8 мая запретило печатание новой повести Толстого отдельным изданием. Тем не менее нашлись смелые типографы-предприниматели, которые изредка печатали нелегальные издания «Крейцеровой сонаты». А когда уже в 1899 г. два издателя (Комелев и Клюкин — в тип. Е. Гербек в Москве, в количестве 2400 экз.) выпустили снова «Крейцерову сонату», то, несмотря на требования исп. обяз. начальника главного управления по делам печати Соловьева о запрещении ее, Николай II, по докладу Сипягина, находившего невозможным «возмещать расходы издателей» из средств казны, пропустил повесть Толстого.

II.

Писание Толстым таких произведений, как «Так что же нам делать?», находилось в прямой зависимости от требований времени. Вопросы переустройства всей жизни на новый лад приобрели к периоду 80-х годов особую актуальность.

Вот почему такие явления нашей публицистической мысли, как «Так что же нам делать?» и позже «Царство божие внутри вас» являлись живым отголоском эпохи.

Жизнь города все более и более становилась Толстому невыносимой. На лето он всегда уединялся в Ясную Поляну. 4 апреля 1886 г. он с котомкой за плечами ушел по Серпуховской дороге в родную деревню. Встреча с одним 95-летним стариком и рассказы его о времени Николая I натолкнули его на мысль написать рассказ «Николай Палкин».

В этом рассказе вылились все чувства отвращения Толстого к той династии, которая возглавляла самодержавно-православную Россию.

Особенно резкую характеристику дал Толстой Петру I и Николаю I. Петра Толстой назвал «беснующимся, пьяным, сгнившим от сифилиса зверем», который четверть века губил и казнил людей, издеваясь над всеми и которого теперь за это «восхваляют».

Отрывки нового рассказа Толстого (впоследствии им доработанного) с резкой характеристикой Романовых скоро стали достоянием многочисленных читателей, получавших их «из-подполы» в гектографированном виде.

Стали искать, откуда исходят эти экземпляры «Николая Палкина». Московской охранкой были получены «агентурные сведения» о «неблагонадежности» на этот счет студента-филолога М. А. Новоселова, бывшего тогда последователем идей Л. Н. Толстого. 27 декабря 1887 г. у Новоселова был произведен обыск, во время которого были найдены экземпляры «Николая Палкина». 14 января министр Д. Толстой сделал по этому поводу доклад Александру III, что у Михаила Новоселова, который «занимался пре-

[1]) Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, СПБ. 1913, стр. 400.

ступной деятельностью среди рабочих», была найдена рукописная брошюра «Николай Палкин» возмутительного содержания, гектографические принадлежности, стихотворение из «Вестника Народной Воли» и несколько писем известного писателя гр. Л. Н. Толстого». В своем докладе Д. Толстой давал следующее, тонко выдуманное заключение насчет самого Л. Толстого: «Автор помянутой брошюры «Николай Палкин» подлежал бы по закону преследованию за составление противоправительственного сочинения. Принимая однако во внимание, что гр. Л. Толстой, несомненно, писал ее вне каких-либо преступных связей и намерений и исключительно под влиянием своего религиозного фанатизма и что привлечение его к дознанию вызвало бы совершенно нежелательные толки и последствия, казалось бы наиболее целесообразным не привлекать гр. Льва Толстого к возбужденному о Новоселове дознанию. Вместе с тем, признавая, что указания, данные Новоселовым, нельзя оставить без внимания, я предлагаю поручить московскому генерал-губернатору пригласить к себе гр. Толстого и, сделав ему должное внушение, предложить вместе с тем представить немедленно все имеющиеся у него экземпляры этого издания».

Этот доклад был «утвержден» Александром III, и вслед за тем начальник московского жандармского отделения был уведомлен о том, чтобы «никаких следственных действий» в отношении «литератора» Толстого не производить, а московский ген.-губернатор В. А. Долгоруков получил письмо Д. А. Толстого с просьбой о «должном внушении» Толстому.

В. А. Долгоруков «совершенно конфиденциально» ответил министру:

«Милостивый государь, граф Дмитрий Алексеевич. Получив письмо вашего сиятельства от 18 сего января за № 114, я, во избежание нежелательной огласки и тревоги в семье гр. Льва Толстого, пригласил его для объяснений чрез личное посредство знакомого с ним управляющего моей канцелярией, коллежского советника Истомина. На переданное ему приглашение гр. Л. Н. Толстой сказал, «что, несмотря на свое уважение к кн. В. А. Долгорукову, он, к сожалению, не может исполнить его желания». Прибыть добровольно для объяснений по вопросу о каких бы то ни было своих сочинениях не может по своим убеждениям, так как в подобном приглашении усматривает вторжение в свой духовный мир. Что касается до способа распространения своих сочинений, то единственно правильным признает тот, которому [sic!] придерживался до настоящего времени, а именно печатание своих произведений и представление их в цензуру. Разрешение или тайное содействие к распространению своих запрещенных сочинений он считает несогласным с совестью и своими религиозными принципами, причем в доказательство привел тот факт, что за минувшие два года к нему обращались с предложениями из трех различных источников напечатать его запрещенные сочинения, но он безусловно отклонил все три предложения и так же, в силу своих религиозных верований и понимания им соответствующих текстов евангелия, будет действовать и впредь. Что касается до брошюры «Николай Палкин», то таковая, по словам гр. Л. Н. Толстого, представляет черновой набросок, вовсе не изготовленный для печати и не обработанный. Рассказ этот случайно переписан Новоселовым. На письменное предложение Новоселова гектографировать этот рассказ гр. Л. Толстой, сколько помнит, ничего не отвечал, как делает это всегда при подобных предложениях, считая себя не в праве, с одной стороны, скрывать им высказанное, а с другой — каким-либо искусственным, скрытым способом распространять свои мысли. Гектографированных оттисков рассказа «Николай Палкин» гр. Л. Толстой не только ни-

когда не получал, но и не видал; распространения своих сочинений, при которых нужно прибегать к скрытности или обману, по принципу не одобряет и всегда отсоветывает тем, которые хотят распространять его сочинения, прибегая к подобному способу.

Сообщая вашему сиятельству точное изложение ответа гр. Л. Н. Толстого, записанного Истоминым, в виду как общего смысла вашего письма, так и личного моего мнения, полагал бы возможным ограничиться заявлением гр. Толстого, в искренности коего, в силу религиозного его фанатизма и свойственной ему правдивости, сомневаться невозможно. Думаю, помимо высокого значения его таланта, что всякая репрессивная мера, принятая относительно гр. Л. Толстого, окружит его ореолом страдания и тем будет наиболее содействовать распространению его мыслей и учения. Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Вл. Долгорукова».

На этом письме кн. Долгорукова имеется пометка гр. Д. А. Толстого: «Прочтено мною его величеству. Высочайше повелено принять к сведению. 28 января» [1]).

Вместе с официальными самодержавными сферами в восьмидесятых годах начали выступать против деятельности Толстого и растущего влияния его идей «патриотически» настроенные дворянские и купеческие круги. Отношение этих реакционных групп России к Толстому приобретало в эти годы определенные черты: открытая ненависть и стремление всякими способами пресечь влияние «яснополянского еретика».

Можно утверждать, что одним из наиболее ретивых вдохновителей этой ненависти был, несомненно, К. П. Победоносцев, этот «министр православия», с благословения которого действовали против Толстого все «верующие миряне», изрекавшие в русской реакционной прессе всякую «хулу и клевету» на обвинителя их сытого благоденствия.

Толстой умел с исключительным внешним спокойствием переносить все вылазки против себя со стороны матерых патриотов России. Правда, это внешнее спокойствие и выдержанность далеко не всегда соответствовали внутреннему состоянию Толстого, сохранившего до конца своих дней молодую горячность и даже раздражительность. Про себя Толстой негодовал и с нескрываемой брезгливостью и презрением смотрел на всех этих Победоносцевых и их прислужников.

Тем не менее он никогда не «оправдывался» и не протестовал по чисто личным мотивам.

Борьба с голодом, охватившим крестьянство центральных губерний в 1891—1892 гг., помощь духоборам — таковы наиболее значительные факты общественного значения в биографии Толстого, выделяющиеся на фоне других следов его деятельности в девяностые годы. Статья «Помощь голодным» (в «Книжках недели», 1892, № 1), написанная осенью 1891 г. и предназначавшаяся для «Вопросов психологии и философии» Н. Я. Грота (в полном виде, под заглавием «Письма о голоде»), была безобразно искажена цензурой, потому что в ней Толстой связал русский голод с жизнью всей самодержавно-аристократической России, грабившей своих «подданных» крестьян.

Трагические картины русского голода и безработицы, сопровождавшиеся всевозможными карательными экспедициями против «бунтовавших» крестьян, послужили Толстому обильным материалом для создания его книги «Царство божие внутри вас».

Перечисляя все «подвиги» русской власти на поприще угнетения крестьян и рабочих, Толстой говорит в этой книге о дружном союзе ее с церковью.

[1]) «Былое» 1918 г., № 3, стр. 213—215.

Русское правительство помогает «церкви совершать ее одуряющее и развращающее действие в России...» «Нигде в Европе нет столь деспотического правительства и до такой степени согласного с царствующей церковью. И потому участие власти в развращении народа в России самое сильное...»

В 5-ой главе «Царства божия внутри вас» Толстой, говоря о стачках, и рабочих союзах, о 1-м мая и т. д., так определяет положение буржуазии: «Правящие классы по отношению рабочих находятся в положении подмявшего под себя противника и держащего, не выпуская его не столько потому, что он не хочет выпустить его, сколько потому, что он знает, что стоит ему выпустить на мгновение подмятого, чтобы самому быть сейчас зарезанным, потому что подмятый озлоблен и в руке его нож».

Книга «Царство божие внутри вас» разошлась в гектографированном и машинописном виде в огромном количестве экземпляров.

Первое издание «Царства божия внутри вас» было напечатано А. Дейбнером в Берлине (1893—1894) и всякими окольными путями перекочевывало в Россию. Русской жандармерии стоило больших трудов вылавливание отдельных экземпляров этого заграничного издания в пределах России. В архиве главного управления по делам печати сохранился секретный циркуляр Е. Феоктистова от 18 мая 1894 г. за № 2829 следующего содержания: «До министерства внутренних дел дошли сведения, что сочинение «Царство божие внутри вас», напечатанное за границей и безусловно запрещенное к обращению, в настоящее время в значительном количестве экземпляров тайно проникло в пределы империи и распространяется, между прочим, путем перепечатывания на пишущих машинках, в особенности в южных губерниях»... Далее предписывается «бдительный надзор» за всеми типографиями, литографиями и лицами, имеющими пишущие машинки [1]).

Преследования всего антицерковного и антигосударственного шли рука об руку с цензурными налетами на Толстого. Феоктистов вместе с Петербургским и Московским и другими цензурными комитетами продолжал свое черное дело.

«Холстомер» был разрешен (11 августа 1892 г.) с пропусками мест, в которых автор высказывает «тенденциозные мысли о частной собственности» [2]).

«Суратская кофейня» сперва (9 апреля 1893 г. за № 1873) запрещается к печати, потом ее разрешают, потом снова (15 мая 1895 г.) запрещают.

Того же 15 мая 1895 г. за № 3013 запрещаются к печати: «Три притчи», «Ходите в свете, пока есть свет», «Религия и нравственность», «Карма» и «Франсуаза».

«Религия и нравственность» (написана в августе-октябре 1893 г.) была представлена летом 1894 г. в Петербургский цензурный комитет для пропуска к печати. Этот комитет нашел ее «не удовлетворяющей цензурным требованиям»... «Крайне нежелательно, — сообщил он 17 сентября 1894 г., за № 1647, в главное управление по делам печати, — появление таких рассуждений гр. Толстого в наших журналах, особенно имея в виду тот круг наших читателей, который принимает всякое рассуждение этого писателя за непреложные истины». Главное управление согласилось с такой квалификацией статьи Толстого и 19 сентября за № 5412 ответило Петербургскому цензурному комитету, что «статья гр. Толстого «Религия и нравственность» должна быть запрещена к печати» (подписано Феоктистовым) [3]). Только через год

---

[1]) Архив гл. управл. по делам печати, д. № 73.

[2]) Архив гл. управл. по делам печати, д. № 36, ч. II.

[3]) Архив гл. управл. по делам печати, д. № 78, ч. II.

удалось «протащить» эту статью в собрании сочинений Толстого (часть XIV, 1895).

11 ноября 1894 г. синод слушал дело о ввозе в Россию «Соединения перевода и исследования четырех евангелий» (изд. Элпидина в Женеве в 3 томах). После обсуждения синод, «принимая во внимание, что изданная за границей книга гр. Льва Толстого «Соединение и перевод четырех евангелий» исполнена мыслей и выражений, противных догматам христианской веры и учению православной церкви», решил, что «означенная книга не может быть допущена к обращению в публике», и постановил «предоставить г. синодальному обер-прокурору просить распоряжения министра внутр. дел о недопущении ее к распространению в России» (протокол № 3167). 15 декабря Победоносцев уже имел возможность сообщить синоду (отношением за № 6487), что министр внутренних дел 11 ноября циркуляром № 3167 распорядился не допускать никоим образом этой книги в пределы России [1]).

После «Религии и нравственности» Толстой написал статью о Тулонских торжествах: «Христианство и патриотизм», в которой с таким же негодующим сарказмом, как и в «Царство божие внутри вас», расценивал франко-русские отношения, направленные якобы к восстановлению «мира», а на самом деле только разжигающие «патриотизм». Толстой чувствовал, как от этих «торжеств» с их парадными обедами и дипломатической болтовней пахло пороховым дымом.

Конечно, о печатании «Христианства и патриотизма» в России было бы наивно и думать. Началось усиленное его гектографирование и нелегальное распространение. Кроме того, в Россию стали проникать издания этой статьи, выпущенные в Женеве Элпидиным (1895). Особенно этими заграничными изданиями были полны окраины России: Польша, Лифляндия, Курляндия... Переписка по жандармской линии между окраинными охранниками и Петербургом говорит о прямом наводнении нелегальных изданий данной статьи Толстого. Лифляндское жандармское управление в течение нескольких лет терпеливо собирало эту «нелегальщину» и, наконец, 31 мая 1901 г. письмом за № 1753 запросило главное управление по делам печати, что делать с гектографированными и иностранными изданиями «Христианства и патриотизма». Главное управление через Петербургский цензурный комитет известило (18 июля 1901 г.), что ввоз означенных изданий запрещен и надо поэтому «неукоснительно следить о прекращении всякого доступа их из-за границы» [1]).

В том же 1895 г., 18 января, в главном управлении по делам печати, по докладу цензора Пеликана, было отказано «Посреднику» в отдельном издании «Кармы», как «заключающей в себе совершенно чуждое православию учение о нравственности и загробной жизни» [2]). 9 декабря на запрос Петербургского комитета цензуры иностранной о возможности ввоза в Россию брошюры Толстого «Ходите в свете, пока есть свет» (изд. Элпидина 1892) Петербургский цензурный комитет ответил, что «сочинение гр. Толстого «Ходите в свете, пока есть свет», «по распоряжению главного управления по делам печати, не дозволяется к печати, поэтому и заграничное его издание не может быть дозволено к обращению в России» (отношение от 9 декабря 1895 г. за № 2219).

В 1894—1895 гг., наконец, были разрешены к повсеместному представлению пьесы Толстого «Власть тьмы»

---

[1]) Архив канцелярии синода, д. № 2671.

[1]) Архив Петербургского цена. комитета, д. № 78, ч. IV.

[2]) Архив гл. управл. по делам печати, д. № 78, ч. II.

и «Плоды просвещения». «Власть тьмы» в течение 11 лет находилась под запретом, несмотря на всякие «любительские» ее исполнения и несмотря даже на то, что сам Александр III нашел ее приемлемой для сцены. Только 16 сентября 1895 г. последовало «высочайшее» разрешение на постановку ее на «императорской сцене», о чем министр двора Фредерикс известил 20 сентября за № 2380 министерство внутр. дел. «Плоды просвещения» претерпели не менее трудные мытарства. 26 апреля 1890 г. И. Н. Дурново на справке о «Плодах просвещения» сделал такую надпись: «Его величество изволит находить эту пьесу неудобной для сцены, на любительских же театрах она может быть разрешаема». В этом смысле Феоктистов разослал печатный циркуляр от 28 апреля за № 1867 по всем губерниям. В этой пьесе Толстого подозревали «памфлет на высшее сословие». Но социально-бытовое значение пьесы и ее живая форма привлекли к ней внимание всех тогдашних антрепренеров. В главное управление посыпались просьбы о разрешении постановок этой пьесы. Феоктистов, читая все эти просьбы от «любителей», вынужден был разрешать. Напор театральных администраций был так велик, что пришлось итти на уступки. 21 сентября 1891 г., за № 3113, министр двора Воронцов-Дашков «конфиденциально» известил Дурново, что «Плоды просвещения» разрешены на «императорской» сцене, но прошло еще три года, пока, наконец, они не были (5 апреля 1894 г.) разрешены к исполнению на всех сценах [1]).

Не перечисляя всех цензурных препон, встретившихся на пути печатания Толстого в конце 90-х годов (их было достаточное количество), отметим следующие казусы. 16 июля 1896 г., за № 4485, главное управление по делам печати, согласившись с заключением Петербургского комитета, сообщило последнему, что «рукопись «Разум и религия» гр. Л. Толстого не должна быть дозволяема к напечатанию». Боясь расширения сферы влияния Толстого, главное управление печати пресекало попытки переводов Толстого на языки национальных меньшинств. Так, напр., Петербургский цензурный комитет на запрос акмолинского военного губернатора ответил 10 февраля 1897 г. за № 352, по поводу возможности напечатания на киргизском языке «Чем люди живы»: «Рукопись эта признана главным управлением по делам печати не подлежащей дозволению» (подпись: Коссович) [1]). Петербургский цензурный комитет за подписью Н. Шаховского представил 5 июня 1899 г., за № 1288, брошюру Толстого «Первый винокур» на тюркском языке. Хитроумный Соловьев, вр. исп. обязанности начальника главного управления по делам печати, положил такую резолюцию: «Тюрки, как магометане, вина не пьют, поэтому брошюра Толстого на их языке практической пользы принести не может, но может способствовать несправедливому воззрению их на русский народ, почему появление в печати тюркского перевода нежелательно». После этого брошюра была запрещена.

28 октября 1898 г. было запрещено появление в печати брошюры Толстого «Для чего люди одурманиваются».

В 1898 г., который снова увлек Толстого на борьбу с голодом (апрель, май в Чернском, Ефремовском и Мценском уездах), Толстым была написана статья «Голод или не голод». Появившаяся в «Руси» (1898, №№ 4 и 5), она была немедленно запрещена к перепечатке. Между тем С. А. Толстая поместила ее в XIV часть собрания сочи-

[1]) Архив III отд. гл. управл. по делам печати, д. № 11.

[1]) Архив гл. управл. по делам печати, д. № 78, ч. III.

нений Толстого, которая в количестве 2400 экз. была уже напечатана. Московский цензурный комитет задержал выпуск ее в свет. С. А. Толстая пишет М. П. Соловьеву письмо 7 августа 1898 г. с просьбой освободить книгу от ареста. Соловьев ответил издательнице: «Затруднения возникли главным образом вследствие статьи «Голод или не голод». Устранение сей статьи, не прибавляющей новых лавров к славе знаменитого романиста, устранило бы и препятствия, затрудняющие комитет при выпуске XIV части». В заключение предлагалось С. А. Толстой «обжаловать» действия комитета. Только после упорных хлопот удалось добиться выпуска книги из типографии.

III.

Тактика преследования Толстого и его сочинений при помощи арестов и ссылок лиц, распространявших эти сочинения, вынудила Толстого написать по этому поводу специальное письмо министрам внутренних дел и юстиции (20 апреля 1896 г.). В этом письме он протестовал против мер правительства, направленных не по адресу: «Меры эти, — заявлял он, — в высшей степени несправедливы потому, что они не направляются на то лицо, от которого исходит то, что считается правительством злом. Такое лицо в данном случае — я: я пишу те книги и письменно и словесным общением распространяю те мысли, которые правительство считает злом, и потому, если правительство хочет противодействовать распространению этого зла, то оно должно обратить на меня все употребляемые им теперь меры против случайно попадающихся под его действие лиц, виновных только в том, что они имеют интересующие их запрещенные книги и дают их для прочтения их знакомым. Правительство должно поступить так еще и потому, что я не только не скрываю этой своей деятельности, но, напротив, прямо этим самым письмом заявляю, что я писал и распространял те книги, которые считаются правительством вредными, и теперь продолжаю писать и распространять и в книгах, и в письмах, и в беседах такие же мысли, как и те, которые выражены в книгах».

Письмо Толстого однако ничего не изменило: система Победоносцева, по которой все кары направлялись против «распространителей» и «последователей» Толстого, продолжала действовать в полной мере.

Беспокойные мысли о духоборах и необходимость немедленного переезда их в Канаду привели Толстого к решению закончить давно задуманную «Коневскую повесть» — «Воскресение» и напечатать ее в «Ниве» с тем, чтобы весь гонорар передать на расходы, связанные с этим переездом.

С удвоенной энергией он заканчивает этот роман и печатает в «Ниве» и за границей.

Только поставленная им цель — передача денег духоборам — мирила его с тем развязным отношением к страницам нового романа, какое проявила петербургская цензура. Все абзацы романа, где говорилось о царях и министрах, о тюремщиках и палачах, все главы его с описанием церковного дурмана — все это было вытравлено цензурными чиновниками.

Примечательно, что не только в России «Воскресение» было изрезано цензурными ножницами, — в «либеральных» странах Европы оно подверглось также цензуре: там были «свои» изъятия — по причинам «местного» свойства. О полном издании «Воскресения» в России мечтать не приходилось. Мало того: многим издателям, хлопотавшим о напечатании отдельной книгой романа Толстого, получившего такое исключительное распространение и популярность, запрещали печатать роман даже в том виде, в каком он появился в «Ниве» (напр., киевскому издателю И. Само-

ненко в 1900 г.), а если и разрешали, то строго следили за точностью установленного цензурой текста.

Девятисотые годы проходили в жизни Толстого под тем же знаком «запрещений» и «недозволений» опубликовывать то, что он думал о русской жизни, о кровавой политике царского правительства, о крестьянских волнениях перед русско-японской войной, о еврейских погромах, о войне, о революции 1905 г. и о карательных зверствах столыпинского периода.

В сущности, почти все его значительные статьи этого времени нашли себе приют за границей и распространялись по России исключительно нелегальным путем. Толстой отправлял «Свободному слову» В. Г. Черткова (в Англии) свои очередные статьи, и там они печатались. «Рабство нашего времени», «Закон насилия и закон любви», «Одумайтесь» и многие другие, более мелкие по объему статьи — все это прошло мимо русской легальной печати.

В России охранникам только приходилось заниматься конфискацией толстовской литературы иностранного происхождения. Печатавшийся же здесь материал Толстого систематически воспрещался к распространению через «ходебщиков и офеней» и к пользованию в общественных библиотеках (так было, между прочим, с напечатанными в 1900—1901 гг. в типографии Поплавского сборниками рассказов Толстого: «Дорого стоит и др.» и «Требования любви и др.»).

Цензурное ведомство неистовствовало. Издания «Посредника», «Обновления» и других издательств, в которых опубликовывались противоправительственные и противоцерковные писания Толстого, систематически конфисковывались, с привлечением их издателей к уголовной ответственности по 128 и 129 ст. ст. Нужно заметить, что на основании «манифеста о свободах» 17 октября многие издательства выпустили в свет брошюрами ранее запрещавшиеся произведения Толстого. Но оказалось, что этот «манифест» поняли немножко не так, как нужно было понимать. Началась свобода... цензуры, которая хватала все эти «крамольные» сочинения Толстого и представляла услужливым органам юстиции.

20 декабря 1906 г., за № 3185, Петербургский цензурный комитет известил прокурора Петербургской судебной палаты, что на брошюры Толстого (изданные «Обновлением») «Не убий», «Солдатская памятка», «Офицерская памятка» и «Письмо к фельдфебелю» наложен арест, и издательство привлекается к ответственности по пп. 3 и 5 ст. 129 уголовного уложения.

Член Петербургского цензурного комитета Соколов нашел, что «Восстановление ада» Толстого подлежит судебному преследованию по 73 и 128 ст.ст., так как содержит в себе «безусловное неуважение к верховной власти» и «кощунственное отношение к обрядам и таинствам» [1]).

Беспощадно конфискуются (некоторые по нескольку раз): «Солдатская памятка», «Где выход?», «Неужели так надо?», «Офицерская памятка», «Единое на потребу», «О значении русской революции», «Патриотизм и правительство», «Одумайтесь» и другие брошюры и книги Толстого.

По сведениям «Алфавитного указателя книгам и брошюрам, арест на которые утвержден судебными установлениями», в период с 1906 по 1911 гг. отдельные сочинения Толстого подвергались конфискации 46 раз.

В 1907—1908 гг. издательство «Посредник» отпечатало в двух книгах сложный и стоивший Толстому огромных усилий труд «Соединение, перевод и исследование четырех евангелий».

---

[1]) Архив Петербургского цензурного комитета, д. № 218.

Московский комитет цензуры, по согласованию с московским ген.-губернатором (Гершельманом), наложил арест на это издание, как «дерзко-кощунственное» и поносящее церковь и «сына божия». Издатель его И. И. Горбунов-Посадов едва избежал привлечения к ответственности. Возбужденное дело длилось до декабря 1912 г., когда постановлением Московской судебной палаты все издание в 6 тысячах экземпляров было сожжено.

Это была расправа официального «православия» с толстовской «ересью». Любопытно, что такой же расправе на религиозной почве подверглось и толстовское «Учение Христа, изложенное для детей».

Тот же Московский цензурный комитет вскоре обрушился на второй выпуск II тома «Круга чтения» Толстого. На эту книгу, изданную «Посредником», был наложен арест, все «крамольные» места ее были вырезаны, а издатель И. И. Горбунов-Посадов был приговорен к году крепости [1]).

В 1908 г. раздалось «Не могу молчать» Толстого. Посыпались штрафы, конфискации и аресты редакторов, перепечатывавших эту статью. «Русские ведомости» заплатили 3 000 руб. за напечатание «Не могу молчать», «Одесские новости» — 1 500 руб., «Одесское обозрение» — 1 000 руб., «Приднепровский край» и «Южная заря» по 200 р., «Голос Батума» — 300 руб., «Север» (в Вологде) — 500 руб., «Авотс» (в Риге) — 100 руб. и т. д.

Последние дни жизни Толстого были полны тех же преследований всего, что выходило из-под его пера, какими характеризуется весь шестидесятилетний период его деятельности.

Н. Апостолов.

---

[1]) См. об этом И. И. Горбунов-Посадов, Песни братства и свободы, М. 1918, стр. 235 и след.

Ответственная редакция: { В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский. В. Фриче. }

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. М. Фриче

Стр.

Балтийский флот накануне Октября. С предисловием *А. Дрезена* . . . 5— 36
Временное Правительство Автономной Сибири. С предисловием *В. Максакова* . . . . . 37—106
Из истории национальной политики царизма. . . . . 107—127
Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины. *(Окончание.)* . . . . . 128—150
«Союз 17 октября» в 1906 г. С предисловием *В. Астрова* . . . . . 151—175
Восстание в Бездне. С предисловием *М. Нечкиной* . . . . . 176—208

Из записной книжки архивиста

Николай Романов об убийстве П. А. Столыпина. Сообщил *А. Сергеев.* 209—211
Тактика высшего командования в Февральскую революцию. Сообщил *С. Рабинович* . . . . . 212—215
Л. Н. Толстой под ударами цензуры. Сообщил *П. Апостолов* . . . . . 215—235